Ю. КОРБЕТТ

НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПЫ МОРСКОЙ СТРАТЕГИИ

ПЕРЕВОД
С АНГЛИЙСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—1932

L960

км.МЗсч - Библ - 20.IX-32

II
Б-3342

1952 г.

Библиотека

Ю. КОРБЕТТ

НЕКОТОРЫЕ ПРИНЦИПЫ МОРСКОЙ СТРАТЕГИИ

ПРОВЕРЕНО 1949 г.

Перевод с английского
П. Смирнова

с вступительной статьей
И. Ерухимовича

Ф № 187859

Военно-Морская Академия Кораблестроения и Вооружения
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

МОСКВА — 1932
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ю. Корбетт — „Некоторые принципы морской стратегии“. Корбетт посвящает свой труд теории стратегии морской войны. Подчеркнув во введении практическое значение теоретического учения о войне для военных и политических государственных деятелей, рассмотрев затем основы учения о войне Клаузевица, а также Жомини, и классификацию войн по их характеру, автор развивает теорию морской войны как средства достижения господства на морских путях (коммуникациях) и на основе этой теории разбирает методы установления состава военно-морских флотов и типические формы морских операций. Корбетт писал свою книгу до мировой войны (издана в 1911 г.), но несмотря на это его труд представляет интерес для высшего и старшего командного состава Рабоче-крестьянской Красной армии, военно-морских сил и военно-воздушных сил, а также для политических деятелей, — как научное произведение автора, обладающего выдающейся эрудицией в области военноморского дела и военноморской истории, и являющегося одним из виднейших представителей британской школы морской стратегии. Книга Корбетта интересна также как труд, послуживший основой для немецкого труда О. Грооса „Учение о морской войне в свете опыта мировой войны“, изданного Военным отделом Государственного издательства в 1930 г.

К печати подготовили:
Редактор *Г. Лохтин*
Техн. редактора: *Е. Шлегер* и *Н. Автономов*
Корректора: *А. Мареева* и *Е. Хлопков*
Сдано в набор 1/XI 1931 г.
Подписано к печати 17/IX 1932 г.
Формат 62 x 94 1/16, в бум. листе 105.152 знака 13¼ п. л. 15,01 авт. л.
Главлит № Р-27831. Заказ № 4624.
Тираж 3.000. ОГИЗ № 826.

Центр. тип. НКВМ им. Клима Ворошилова, Москва, ул. Маркса и Энгельса, 17.

Julian S. Corbett

Some Principles of Maritime Strategy

Longmans, Green and C[o]
London
1911

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

„Некоторые принципы" Юлиана Корбетта. Вступительная статья И. Ерухимовича 5

Введение. Теоретическое исследование сущности войны. Польза этого исследования и ее пределы 21

Часть I.

Теория войны.

Глава I. Теория войны 27

Глава II. Характер войн: войны наступательные и оборонительные . . . 36

Глава III. Характер войн: войны ограниченные и неограниченные 43

Глава IV. Ограниченная война и великие морские державы; развитие теории Клаузевица и Жомини об ограниченном территориальном об'екте и ее применение в современных условиях мировых держав 50

Глава V. Вмешательство в войны: ограниченное вмешательство в неограниченной войне 55

Глава VI. Сильные стороны ограниченной войны 62

Часть II.

Теория морской войны.

Глава I. Теория цели—господство на море 72

Глава II. Теория средств—состав флотов 84

Глава III. Теория метода—сосредоточение и рассредоточение сил 99

Часть III.

Ведение морской войны.

Глава I. Вступительная. 116

1. Природные различия в условиях войны на суше и на море . —

2. Типические формы морских операций 120

Глава II. Методы обеспечения господства на море 124

1. Путем решительного боя . . . . . —

2. Блокада 134

Глава III. Методы оспаривания господства на море 151

1. Оборонительные операции флота, „a fleet in being" . . . . . —

2. Малые активные операции 162

Глава IV. Методы операций в условиях необеспеченного господства на море 166

1. Оборона против вторжения . . . . . —

2. Действия против торговли и ее защита 183

3. Действия против десантных экспедиций, их защита и поддержка 197

Приложения: 3 схематических карты

„Некоторые принципы“ Юлиана Корбетта.

(Вместо предисловия).

Сэр Юлиан Страффорд Корбетт — имя, которое ничего не говорит советскому читателю. А между тем это — целая эпоха, отходящая в небытие.

Юлиан Корбетт — один из последних могикан старой военноморской школы британского империализма. Свою политическую и военную карьеру Корбетт начал сравнительно скромно — корреспондентом «Пель-Мель Газет» — и закончил в качестве одного из крупнейших военноморских писателей и историков Великобритании.

Корбетт весь в прошлом. Свою сравнительно долгую жизнь он посвятил изучению, как он сам говорит — «золотого века» британского военноморского могущества, т. е. периода времени, в течение которого в Англии окончательно сложился капитализм и создались условия для возникновения его последней стадии — империализма. Это обстоятельство следует отметить с самого начала, ибо оно является как бы ключом к пониманию и к открытию внутренних противоречий и внутренней связи между политикой и экономикой английского империализма и реакционнейшей «британской школой стратегии». Одним из виднейших представителей этой школы, несомненно, являлся Корбетт.

Нужно, впрочем, сказать, что Корбетт не был самым реакционным представителем «британской стратегии». Пожалуй даже он был одним из тех, кто пытался несколько обновить стратегический арсенал британского империализма, и это его отличает от многих других его собратьев по ремеслу. Корбетт, как и его современники, — пережили эпоху непрерывного роста могущества своего класса и это наложило свой отпечаток на их творчество. Но в отличие от них, он впоследствии, когда война обнаружила слабость британского колосса, пытался, как это мы увидим ниже, даже кое-что подправить в старой «религии», которой он был верен много лет. Война была тяжелым испытанием для этого типичного буржуазного мыслителя. Она подтвердила его опасения, но одновременно также опровергла его самого.

В самом своем расцвете творчество Корбетта как бы распалось и продолжало развиваться по двум планам. Он до конца дней своих остался в сущности верен военноморской доктрине британского империализма **в целом.** Наиболее крупные его труды: «Дрэк и флот Тюдоров», «Англия в Семилетнюю войну», «Трафальгарская кампания», создавшие ему имя, вместе с тем носят на себе нестираемый отпечаток системы взглядов, которой придерживался этот несомненно крупный буржуазный военноморской писатель и историк. В этих книгах воплощены наиболее характерные идеи, которые еще и поныне владеют умами старого поколения адмиралов, стра-

тегов и историков Британской империи, точнее Англии. Книги Корбетта того времени это — «осанна» незыблемости британской стратегии, как и всего британского. Таков Корбетт в одном плане.

В другом плане Корбетт отчасти раскрывается перед нами в его известном крупном труде «Некоторые принципы морской стратегии», который предлагается вниманию советского читателя. Здесь как-будто все еще осталось по-старому. То же характерное для всех английских военноморских историков и в том числе и для Корбетта непреодолимое тяготение к древности, грубый эмпиризм, не менее грубый и реакционный идеализм. В этом труде имена Дрэка, Колингвуда, Роднея, Нельсона и других непрерывной цепью еще проходят перед глазами читателя. Корбетт воскрешает век Елизаветы и Виктории. Но уже в этой книге запах загнивающего капитализма чувствуется необычайно сильно. Корбетт пытается одновременно и освежить и подновить старую школу с тем, чтобы возродить ее все еще более сильной, а главное более отвечающей «духу времени», т. е. внешне-политическим и внутриполитическим условиям, которые предшествовали возникновению первой мировой империалистической войны 1914—1918 гг. Как симптоматично, с этой точки зрения обращение к презренной «континентальной» стратегии! Как многозначительна эта явно неудачная попытка опереться на Клаузевица! И наконец, какой сумбур прошлого и настоящего! И какое непонимание будущего! Корбетт переживал быть может в эти годы самый трудный период своего творчества. Он уже начинал сознавать условность некоторых основ «британской стратегии», но вместе с тем обнаружил и полную неспособность возвыситься над официальной премудростью своего класса, которому он верно служил. Он, конечно, не смел «потрясти основы» и, в конце концов, стал жертвой этого противоречия, оставившего заметный след на его труде. Корбетт остался тем, кем он был: — реакционером.

Характерно все же, что в последнем многотомном труде Корбетта — «Операции английского флота в мировую войну», мы находим уже не отдельные отклонения от тех догм, которым Корбетт был верен в течение десятилетий, а прямое отрицание некоторых из них: в частности, после войны Корбетт пришел к выводу об условности основного «закона» обеспечения «господства на море», согласно «британскому символу веры»: искать боя и довести его до решительного конца. Если «Некоторые принципы морской стратегии» являются вехой, которая еще очень слабо отмечает начавшийся отход автора от исторической традиции, то «Операции» являются лебединой песнью его предшествующей деятельности. «Лорды адмиралтейства, — читаем мы в официальном введении к III тому «Операций», — находят, что некоторые принципы, защищаемые в этом труде, и в особенности тенденция умалить важность одного из них — «искать боя и довести его до решительного конца», находятся в полном противоречии с их собственными взглядами».

Отчасти поэтому некоторые «принципы» Юлиана Корбетта представляют интерес. Они, несомненно, являются отражением той му-

чительной эволюции, которую еще до сих пор проделывает вместе с разваливающейся британской империей военноморская доктрина и военноморская школа английской буржуазии.

Именно сейчас, спустя четырнадцать лет после окончания мировой империалистической войны, вся относительность «морского гения» британского империализма стала особенно ясной. Смерть избавила Юлиана Корбетта, умершего в 1922 г., от необходимости быть свидетелем полного крушения «вечных принципов» морской «мудрости» английской буржуазии. Корбетт несомненно являлся одним из самых ревностных защитников и последователей этих «вечных принципов». Свою книгу он писал в эпоху, когда в английском флоте господствовали идеи лорда Фишера — воплощения стратегии линейного «генерального сражения». Фишер был создателем того флота, с которым британский империализм вступил в войну, точнее сказать, создателем чудовищного английского линейного флота. Лорд Фишер однако не создал заново военноморской доктрины британского империализма. Он также стремился подновить ее; больше того, полностью восстановить в правах и приспособить к новым условиям — политическим, стратегическим и тактическим. **Гальванизация** военноморской доктрины британского империализма, сложившейся в XVII и XVIII вв. в борьбе торгового капитала, а затем и промышленной буржуазии за внешние рынки, колонии и т. д., выражалась в утверждении, что основным принципом британской морской стратегии является «господство на море», достигаемое в решительном сражении главных сил флотов. **Бой и притом решительный**, — вот что лежало в основе всех тактических идей наиболее видных представителей военноморской школы Великобритании. Эти идеи потерпели полное крушение в мировую войну, которая отвергла «генеральное морское сражение», доказала несостоятельность теории «владения морем» и тем самым обрекла детище Фишера — линейный флот — на бездействие и прозябание в укрепленных базах и в отдаленных от театра морской войны пустынных гаванях Северной Англии и Ирландии.

Английский империализм пытался руками Фишера не создать животворящую идею, а хотел гальванизировать труп. К этому приложил свою руку и Корбетт, ибо вся его книга, несмотря на то, что в ней содержатся некоторые так сказать «прогрессивные идеи» (для того времени), о которых скажем ниже, все же является попыткой теоретически обосновать главный тезис стратегической школы британского империализма, выражаемый в словах «обеспечение владения морем» или «господства на море» силами линейного флота, как предпосылка успеха. Те противоречия, которые в этой книге имеются, в особенности неожиданные заключительные слова не вяжущиеся со всей теоретической схемой Корбетта, свидетельствуют лишь о том, что перемещение центра тяжести империалистического бытия слабеющей Великобритании в Северное море, т. е. на сравнительно ограниченный морской театр, где сосредоточивались два крупнейших в мире военных флота, властно напоминало о тех неожиданностях, которыми чревата предстоявшая война с Германией за мировое господство. Лорд Фишер еще мог за несколько лет до войны со свойственной ему самонадеянностью вообразить, что мож-

но воскресить времена лорда Нельсона и предлагать план «копенгагирования» германского флота, т. е. его уничтожения в собственной базе путем внезапного нападения английского флота. Но уже сражение в Гельголандской бухте 28 августа 1914 года при всем своем **частном** успехе вовсе не свидетельствовало о том, что британское адмиралтейство серьезно намеревалось осуществить план Фишера. Дальнейшие операции на Северном море в течение всей войны являются опровержением не только теории владения морем, но и связанной с этой теорией идеи — решения исхода войны генеральным уничтожающим сражением.

«Британская стратегия», которую Корбетт противопоставлял «континентальной стратегии» и которую он пытался обосновать как «стратегию ограниченных целей», бесцеремонно препарируя Клаузевица, оказалась действительно ограниченной, но отнюдь не в том смысле, как это себе представлял Корбетт. Здесь следует напомнить, что Корбетт является крупнейшим толкователем теории «fleet in being». Эта теория помогла, так сказать английскому адмиралтейству «теоретически обосновать» вынужденную бездеятельность своего мощного линейного флота, не нашедшего себе применения во время войны и не оправдавшего тех надежд, которые на него возлагались и ради которых он создавался. «Британская стратегия», которую реакционный ум Корбетта всячески превозносит для вящего посрамления «континентальных философов», оказалась ограниченной во всем: **и в своих намерениях и в своих возможностях.** Действительность опровергла всю теоретическую схему, созданную Корбеттом и изложенную им в последних двух частях своего труда. Достаточно внимательно перечитать вторую часть «Теории морской войны» и все три главы этой части — «Теория цели — господство на море», «Теория средств — состав флотов» и «Теория метода — сосредоточение и рассредоточение сил», чтобы читатель, специально даже не занимающийся изучением военнополитических проблем, а лишь знакомый хотя бы с прениями на Женевской конференции по «разоружению», мог составить себе представление о том, как жестоко действительность посмеялась над теоретиками британской буржуазии.

В книге Корбетта, как в зеркале времени, отражается **вчерашний день британского империализма и одного из его основных средств насилия — военноморских сил.** В этом заключается ценность самого труда: **это документ.** Для того, чтобы понять те процессы, которые **сегодня** происходят в организме британского империализма и в его флоте, представляется совершенно необходимым ознакомиться с той идейной ступенью, на которой он находился **вчера.** В книге Корбетта с огромной ясностью раскрывается идейное убожество, узколобый национализм и грубейший эмпиризм, которые одинаково характерны и для того времени, когда Корбетт формулировал свои «принципы», и для настоящего, когда они пересматриваются.

Случайно ли автор счел необходимым отвести так много места и внимания теории войны вообще — в труде, который носит заглавие «Некоторые принципы морской стратегии»? Случайно ли в 1911 году — не во времена Нельсона, а во времена лорда Фишера

Корбетт в таком **извинительном тоне** обращается к своему читателю со словом о пользе теории? И наконец, случайно ли Корбетт вздумал подвести под дряхлое здание «вечных принципов» британской стратегии теоретическую базу, используя для этого крупнейшего представителя «континентальной школы» — великого немецкого мыслителя Клаузевица?

Чем об'яснить все это? Прежде всего тем, что Корбетт писал свою книгу за несколько лет до начала мировой империалистической войны. Корбетт представлял себе, не совсем правда ясно, с каким могучим противником — германским империализмом — предстоит борьба не на жизнь, а на смерть. Корбетт одновременно знал слабые места военной доктрины британской буржуазии, ее убожество и самонадеянность. Корбетт прежде всего видел зияющий разрыв между армией и флотом и проистекавшую отсюда двойственность стратегического замысла войны. В сущности говоря, добрая половина книги Корбетта посвящена доказательству того казалось бы ясного положения, что не существует **отдельной морской и отдельной сухопутной** стратегии.

«Мы привыкли, — пишет Корбетт, — частью для удобства, а частью из-за недостаточно научного образа мышления, говорить о морской стратегии и о сухопутной стратегии так, как будто они являются различными отраслями знания, не имеющими общей почвы. Но теория войны выявляет их тесную взаимную связь. Она показывает, что существует более широкая стратегия, охватывающая обе отрасли, рассматривающая и флот и армию как одно оружие, согласующая их действия и указывающая их пути, по которым должна итти каждая из них, чтобы реализовать полную силу обоих... Короче говоря, теория войны открывает нам, что морская стратегия не есть вещь сама по себе и что ее проблемы редко, или вернее никогда не могут быть решены одними средствами флота, но что она составляет часть общей стратегии морского государства — высшего учения, которое наставляет нас, что для успешного ведения войны морским государством армия и флот должны использоваться и мыслиться, как органы не менее тесно между собой связанные, чем три рода оружия на суше» (стр. 25)».

И далее:

«Морская стратегия — только та ее часть, которая определяет действия флота после того как общая стратегия определила, какую роль флот должен играть по отношению к действиям сухопутных сил; едва ли есть необходимость говорить о почти полной невозможности решения войны одними действиями морских сил... Поэтому важнейшей обязанностью общей стратегии морской державы является определение взаимных отношений между армией и флотом в плане войны. Когда это сделано, но не ранее, морская стратегия может начать разрабатывать способ, при помощи которого флот сможет наилучшим образом выполнять предназначенные ему функции.» (стр. 27).

Против этого положения нечего возражать. При всех ее недостатках, та часть труда Корбетта, где обосновывается «единство стратегии», представляет интерес и сейчас. Надо, однако, отметить ти-

личное для буржуазной школы мышления и для Корбетта, в частности, то, что они пришли к этому заключению с противоположного конца: определяющим моментом у них является то обстоятельство, что для успешной деятельности флота ему должен быть обеспечен своевременный контакт с армией. Половинчатость и дуализм этой схемы очевидны. Но еще более характерно то, что теоретические заключения Корбетта, отчасти в сущности правильные, так и не нашли по вышеуказанной причине практического применения в мировой империалистической войне, которая началась спустя 3—4 года после того, как это положение было выдвинуто. Никакого «единства» на самом деле не оказалось. Британская буржуазия только после величайших жертв и поражений, — опять-таки грубо эмпирически, — пыталась создать нечто в роде «единства стратегии» для сокрушения Германии. Но здесь случилось самое любопытное — вместо «единой стратегии», в которой по мысли Корбетта **органически сочетаются** элементы морской и сухопутной стратегии, т. н. «британская школа» превратилась после марнского сражения в школу... сухопутную; случилось то, что должно было случиться, учитывая характер войны. Китченер — вот кто задавал тон в те времена, а отнюдь не Черчилль. Следует при этом учесть полный провал всех сколько-нибудь серьезных попыток британского адмиралтейства использовать морские силы для самостоятельных действий; сражение в Гельголандской бухте, бой у Доггер-банки, знаменитая Дарданелльская операция, закончившаяся полным конфузом для Черчилля. «После неудачной попытки захватить ключи от Дарданелл наличными силами экспедиционного отряда общая военная обстановка окуталась мраком» — писал Корбетт уже после войны [1].

Наконец самое крупное морское сражение мировой империалистической войны — Ютландское — с огромной силой подчеркнуло неспособность военноморских сил британского империализма сыграть решающую роль в разрешении тех проблем, которые войной были поставлены в порядок дня. **Армия решала эти проблемы.** Вся идейная основа, на которой создавался лордом Фишером британский флот эпохи мировой войны, потерпела банкротство еще до того, как загремели пушки. Сам Корбетт отчасти своей книгой объясняет почему именно это произошло. Если мы начнем искать причину, то первая и основная заключается в том, что ни «британская стратегия», которую пытался подновить Корбетт препарированием Клаузевица, ни официальное учение о морской стратегии и морской войне, а следовательно, ни материальные средства, которые создавались в соответствии с ними, **не отвечали действительному положению, в котором к тому времени находился британский империализм, ни возможностям противника, ни уровню развития производственных сил, предопределившему возникновение новых средств борьбы, сразу обесценивших гигантский труд лорда Фишера.** Сочетать традиции эпохи Елизаветы и Виктории с эпохой Круппа — этого естественно не в силах был сделать даже «сам» лорд Фишер.

---

[1] См. Ю. Корбетт. „Операции английского флота в мировую войну", т. III, стр. 44.

Величие Британской империи уже явственно закатывалось и ее традиционная политика — душить противника чужими руками, понукая своих «союзников» пушками своего флота и подбадривая их «маленькой армией», — обернулась против нее самой, между тем, как ее морские силы, взошедшие на дрожжах столетних традиций, достигли к началу войны своего зенита, но развивались в сущности вне времени и пространства. В участи британского флота, постигшей его за время мировой войны, полностью отразился процесс разложения могущества Великобритании, начало конца ее мировой гегемонии перед лицом новых могучих претендентов, какими была до войны империалистическая Германия, а сейчас является Северная Америка. Английская буржуазия руками лорда Фишера пыталась остановить ход истории, создавая одну линейную эскадру за другой, а пером своих теоретиков, и в том числе Корбетта, освежить стратегическую школу, приспособив ее к новым условиям. Поистине это была попытка с негодными средствами!

С этой же точки зрения небезынтересно вкратце остановиться на попытке Корбетта превратить Клаузевица в пророка «британской стратегии», а себя в его апостола. Корбетт-реакционер-идеалист превращает Клаузевица-диалектика в типичного метафизика по своему образу и подобию.

Клаузевиц писал свой огромный труд «О войне» на рубеже двух исторических эпох. Только что отгремели наполеоновские войны. Буржуазия и создавшие ее капиталистические производственные отношения усиленно готовились к суровой борьбе за свое утверждение, против победившей в Европе феодальной реакции. Опыт наполеоновских войн она спешила обобщить и сделать из него практические выводы.

Клаузевиц является крупнейшим мыслителем своего времени именно потому, что он первый дал гениальное обобщение военным событиям предшествовавшего исторического периода грандиозной ломки общественных отношений, которую произвели во Франции Великая французская революция, а вне Франции — революционные войны Конвента, а отчасти и наполеоновские войны. Клаузевиц — гегельянец, Клаузевиц — идеалист-диалектик пытался решить свою задачу, беря явления в их диалектическом развитии. Это ему удалось лишь отчасти. Идеалистическое мировоззрение, отвлеченный образ мышления были теми непреодолимыми препятствиями, перед которыми был бессилен и гигантский ум Клаузевица. Но и то, что ему удалось сделать, произвело подлинный переворот в той области, которая именуется учением о войне. Опыт наполеоновских войн, приложенный к истории войн XVIII в., привел Клаузевица к выводу — и этот вывод он старался всемерно обосновать — об отсутствии «вечных принципов» в военном искусстве. Отсюда Клаузевиц дошел до отрицания самодовлеющего значения войны. А продолжением этого тезиса явилось знаменитое положение Клаузевица, что «война есть продолжение политики, только иными средствами. Война не только политический акт, но и подлинное орудие политики... Лишь при этом представлении, — писал Клаузевиц, — эта великая книга раскрывается и становится доступной разумному пониманию... Эта точка зрения показывает нам, как различны долж-

ны быть войны в зависимости от мотивов и обстоятельств, из которых они зараждаются»[1].

Клаузевиц придал учению о войне стройность, под его пером оно познало закономерность. Диалектический метод, который Клаузевиц хотя и не смог применить в совершенстве, все же помог ему вскрыть содержание процессов войны, развивающихся **диалектически в противоречиях.** Отсюда Клаузевиц делал соответствующие выводы. Он жестоко осмеял догматизм, который отличает военных авторитетов эпохи феодализма. Для Клаузевица не существует отвлеченных и неизменных типов войны, — неограниченных или преследующих более ограниченные цели, как и «вечных» форм войны — обороны и наступления. Для Клаузевица и то и другое представляет собой единство противоположностей, предопределяющих друг друга и отрицающих.

Корбетт прежде всего превращает Клаузевица в схематика и догматика. Препарированный Клаузевиц становится у Корбетта догмой. Корбетт пожалуй даже готов согласиться с тем определением сущности войны, которое дано Клаузевицем. Но при этом он лишает основное положение великого немецкого мыслителя души: диалектики. Под пером Корбетта тезис: «война есть продолжение политики, только другими средствами» — превращается в такую немудреную истину, что война... имеет политическую цель.

Не менее любопытно и то, что Корбетт приписывает Клаузевицу и сотворение того догматического положения, что даны два типа войн — ограниченные и неограниченные. «Установив» это, Корбетт приходит к выводу, что Клаузевиц создал якобы эту неизменную «вечную» классификацию для «всех времен и народов». Вся эта мистификация понадобилась Корбетту для того лишь, чтобы «опровергнуть» «континентального» философа, согрешившего против британской школы.

«Тщательное исследование его (Клаузевица. — И. Е.) доктрины... — пишет Корбетт, — откроет коренные и существенные различия между германской или *континентальной школой стратегии и британской, или морской школой*, т. е. нашей собственной традиционной школой, которую слишком многие писатели — как наши отечественные, так и за границей, не считают существующей.»... (стр. 43). «*Тенденция британского ведения войны, применяя низшую или более ограниченную форму — проявлялась настолько же ясно, настолько противоположная тенденция — на континенте.*» (стр. 65)[1]. (Разрядка повсюду наша. — **И. Е.**).

Об'яснение, которое дает этому обстоятельству Корбетт, в высшей степени смехотворно:

«*Нет никаких оснований пытаться об'яснять это чем-либо другим, кроме мудрого инстинкта, стремящегося к войне такого характера, который наиболее соответствует условиям нашего существования*[1]» (стр. 65).

м. Клаузевиц „О войне", стр. 18—21 Гвиз. М. 1932 г.

Итак Корбетт «исправляет» Клаузевица в одном случае, «опровергает» его в другом и наконец в третьем пользуется его именем для защиты «вечных принципов британской стратегии». Для Корбетта Клаузевиц — авторитетный спутник в дебрях истории военноморского могущества британского империализма; в которых сам автор, как мы знаем, запутался. Мировая война доказала, насколько сомнительным является источник, питающий «ограниченный инстинкт» британского империализма.

На самом деле «ограниченная стратегия» Великобритании неразрывно связана с ее прошлым. Предпосылками этой стратегии был процесс создания Британской империи по частям, так же как процесс ее распада знаменует собой конец традиционной «британской школы стратегии».

Если бы Корбетт взят за основу своего исследования хотя бы отчеты Ост-Индской или Вест-Индской кампаний, то они сказали бы ему больше, чем все многотомные исторические труды, посвященные «золотому веку» британского военноморского могущества. Какими поистине жалкими кажутся идейные традиции этого века и его школы по сравнению с великим гением Клаузевица.

Все это становится ясным хотя бы при ознакомлении с основными, выражаясь языком Корбетта, «фундаментальными» принципами британской стратегической школы.

Корбетт начинает вторую — основную — часть своего труда, посвященную «теории морской войны», следующими словами:

«*Целью морской войны всегда должно являться прямо или косвенно либо обеспечение господства на море, либо предотвращение обеспечения такового противником*» (стр. 72).

Это относится к «теории цели». Далее следует «теория средств»:

«Если мы... поищем формулу для правильного выражения практических результатов нашей теории, она примет приблизительно следующий вид: *от крейсеров зависит осуществление нами контроля* (над морскими коммуникациями. — **И. Е.**), от линейного флота зависит обеспечение контроля... *Лучшим средством выполнения этого является конечно уничтожение способности противника мешать этому. Доктрина уничтожения вооруженных сил неприятеля, как, главная цель, вновь получает подтверждение и настолько сильное, что допускает для наиболее практических случаев даже то грубое обобщение,... что господство зависит от линейного флота... Войти в соприкосновение с противником и разбить его линейный флот... является единственным средством для достижения более совершенного контроля*» (стр. 89—90).

Особенно замечательны в свете опыта мировой войны следующие слова Корбетта:

«Трудность решительных действий против неприятеля, применявшего такой (оборонительный. — **И. Е.**) образ действий, была понята нашей военноморской службой *очень рано* и с начала

до конца нашей главной заботой было воспрепятствовать неприятелю воспользоваться этим методом и заставить его сражаться в открытом море, или по крайней мере проникнуть в район между ним и его базой и принудить его здесь к бою» (стр. 40).

Эти слова явились бы пожалуй самой неудачной попыткой приложить методы, возникшие в XVIII и XIX вв., к борьбе, которая разыгралась между Германией и Англией в XX столетии.

По закончим изложение точки зрения Корбетта. Уже приведенные нами высказывания автора «Принципов» увенчаны следующим утверждением, относящимся к характеристике основного метода обеспечения господства на море:

«Независимо от характера войны, в которой мы участвуем, ограниченная ли она или неограниченная, — постоянное и общее господство на море является предварительным условием окончательного успеха. Единственным способом обеспечения подобного господства военноморскими средствами является достижение решения путем боя с флотом неприятеля. Рано или поздно это должно быть сделано, и чем раньше, тем лучше. Таков был старый британский символ веры. Он до сих пор таков и не нуждается в переработке. Никто не станет его оспаривать никто не станет даже обсуждать его и потому мы переходим с уверенностью к заключению, что первой обязанностью нашего флота является отыскание флота противника и его уничтожение» (стр. 134).

В этих немногочисленных выдержках изложено «кредо» Корбетта. Это есть одновременно исчерпывающее изложение всех основных принципов британской стратегии. Как мы видим, здесь все «вечно», освящено веками. Более того — не подлежит даже сомнению!

В свете опыта войны на море 1914—1918 гг. нет пожалуй необходимости подробно раз'яснять факт, что ни один из этих основных принципов не оправдался и не нашел практического применения. Вкратце опыт империалистической войны на море, как и опыт ее в целом неопровержимо доказали:

Во-первых. Британский империализм отнюдь не оказался в состоянии применить изобретенную им «чудодейственную» теорию «ограниченной войны». Война против Германии с самого начала приняла неограниченный характер и это, между прочим, выразилось в том, что английская буржуазия, из головы которой действительность беспощадно выколачивала вековые предрассудки, поступила во время войны отнюдь не так, как до ее возникновения советовал Корбетт. «Британская стратегия» отнюдь не воплотилась в малочисленную армию, помогавшую флоту, в чем по утверждению Корбетта в предыдущих войнах находил свое выражение метод ограниченной войны. Наоборот, огромная английская армия («армия Китченера»), действовавшая на территории Франции в полном соответ-

ствии с презренной неограниченной войной, **оттеснила на задний план английский флот.** Непрерывные поражения английской армии в первые годы войны были неизбежным наказанием за механическое перенесение методов борьбы из одной эпохи в другую, расплатой за приверженность к теории «владения морем» и ограниченной войны.

Во-вторых. Опыт мировой империалистической войны целиком и без остатка отверг и опроверг теорию, заключающуюся в том, что «целью морской войны всегда должно являться... обеспечение господства на море». Официальная английская историография до сих пор еще настаивает на этой теории. Но в сущности даже в толщах военноморской бюрократии английского империализма эта теория пользуется куда меньшим успехом, чем раньше. Абсурдность этой теории становится особенно ясной, если учесть, что она неразрывно связана со следующим утверждением Корбетта о том, что «господство зависит от линейного флота», который располагает единственным и наиболее верным средством обеспечения господства — «отыскание флота противника и его уничтожение».

В третьих. Во время мировой войны британские военноморские силы, обладавшие к тому же почти тройным превосходством над военноморскими силами Германии, отнюдь не сумели обеспечить для британского империализма господства на море теми методами и средствами, о которых говорит Корбетт. **Еще меньше они искали неприятеля, чтобы его уничтожить.** Наоборот они **сами прятались от него.** Поскольку мировая война была крупнейшим этапом в процессе развала Британской империи, она является неопровержимым свидетельством банкротства тех теоретических предпосылок, на основании которых лорд Фишер создавал английский флот. Все сколько-нибудь крупные морские сражения в Северном море не являлись следствием сознательного применения принципов «британской школы стратегии», а произошли **благодаря активности германского флота** или чисто случайно. Но даже тогда, когда оба флота и встречались на «поле брани», британское военноморское командование отнюдь не было склонно «проникнуть в район между ним (неприятельским флотом — **И. Е.**) и его базой и принудить его здесь к бою». Между тем такие случаи не раз представлялись английскому командованию. Даже в ютландском сражении — вынуждены констатировать сейчас британские военноморские круги — «осторожность и излишнее стремление ничего не терять из своего превосходства на море — вот что сыграло решающую роль». Эти слова принадлежат Герберту Рёсселю, обычно выражающему официозную точку зрения. Больше того, Рёссель из этого интересного замечания делает следующий вывод, который является как бы предпосылкой к созданию новой «теории средств»: «если бы наше превосходство на морях — пишет он — было воплощено в большем количестве менее крупных судов, то весьма возможно, что адмирал Джелико меньше думал бы о риске, которому он мог бы подвергнуть в ночных операциях свои огромные корабли». (Разрядка наша — **И. Е.**).

Рёссель пытается дальше вскрыть причины так сказать суб'ективного характера, предопределившие неудачу ютландского сражения. Он пишет:

«*Доктрина Фишера о первенствующей роли кораблей крупных размеров совершенно затуманила всякую тактическую ясность.* Строились весьма «совершенные» суда, основанные на совершенно неопределенном принципе создания флота из кораблей, «способных направляться куда угодно и выполнять любое задание». *В конце концов флот не знал, что же подобные корабли способны сделать.* В основе этого «прогресса» лежало соревнование, за которое мы должны быть благодарны покойному лорду Фишеру, заявившему, что наша политика должна заключаться в том, чтобы «строить корабли, которые могли бы разбить врага[1]».

Эти слова при всей их симптоматичности для современных настроений, царящих в военноморских кругах британского империализма, тем не менее свидетельствуют, что элементарное понимание действительных причин английских неудач и кризиса теории «владения морем» и «теории средств», как она изложена Корбеттом, остается им чужда, как и раньше. Дело не только в том, что «доктрина Фишера о первенствующей роли крупных размеров совершенно затуманила всякую тактическую ясность». Истина заключается в том, что как лорд Фишер, так и Корбетт, выполнявшие определенные задания своего класса, непрерывно стучались в двери, за которыми находилось **прошлое** Великобритании, между тем, как история захлопнула эти двери навсегда. То, что произошло во время войны, с очевидностью показало, что английская буржуазия так и не смогла составить себе предварительно правильное представление о ее характере и масштабах. Ослепляющий опыт русско-японской войны на море, механически воспринятый английской буржуазией, помноженный на историческую инерцию, привел к тем ложным выводам, которые в свою очередь предопределили жесточайший кризис, о котором говорилось выше. Типичным для всякого буржуазного исследователя является утверждение Рёсселя о том, что все беды произошли от доктрины «кораблей крупных размеров» Фишера, определившей тактику британского флота. На самом деле все было наоборот. Положение Британской империи с начала войны и предстоящая борьба с Германией настоятельно требовали пересмотра вековых традиций. Но английская буржуазия, как и всякий исторически изживший себя господствующий класс, оказалась не в состоянии решить подобную задачу. В итоге произошло то, что могущественный английский флот не только оказался в стороне от **решающих** боев, но и самому лорду Фишеру пришлось отложить в сторону свою доктрину и спешно усваивать методы «малой войны» в то время, как его детище — линейные эскадры — бездействовали под защитой береговых укреплений, мин, подводных лодок, эсминцев и т. д.

Уже в ходе войны, которая подчеркнула слабость внутренних связей Британской империи, в Лондоне наконец поняли, что следовать исторической традиции, — значит рисковать единством империи,

---

[1] См. статью Г. Рёсселя в „The Naval and Military Record“ от 20.VII. 1932 г.

хранителем которого и поныне является британский флот. В этом заключается основная причина поведения Джелико в ютландском сражении. Операции германских подводных лодок пригвоздили английский линейный флот к базам. И тот же Корбетт, который **до войны** писал, что «первой обязанностью нашего флота является отыскание противника и его уничтожение», **после войны, придя** к выводу о том, что этот «фундаментальный» принцип британской стратегии не верен, вынужден был заявить в своем вступлении к первому тому «Операций»:

«За последние годы, под влиянием неверного понимания истории (!!!, — **И. Е.**) установился взгляд, что первейшая задача флота состоит в отыскании и уничтожении главных сил неприятеля. Взгляд этот скорее эмпирический (вот именно! — **И. Е.**), чем исторический, был наиболее всего усвоен в Германии... Наш противник настолько проникся этим взглядом, что это оказало существенное влияние на его морскую политку...». И дальше: «Превалирующая роль главных сил нашего флота сводилась к удержанию господства в отечественных водах и охране наших берегов и торговли»[1].

Ссылка на Германию, которая понадобилась Корбетту для маскировки, ибо на самом деле он имел в виду Англию, не обманула однако бдительность «богов» адмиралтейства, во главе которого тогда стоял адмирал Битти. И как мы уже указывали, в III томе «Операций» Корбетт получил выговор от «лордов адмиралтейства». Но это в сущности явилось лишь новым доказательством, как сильны и живучи старые традиции в толщах военноморской бюрократии английского империализма. Для нас весь этот эпизод имеет интерес, поскольку он показывает, как сэр Юлиан Корбетт опровергает самого Юлиана Корбетта.

Уже после войны английская буржуазия поняла, насколько назрела необходимость реорганизации и реконструкции ее флота. К этому выводу она пришла не сразу. «Реконструктивная политика» британского адмиралтейства — стремление к многочисленному крейсерскому флоту, к сокращению тоннажей линейных кораблей и к созданию нового типа последнего, как и мощное развитие авиации, минного дела и подводного оружия, об'ясняется обострившимся процессом распада Британской империи, — об этом свидетельствует хотя бы исход Оттавской конференции и конфликт с Ирландией, — и углубляющимися англо-американскими империалистическими противоречиями. Этой реконструктивной политике посвещена книга видного английского военноморского деятеля капитана Бернарда Экуорта, появившаяся в прошлом году: «The Naval to day and to morrow» («Флот сегодняшнего и завтрашнего дня»). Эта книга представляет крупный интерес. Она содержит беспощадную критику прежней политики адмиралтейства. Вместе с тем она является как бы **документом о сегодняшнем дне британского флота.** Экуорт бес-

[1] См. Ю. Корбетт. „Операции английского флота в мировую войну", т. I, стр. 25 и др.

пощадно высмеивает стремление к «гигантизму». Он отвергает гос-
подствующую до сих пор в английском флоте «теорию средств».
«По общему мнению, — пишет он, касаясь линейного флота и в осо-
бенности линкоров «Нельсона» и «Родней», — никто не согласится
с тем, что эти монстры безобразили поверхность морей». Эти суда,
по мнению Экуорта, напоминают скорее военные музеи, чем воен-
ные корабли. Экуорт высмеивает также крейсера вашингтонского
типа, которые он называет «ящиками, начиненными котлами и ма-
шинами», эсминцы Фишера, — которые он сравнивает с мастодон-
тами. Все эти суда Экуорт характеризует следующим образом: «Они
слишком тяжелы, их орудия слишком дальнобойны, их калибр слиш-
ком велик, в них слишком много и торпед, и механики, и общей
мощности». «Современные крейсера и эсминцы, — заключает Экуорт
свою характеристику, — также начинены котлами, как рождествен-
ский пирог сливами»[1].

Книга Экуорта является в известном смысле программой новой
военноморской школы британского империализма, которая, несом-
ненно, сейчас добилась своего признания, как это явствует из дек-
ларации Болдуина о разоружении, оглашенной им в английской па
лате общин 7 июля 1932 года. Основными положениями этой школы
является ревизия взглядов Фишера и, в частности отказ от линейной
стратегии последнего, воплощенной в линейном корабле. Авторитет-
ные представители этой школы — адмирал Ричмонд, начальник им
перского колледжа обороны, кстати преемник Корбетта на этом по
сту, адмирал Филимор, капитан Байуотер, цитированный нами Эку-
орт и т. д. Новая школа добилась признания первенствующего зна
чения **легких сил** в составе флота. Возникновение этой школы на-
ходится в прямой связи с растущими центробежными силами, гро-
мадным ростом классовых противоречий и национально-револю-
ционного движения, раздирающими единство Британской империи
изнутри. Но главное, ее возникновение связано с перемещением
центра тяжести империалистических противоречий и основного им-
периалистического противоречия — англо-американского — в бас-
сейны Тихого и Индийского океанов. Новая школа пытается сфор-
мулировать основные задачи британской военноморской политики:
**карательные функции, т. е. борьба с революционным движением и
теми кругами буржуазии доминионов, которые бунтуют против гос-
подства Англии «в британской семье наций», охрана торговли, ины-
ми словами, новая школа стремится использовать наследство ста-
рой — теорию контроля над морскими коммуникациями.** Одновре-
менно новая школа вносит в эту «коммуникационную теорию» по-
правку: хребтом флота являются легкие силы, опирающиеся на
более мощные крейсерские эскадры. Для Экуорта и других крайне
характерна защита точки зрения, что Англия с ее многочисленными
базами не нуждается в кораблях с большим радиусом действия. Это
есть в сущности один из элементов новой теории: «ф л о т п р и
б а з а х». Таким путем новая школа надеется наилучшим образом
сохранить в неприкосновенности единство Британской империи и
защитить то, что британская буржуазия награбила в течение сто-
летий.

---

1 Книга Экуорта несомненно заслуживает быть переведенной на русский язык

Факт возникновения новой школы свидетельствует о том, как далеко зашел процесс разложения британского империализма. Пролетарская революция, возглавляющая национально-революционное движение в колониях, стучится в двери империи; центробежные силы в доминионах, усиливаемые проникновением туда американского капитала, потрясают ее фундамент. Рушатся основы векового морского могущества британского империализма. Внутриполитические процессы — обострение классовой борьбы пролетариата и трудящихся масс доминионов и колоний — находят свое отражение в английском флоте. **Инвергордонские события — блестящее тому доказательство.**

Сэр Юлиан Страффорд Корбетт несомненно умер во-время.

И. Ерухимович.

Введение.

Теоретическое исследование сущности войны.

Польза этого исследования и ее пределы.

На первый взгляд ничто не может показаться более непрактичным и менее обещающим полезные результаты, чем попытка создания теории войны. Существует действительно нечто противоречивое между разумом, привыкшим искать теоретических руководящих принципов, и разумом, успешно руководящим практической деятельностью на войне. Ведение войны настолько сильно зависит от личности, характера, здравого суждения и быстрых решений в обстановке сложных, разнообразных и непрерывно меняющихся факторов, и эти факторы сами настолько изменчивы и неуловимы, настолько зависят от неустойчивых моральных и физических условий, что кажется совершенно невозможным свести его к чему-либо, подобному настоящей науке. При одной мысли о теории или «науке» войны рассудок тревожно возвращается к хорошо известным случаям, когда «высокоученые» военачальники терпели полное крушение как полководцы.

С другой стороны никто не будет отрицать, что с тех пор как великие теоретики начала XIX столетия попытались создать обоснованную теорию войны, планирование войны и ее ведение приобрели метод, точность и определенность понимания, бывшие ранее неизвестными. Тем менее кто-либо будет отрицать значение, которое придавали творениям классических писателей по стратегии самые искусные и наиболее преуспевавшие военные вожди.

В действительности недоверие к теории проистекает из непонимания того, что она может дать. Теория не претендует дать «способность» ведения войны: она обещает не более чем увеличение уже имеющихся способностей. Ее главное практическое значение в том, что она может помочь человеку, уже обладающему уменьем приобрести широкое суждение, которое даст ему бо́льшую уверенность, что его замысел охватит все наиболее существенное при решении данного вопроса, и благодаря которому он сможет с бо́льшей быстротой и определенностью охватить все факторы новой неожиданной обстановки. Величайший из теоретиков сам излагает вопрос очень определенно. О теоретическом учении он говорит: «Оно должно было бы воспитать ум человека, предназначенного руководить на войне, или, скорее, направлять его самообразование, но оно не должно сопровождать его на поле брани».

Практическая польза теории однако ни в коем случае не ограничивается ее влиянием на способности вождя. Недостаточно, чтобы вождь умел принимать правильные решения; его подчиненные должны сразу схватывать полный смысл его решения и быть

в состоянии точно претворять его в ряд хорошо слаженных действий. Для этого все они должны быть воспитаны в единомыслии; приказ начальника должен вызывать в мозгу каждого из них тот же процесс мысли; его слова должны иметь одно и то же значение для всех.

Если бы в 1780 г. существовала теория тактики и если бы Каркет (Captain Carkett) прошел хорошее воспитание в духе этой теории, он возможно не понял бы неправильно сигнала Роднея. На деле истинное значение сигнала было неясным и в результате неудачного из'яснения Роднеем указывавшегося им тактического замысла у его отечества была похищена победа в момент самой острой в ней необходимости. В то время не было предварительной теоретической подготовки, которая восполнила бы такое упущение, и прекрасный замысел Роднея остался неясным для всех кроме него самого.

Но теория незаменима не только в интересах единомыслия между начальником и его подчиненными. Она еще более ценна для установления подобной солидарности между ним и вышестоящими лицами за столом имперского совета метрополии. Как часто начальники безмолвно соглашались с плохо задуманными операциями просто по недостатку у них способности мышления и красноречия для достаточно убедительного раз'яснения нетерпеливому министру, в чем состоят ошибки его плана! Более того, как часто государственные люди и военачальники, даже в наиболее единодушном собрании, оказывались не в состоянии остановиться на связном плане войны из-за неспособности научно проанализировать встреченную ими обстановку и определить общий характер борьбы, ведение которой им предстояло.

Трудно ожидать, чтобы характер войны представлялся современникам так же ясно, как он представляется позднее в полном свете истории. Вблизи побочные факторы кажутся имеющими несоответствующую им важность и затемняют действительную картину событий. Подобная ошибка восприятия обстановки едва ли сможет быть когда-либо устранена, но теоретическим учением мы можем ее уменьшить; никаким иным способом мы не можем надеяться приблизить ясность понимания обстановки к той, с которой затем потомство будет судить о наших ошибках. Теория есть действительно вопрос из области воспитания способности обдумывания и обсуждения, а совсем не практической деятельности. Последняя зависит от комбинации неопределимых человеческих качеств, которую мы называем практической сметкой, «глазомером» (executive ability).

Итак это все, что великие авторитеты когда-либо подразумевали под теорией; но такому пониманию наиболее значительный из них, по крайней мере, после многолетней службы в штабах придавал величайшее значение. «При проведении операций,— писал он в последней «Записке», — людьми руководит единственно их суждение, и они будут достигать цели с большей или меньшей успешностью в зависимости от того, большей или меньшей гениальностью они обладают. Это путь, по которому шли все великие полководцы... Так всегда будет в сражении и в этом случае будет достаточно способности суждения. Но когда дело не в собственных действиях, а в

убеждении других за столом совещания, тогда все зависит от ясного мышления и ясного представления внутренней зависимости вещей. В этом отношении достигнуто так мало, что большинство обсуждений является только устными препирательствами, не имеющими твердого обоснования, и кончается либо тем, что каждый остается при собственном мнении, либо компромиссом, основанным на взаимном уважении друг к другу, т. е. средним решением, не имеющим действительной ценности»[1].

Опыт автора в подобных спорах был непосредственен и богат. Ясное мышление в отношении принципов и факторов, связанных с проблемами войны, и отчетливое изложение взаимной связи между ними были в его глазах главным средством против таких растянутых и бесцельных дискуссий; это ясное мышление и представление о взаимной связи между факторами и являются тем, что мы понимаем под теорией войны, или под учением о войне. Это – процесс, посредством которого мы приводим в систему наши мысли, определяем значение слов, которыми пользуемся, распознаем разницу между существенными и несущественными факторами, устанавливаем и излагаем основные данные, с которыми каждый согласится. Таким образом мы подготовляем аппарат для практического обсуждения; мы обеспечиваем метод сведения факторов в удобный для обращения с ними порядок и вывода из них с точностью и быстротой практического образа действий. Без такой подготовки нет даже двух человек, которые думали бы одинаково; еще меньше они могли бы надеяться определить действительное разногласие, отличающее их точки зрения, и устранить его для принятия спокойного решения.

Для нас (британцев. — П р и м. п е р е в о д ч и к а) это признание важности теории стратегии имеет специальное и гораздо более широкое значение, чем имели в виду сами ее континентальные создатели. Для мировой морской державы успешное ведение войны будет часто зависеть не только от решений в метрополии, но и от результатов совещаний в разных частях мира между командирами эскадр и местными властями — как военными, так и гражданскими, и даже между командующими смежных морских станций. Во время войны или подготовки к войне, в которой Британская империя принимает или примет участие, проводимые мероприятия должны всегда основываться в исключительной степени на взаимном согласовании военноморских, военных и политических соображений. Общее направление линии поведения, хотя бы и указанное в главнейшем из метрополии, должно быть разработано на месте и разработано на основании учета факторов, которые не находятся во власти ни одной из служб. Совещание всегда необходимо, а для успешных результатов совещания должны быть общий язык и однообразный ход мысли. Только теоретическое учение может обеспечить эту существенно важную подготовку и в этом заключается его практическая ценность для всех, кто претендует занять высшие ответствен-

[1] К л а у з е в и ц, „О войне“, стр. IX. Цитаты взяты из перевода на английский язык полковника Грехама с третьего германского издания, но его перевод не всегда приводится дословно.

ные посты имперской службы. Значение отвлеченного стратегического учения с этой точки зрения действительно настолько велико, что необходимо предохранить себя и от его переоценки. Будучи далеки от того, чтобы претендовать на бо́льшие возможности своей науки, чем мы указали, классические стратеги снова и снова подтверждают опасность ожидания от нее большего, чем она может дать. Они отвергают даже самое название «наука» («Science»). Они предпочитают более старый термин «искусство» («Art»). Они не допускают ни законов, ни правил. Такие законы, — говорят они, — на практике могут только ввести в заблуждение, так как затруднения в их применении, возникающие вследствие влияния неисчислимых и не поддающихся учету человеческих факторов, сильнее закона. У юристов существует старая поговорка, что ничто так не вводит в заблуждение, как юридическая догма, но доверяться стратегической догме в сражении следует несомненно и во всяком случае еще меньше.

Каковы же тогда, — спросят нас, — осязательные результаты, которые мы можем надеяться получить от теории? Если все, на чем мы должны основываться, настолько неопределенно, как могут быть достигнуты какие-либо практические выводы? Что факторы бесконечно изменяются и трудно определимы — верно, но нужно запомнить, что именно это вызывает необходимость отыскания отправных точек, насколько возможно твердых. Чем неопределеннее задача, подлежащая решению, тем упорнее должны мы искать исходных точек, от которых мы можем начать прокладывать курс, следя одним глазом за случайностями, которые нам встретятся, чтобы всегда быть подготовленными к их отклоняющему влиянию. Это именно то, что может дать теоретическое учение стратегии. Оно по крайней мере может определить «нормальное». При тщательном сопоставлении прошедших событий становится ясным, что определенный образ действий имеет обычно тенденцию вести к определенным результатам; что войны склонны принимать определенные формы, каждая с отличительной индивидуальной особенностью; что эти формы обычно находятся в известной зависимости от об'екта войны и от его ценности для одного или для обоих противников; что система операций, которая является подходящей для одной формы войны, может не быть наилучшей для другой. Мы можем сказать даже больше. Следуя историческому и сравнительному методу, мы можем сделать вывод, что даже человеческий фактор (human factor) не является совершенно неопределимым. Мы можем установить, что определенные обстоятельства обычно произведут как на нас самих, так и на наших противников, определенное моральное воздействие, которое мы можем учесть.

Мы тотчас же оказываемся в более твердом положении, определив «нормальное». Всякое предложение может быть сравнено с ним, и мы можем подвергнуть разумному обсуждению значение факторов, которые будут побуждать нас отказаться от признания найденной закономерности. Каждый отдельный случай должен быть оценен по достоинству, но без определения «нормального» мы не можем составить никакого обоснованного конкретного суждения: мы можем только предполагать. Каждый случай будет несомненно отклоняться от нормальной закономерности в большей или в мень-

шей степени; и в одинаковой мере несомненно и то, что величайшие успехи на войне были самыми смелыми уклонениями от «нормы». Но в большинстве случаев они были уклонениями, совершонными вполне сознательно, — гениями, которые смогли постигнуть в случайностях события достаточные поводы к этому уклонению.

Об'ем задач теории стратегии становится ясным сразу, если мы возьмем пример по аналогии. Навигация и относящиеся к ней вопросы мореплавания имеют дело с явлениями столь же разнообразными и столь же непостоянными, как и ведение войны. Вместе они составляют искусство, которое в такой же мере, как и искусство военного руководства, основано на суждении отдельных личностей. Законам, которым подчиняются штормы и приливы, ветры и морские течения так же, как и всем явлениям метеорологии, свойственны неопределенные и бесконечные отклонения, и однако кто станет оспаривать теперь, что только благодаря теоретическому изучению этих явлений искусство мореплавания приобрело цельность и силу. Теоретическое учение само по себе не сделает человека ни моряком ни штурманом, но без знания его ни один моряк и штурман не могут в наши дни претендовать на свое звание. Если ветры не всегда дуют с одинаковой силой и если течения изменчивы, станет ли самый опытнейший моряк утверждать, что изучение нормальных условий бесполезно для него в его практических решениях?

Итак, если к теоретическому учению стратегии подойти с этой стороны, т. е., если рассматривать его не как средство, заменяющее разум и опыт, а как способ их обогащения, оно не сможет никому принести вреда. Индивидуальное мышление и здравое суждение останутся хозяевами положения и попрежнему будут вести по пути искания генерального направления, когда масса фактов начнет запутываться. Теория предостережет нас в момент, когда мы начнем отклоняться от правильного пути, и даст нам возможность решить сознательно, является ли это отклонение необходимым и могущим быть оправданным. Кроме того, когда люди соберутся для совещания, она будет удерживать обсуждение в области наиболее существенного и поможет ставить побочные вопросы и решения на свое место.

Но кроме всего этого в теории войны имеется другой элемент особой ценности для морской державы. Мы привыкли частью для удобства, а частью из-за недостатокно научного образа мышления говорить о морской (naval) стратегии и о сухопутной (military) стратегии так, как будто они являются различными отраслями знания, не имеющими общей почвы. Но теория войны выявляет их тесную взаимную связь. Она показывает, что существует более широкая стратегия, охватывающая обе отрасли, рассматривающая и флот и армию как одно оружие, согласующая их действия и указывающая пути, по которым должен итти каждый из них, чтобы реализовать полную силу обоих. Она будет учить нас поручать каждому из них его настоящую роль в плане войны; она даст возможность каждой службе лучше выяснить пределы и возможности функций, выполнение которых на нее возложено, а также определить, как и когда ее собственные нужды должны уступить более важным или более неотложным нуждам другой. Короче говоря, теория войны открывает нам, что морская с т р а т е г и я (Naval

Strategy) не есть вещь сама по себе и что ее проблемы редко или вернее никогда не могут быть решены одними средствами флота, но что она составляет часть общей стратегии морского государства (Maritime Strategy), — высшего учения, которое наставляет нас, что для успешного ведения войны морским государством армия и флот должны использоваться и мыслиться как органы, не менее тесно между собою связанные, чем три рода оружия на суше[1].

По этим причинам было бы мало пользы от изучения морской стратегии иначе, чем начиная с теории войны; без такой теории мы в сущности никогда не сможем понять ее истинного смысла и об'ема, а также постичь силы, которые наиболее глубоко влияют на ее заключения и выводы.

[1] Разрядка переводчика.

Часть I.

Теория войны.

Глава первая.

Теория войны.

Последнее, к чему приходит исследователь, это — законченная карта местности, которую он исследовал; но для тех, кто приходит после него, его карта будет первым, с чего они начнут.

То же самое со стратегией. Прежде чем приступить к ее изучению, мы ищем карту, которая с первого же взгляда точно показала бы нам, какую область мы должны изучать и каковы основные черты, определяющие ее форму и общий характер. Такую карту может дать только «теория войны». По этой причине при исследовании войны мы должны установить теорию, прежде чем решимся на поиски практических выводов. Сложность войны настолько велика, что без такого проводника мы несомненно заблудимся среди сбивающего с толку множества следов и обстоятельств, встречающихся нам на каждом шагу. Если для континентальной стратегии (continental strategy) важность теории войны достаточно подтверждена, то для стратегии морского государства, в условиях гораздо более сложных, необходимость ее еще больше.

Под *общей стратегией морского государства*[1] (Maritime Strategy) мы понимаем принципы, управляющие войною, в которой море является основным фактором.

Морская стратегия[1] (Naval Strategy) — только та ее часть, которая определяет действия флота, после того как общая стратегия определила, какую роль флот должен играть по отношению к действиям сухопутных сил; едва ли есть необходимость говорить о почти полной невозможности решения войны одними действиями морских сил. Давление флота само по себе может действовать только истощением. Результаты его всегда медленны и настолько мучительны, одинаково для нашей коммерческой страны и для нейтральных, что всегда существует тенденция принимать условия мира, далекие от решительных. Для достижения твердого решения в войне требуется более быстрая и более энергичная форма воздействия. Люди живут на суше, а не на море, и раз это так, — великие споры между нациями решались в войне всегда, — кроме редчайших слу-

1 Разрядка переводчика.

чаев,— либо тем, что армия могла сделать против территории неприятеля и против существования его страны, либо угрозой того, что флот сделает возможным для армии выполнить это.

Поэтому важнейшей обязанностью общей стратегии морской державы является определение взаимных отношений между армией и флотом в плане войны. Когда это сделано, но не ранее, морская стратегия может начать разрабатывать способ, при помощи которого флот сможет наилучшим образом выполнять предназначенные ему функции.

Проблема подобного согласования доступна весьма разнообразным решениям. Может быть господство на море (command of the sea) является таким неотложным и важным, что армия должна будет отдать себя на помощь флоту в выполнении им его специальной задачи, прежде чем она сможет начать действовать непосредственно против территории неприятеля и его сухопутных сил; с другой стороны может быть так, что немедленной обязанностью флота явится содействие операциям армии на суше, прежде чем он будет иметь возможность посвятить себя полностью уничтожению флота противника. Примитивные правила относительно главных об'ектов, повидимому достаточно хорошо служившие в применении в войнах на суше, никогда не имели такой ясности в случаях, когда море являлось важным фактором в войне. В этих случаях недостаточно сказать, что главная цель армии есть уничтожение армии противника, или главная цель флота — уничтожение флота противника. Сложное сплетение морских и сухопутных факторов создает условия, слишком запутанные для таких топорных решений. Даже самые первоначальные задачи в отношении их слишком сложны, чтобы решать их только простым применением таблицы умножения. Правильное обращение с ними зависит от наиболее широких и самых основных принципов войны, и именно здесь теория войны имеет может быть свою высшую ценность как отправной пункт для получения ясной и неискаженной картины факторов в их истинном взаимоотношении.

Теория, господствующая теперь, состоит в том, что война по своей действительной сущности есть продолжение политики другими средствами. Процесс, при посредстве которого континентальные стратеги пришли к ней, состоит из довольно трудных философских рассуждений. Несмотря на то, что они были практиками и опытными ветеранами, их метод нелегко усваивается нашим собственным мышлением. Поэтому будет хорошо постараться сперва представить их заключение в конкретной форме, которая сразу сделает понятной сущность вопроса. Возьмем для этого обыденный случай, когда морскому или сухопутному штабу предлагается составить план войны против известного государства и указать средства, которых он потребует. Для всякого, кто обдумывал подобные вопросы, очевидно, что ответом будет встречный вопрос: «Ради каких целей предполагается война»? Без ответа на этот вопрос — определенного или хотя бы допускающего выбор — штаб едва ли сможет сделать больше, чем перечислить наиболее реальные силы, которыми располагает страна. Прежде чем он сделает какой-либо дальнейший шаг, он должен узнать многое. Он должен знать, ожидается ли захват чего-нибудь у неприятеля, или нужно предотвратить захват им чего-нибудь у нас или у какого-либо другого госу-

дарства. Если — у другого государства, те меры, которые необходимо принять, будут зависеть от его географического положения и от его сравнительной силы на суше и на море. Даже если об'ект ясен, необходимо будет знать, насколько ценит его неприятель: является ли он таким, ради которого противник будет готов сражаться не на жизнь, а на смерть, или таким, который он оставит после сравнительно слабого сопротивления. Если имеет место первое, то мы не можем рассчитывать на успех без полного сокрушения его силы сопротивляемости. Если — последнее, то будет достаточно, как это часто бывало, взять за цель менее ценное и рискованное и более соответствующее нашим средствам. Все это вопросы, находящиеся в компетенции министров, которым поручена внешняя политика страны, и прежде чем штаб сможет разрабатывать план войны, на эти вопросы должны ответить министры.

Говоря коротко, штаб должен спросить министров, какова политика, которую ведет их дипломатия, и где и почему, как они предполагают, она потерпит крушение и принудит в силу этого взяться за оружие. Штаб должен, когда дипломатия потерпит неудачу, продолжать итти к достижению цели, которая имеется в виду, и метод, которым он будет пользоваться, будет зависеть от характера этой цели. Таким образом мы приходим в общих чертах к нашей теории, что война есть продолжение политики, форма политических отношений, при которой мы вместо писания дипломатических нот — сражаемся.

Это и была та теория, простая и даже на первый взгляд лишенная какого-нибудь особенно нового смысла, которая дала ключ для практической работы по составлению плана современных войн и произвела переворот в учении о стратегии. К этой теории пришли только в начале XIX века. В течение столетий писали люди об «искусстве войны», но вследствие потребности иметь практическое руководство их труды в целом были ненаучны и были посвящены по большей части спорам о применявшихся в прошлом приемах и разработке второстепенных вопросов. Правда, много полезной работы было сделано в отношении деталей, но не было создано широкого взгляда на дело, который дал бы возможность определить отношение этих деталей к основной «постоянной» [1] сущности предмета. Не было найдено такой отправной точки зрения, благодаря которой мы могли бы легко отличить подобные «постоянные» [1] от того, что является только случайным. Результатом были тенденции спорить исключительно на основании последних примеров, что вело к превратным заключениям и попыткам применить методы, доставившие последний военный успех, к войне вообще. Не было способа определить, насколько частный, единичный успех зависел от особых условий и насколько — от факторов, общих для всех войн.

Только войны эпохи Революции и наполеоновские, совпавшие с периодом оживления философского направления мысли, обнаружили умственную ограниченность и эмпирический характер всего, что было сделано до того времени. Методы Наполеона произвели, как казалось современникам, такой коренной переворот в ведении

[1] Кавычки переводчика

войны на суше, что оно приняло совершенно новый вид, и стало очевидно, что концепции, удовлетворявшие раньше, оказались недостаточными для того, чтобы служить фундаментом обстоятельного учения. Война на суше казалось превратилась из рассчитанных, состоявших из ударов и парирований сражений между регулярными армиями — в стремительное наступление одной вооруженной нации на другую, из которых каждая алчет жизни другой и решила либо овладеть ею, либо погибнуть в борьбе. Люди встретились лицом к лицу с проявлением человеческой энергии, которое не имело себе равного, по крайней мере со времен начала цивилизации.

Такое мнение было не совсем правильным. Ибо хотя на континенте до этого никогда не применялись методы, о которых идет речь, однако они не были чуждыми нашей собственной стране ни на суше, ни на море. Как мы увидим, наша собственная революция в XVII веке породила такие же решительные способы ведения войны, близко подходившие к тем, которые Наполеон воспринял от вождей Французской революции. Более философский взгляд на вещи мог бы указать, что явление было не чем-либо действительно исключительным, но скорее — естественным проявлением народной энергии, вдохновленной руководящим политическим идеалом. Но британский прецедент был забыт, и так глубоко было потрясение, причиненное новыми французскими методами, что их влияние еще сказывается у нас. Мы до сих пор находимся под влиянием идеи, что со времен наполеоновской эры война является существенно отличной вещью. Наши учителя склонны настаивать на том, что теперь существует только один путь для ведения войны и что это — путь Наполеона. Пренебрегая тем фактом, что он в конце концов потерпел неудачу, они считают ересью простое мнение, что могут быть другие пути, и, не довольствуясь утверждением, что его система применима ко всем сухопутным войнам, как бы сильно они ни отличались по своему характеру и целям, они хотят свести и морскую войну к таким же формам, очевидно под влиянием мысли, что этим они придадут ей стройность и дадут некоторую новую силу ее ведению.

Видя, насколько наполеоновская идея овладела умами, мы считаем, что будет полезно, прежде чем итти дальше, определить точно ее характерные черты, хотя это не простая вещь. Как только мы приступаем к ее критическому разбору, она становится туманной и очень трудно определимой. Мы можем не вполне ясно различить четыре идеи, смешиваемые в существующем обычно представлении. Во-первых — идея ведения войны не только профессиональной, регулярной армией, но всей вооруженной нацией,— концепция, которая конечно на самом деле не принадлежала Наполеону. Она унаследована им от революции, но в действительности была много старше. Она была только пережитком всеобщей практики, приобретенной еще на варварских ступенях общественного развития, которая каждой цивилизацией поочередно покидалась как экономически непригодная и разрушительная для общества. Результаты отказа от этой системы были иногда хороши, иногда плохи, но условия, на основании которых они определялись, были еще слишком несовершенно изучены, чтобы делать какие-либо широкие обоб-

щения. Во-вторых — идея стремительного и настойчивого наступления (effort), не задерживающегося для обеспечения каждого малого преимущества, но давящего неприятеля без остановки и отдыха, пока он совершенно не сокрушен, — идея, в которой Кромвель опередил Наполеона на полтора столетия. Едва отличающейся от второй является третья идея — применения наступательного образа действий, в чем фактически совершенно нет ничего нового, поскольку преимущества этого принципа всегда понимались, и Фридрих Великий доводил его до крайности не только с неменьшей смелостью, чем сам Наполеон, но даже с преступной безрассудностью, как считают это высшие толкователи наполеоновских идей. Наконец — правило, что всегда нужно иметь главным «об'ектом своих действий» (objective) вооруженные силы противника, а не его территорию или какую-либо часть ее. Это пожалуй рассматривается, как наиболее сильная характерная черта наполеоновских методов, но даже здесь нас приводит в замешательство тот факт, что без сомнения в некоторых важных случаях — например аустерлицкая кампания — Наполеон избирал «об'ектом своих действий» столицу неприятеля, ибо считал, что занятие ее было наиболее действительным средством для сокрушения неприятельской силы и воли к сопротивлению. Он во всяком случае не избирал в данной кампании главную армию противника своим главным об'ектом, так как главной армией была армия не Макка, а эрцгерцога Карла.

Итак в итоге, когда говорят о системе Наполеона, то повидимому подразумевают две группы идей: одну — обнимающую понятие о войне, ведущейся всеми силами нации; другую — включающую кромвелевскую идею настойчивого наступления, фридриховское предпочтение наступления ценою почти любого риска; и наконец идею избрания главным об'ектом своих действий — вооруженных сил неприятеля, так же кромвелевскую. Однако соединение этих ни в коем случае не оригинальных или особенно ясных идей, как мы сказали, привело к настолько полному перевороту в ведении войны, что оно как будто стало совершенно новой вещью. Для наших целей нет надобности разбирать, насколько факты подтверждают такое заключение, ибо по самой природе вещей оно совершенно неразумно. Ни война, ни что другое не может измениться по существу. Если кажется, что это так, то только потому, что мы все еще склонны принимать простые случайности за существенное, а именно на этом спотыкались самые тонкие мыслители наполеоновских времен.

На некоторое время, правда, они были сбиты с толку, но как только они имели время очнуться от грохота борьбы, в которой принимали участие, то начали видеть, что новое явление было в конце концов только случайностью. Они обнаружили, что методы Наполеона, которые взяли мир штурмом, имели успех только в войнах определенного характера и что когда он пытался распространить их на войны иного рода, то терпел неудачи и даже поражения. Как могло быть это об'яснено? Какая теория например охватывала бы успехи Наполеона в Германии и в Италии так же хорошо, как и его неудачи в России и в Испании? Если все понятие о войне изменилось, как могли быть оценены успехи Англии, которая не изменила своих методов? Для нас ответ на эти вопросы представляется жизненным и чрезвычайно важным. Наша отправная точка

является до сих пор неизменной. Не имеется ли чего-либо присущего понятию войны, что подтверждает это положение в нашем случае? Вправе ли мы ожидать от него снова тех же успехов, которые имели место в прошлом?

Первым человеком, провозгласившим теорию, которая могла объяснить особенность явлений наполеоновской эры и согласовать их с предшествующей историей, был генерал Карл фон-Клаузевиц (Clausevitz), человек, трудная штабная служба которого и активная работа по высшему военному образованию убедили его в необходимости систематизации учения своей профессии. Он был не только профессором, но и воином, воспитанным в суровейшей школе войны. Ученик и друг Шарнгорста и Гнейзенау, он в 1813 г. служил в штабе Блюхера, был начальником штаба у Вальмодена в его кампании на нижней Эльбе против Даву и также в III прусском армейском корпусе в кампании 1815 г. После этого в течение более десяти лет он был директором Общей военной академии в Берлине и умер в 1831 г. в должности начальника штаба маршала Гнейзенау. В течение 50 лет после его смерти, как он и сам ожидал, его теория и система подвергались нападкам со всех сторон. Только теперь результаты его работ утвердились более прочно чем когда-либо в качестве необходимого базиса всей стратегической мысли и сверх всего — в учении германской школы «крови и железа».

Процесс мышления, посредством которого он пришел к своей знаменитой теории, можно проследить по его классическому труду «О войне» и «Заметке», касающейся этого труда, найденной после его смерти [1]. Согласно с философским обычаем своего времени он начал попыткой формулировать отвлеченное понятие о войне. Определение, с которого он начал, гласило, что «Война есть акт насилия для принуждения нашего противника выполнить нашу волю». Но этот акт насилия не был только столкновением армий, как определил его Монтекукули полтора века до этого.

Если отвлеченное понятие о войне довести до его логического завершения, то этот акт насилия должен быть совершон всеми средствами, имеющимися в нашем распоряжении, и с крайним напряжением нашей воли. Следовательно мы получаем концепцию о двух вооруженных нациях, устремляющихся одна на другую и продолжающих борьбу с наибольшей силой и энергией, которыми они могут располагать до тех пор, пока та или другая не утратят способности к дальнейшему сопротивлению. Это Клаузевиц назвал «абсолютной войной» («Absolute War»). Но его практический опыт и зрелое изучение истории подсказали ему сразу, что «реальная война» («Real War») была кое-чем, совершенно отличным. Это было верно, — сказал он, — что методы Наполеона приближались к абсолютным и придали некоторый оттенок достоверности пользованию идеей абсолютной войны как практической теорией. «Но останемся ли мы,—спрашивает он с проницательностью,—удовлетворены такой идеей и будем ли судить на основании ее обо всех войнах, как бы сильно они ни различались, и удовлетворим ли мы всем требо-

---

[1] В бумагах Клаузевица были найдены: Заметка, Пояснение и Неоконченная статья, касающиеся его основного труда „О войне“ (Vom Kriege), печатающиеся обычно вместе с последним.—Прим. ред.

ваниям теории? Мы должны решить этот вопрос, ибо не можем сказать ничего достоверного о плане войны, пока не выясним: должна ли быть война такого рода или она может быть иного?».

Он сразу увидел, что теория, основанная на абстрактной или абсолютной идее войны, не охватывает всего предмета и поэтому не в состоянии дать того, что необходимо для практических целей. Она исключила бы почти все войны со времен Александра Македонского до Наполеона. И наконец какая была гарантия, что следующая война совпадет с наполеоновским типом и приспособится к отвлеченной теории? «Эта теория, — говорит он, — все еще бессильна против силы фактов». Так это и произошло, ибо войны середины XIX века на деле возвратились к типу донаполеоновских войн.

Короче говоря, трудность, возникавшая для Клаузевица в принятии абстрактной теории в качестве практического правила, состояла в том, что его практический ум не мог забыть, что война не появилась с эпохой революции и не кончилась с нею. Если эта эпоха изменила ведение войны, то надо было предположить, что война изменится снова с наступлением других времен и других условий. Теория войны, которая не допускает этого и не охватывает всего, что произошло раньше, вовсе не теория. Для того чтобы теория войны могла иметь какое-либо применение в качестве практического руководства, она должна охватывать и об'яснять не только крайние явления в области военных событий, свидетелем которых она была сама, но и всякое явление, случившееся в прошлом и могущее произойти в будущем.

Он пришел к решению вопроса, обдумывая скрытые причины имевших место случаев проявления колебаний в развитии враждебных действий в смысле их энергии и интенсивности. Его опытность в штабной службе и изучение внутренних пружин возникновения и ведения войны подсказали ему, что на деле вопрос никогда не сводится к чисто военному стремлению, направленному всегда на достижение крайней цели, возможной или целесообразной с чисто военной точки зрения. Проявляемая энергия всегда будет изменяться в зависимости от политических соображений и от значительности национальных интересов в отношении цели войны. Он видел, что реальная война в действительности была формой международных отношений, отличавшейся от других международных отношений только методом, применяемым нами для достижения цели нашей политики. Так он пришел к своей знаменитой теории, что «война есть только продолжение политики другими средствами».

На первый взгляд это кажется мало содержательным. Может показаться пожалуй, что гора родила мышь. Но именно только на основе такой простой, даже очевидной, формулы может быть надежно построена какая-либо научная система. Нам достаточно только развернуть заключающееся в ней содержание, чтобы видеть, какими важными и практически ценными являются руководящие принципы, вытекающие из нее.

С установлением концепции войны как продолжения политических отношений становится ясным, что все, лежащее вне политической концепции, т. е. все, что специально принадлежит к области военных и морских операций, является только средствами, которыми мы пользуемся для осуществления нашей политики. Следо-

вательно первое требование, пред'являемое к плану войны, состоит в том, чтобы применяемые средства насколько можно менее противоречили политическим условиям, в силу которых возникла война. На практике конечно, как и во всех человеческих отношениях, всегда будет иметь место компромисс между средствами и целью, между военными и политическими требованиями. Но Клаузевиц считал, что всегда должна руководить политика. Военачальник, которому поручено ведение войны, может конечно требовать, чтобы тенденции и намерения политики не были в противоречии с военными средствами, предоставленными в его распоряжение; но как бы сильно это требование ни воздействовало в исключительных случаях на политику, военная деятельность должна всегда рассматриваться только как проявление политики. Она никогда не должна заменять собой политики. Политика есть всегда цель; война — только средство, которым мы достигаем цели; средства же должны всегда иметь в виду цель, которая должна быть достигнута.

Практическое значение этой концепции теперь станет нам ясным. Мы увидим, что она дает логическое, теоретическое толкование того вопроса, с которого мы начали, поставив его в чисто конкретной форме. Когда от начальника штаба требуют план войны, он не должен говорить, что мы будем вести войну таким-то или таким-то путем, потому что это путь Наполеона или Мольтке. Он должен спросить, каков политический об'ект войны, каковы политические условия и насколько много требующий решения спор значит по своим последствиям для нас и для нашего противника. Вот те соображения, которые определяют характер (nature) войны. Когда этот первоочередный вопрос выяснен, тогда начальник штаба будет в состоянии сказать, имеет ли война такой же характер, как те, в которых методы Наполеона и Мольтке имели успех, или это война другого характера, при котором эти методы терпели неудачу. Тогда он разработает и предложит план войны, не потому, что этот план носит на себе клеймо того или другого из великих мастеров войны, но потому, что он соответствует характеру надвигающегося вооруженного столкновения. Считать, что один метод ведения войны будет пригоден для всех родов войн, значит стать жертвою абстрактной теории, а не быть пророком действительности, каковыми склонны себя считать самые узкие последователи наполеоновской школы.

Отсюда, — говорит Клаузевиц, — вытекает первое, величайшее и наиболее важное решение, на которое политики и военачальники должны направить свое здравое суждение, — определить характер войны таким образом, чтобы быть уверенными, что они не приняли его за другой и что они не представляют его себе таким, каким он не может быть по самой природе вещей. «Это, — заявляет он, — первый и наболее важный по своим последствиям из всех стратегических вопросов».

Итак, ценность его теории войны в том, что она указывает ясное направление мысли, руководствуясь которым, мы можем определить характер предполагающейся войны и застраховать себя от того, чтобы пробовать применять в войне одного характера какой-либо особенный метод операций лишь потому, что он оказался удачным в войне другого характера. Только рассматривая войну не как независимую вещь,— настаивает он,— но как средство политики

(political instrument), мы можем правильно учесть уроки истории и уяснить себе для нашего практического руководства, как должны различаться войны по характеру в соответствии с природой мотивов и обстоятельств, в результате которых они возникли. Эта концепция, — заявляет он, — является первым лучом света, ведущим нас к истинной теории войны и тем самым делающим нас способными классифицировать войны и различать их одну от другой.

Жомини, его великий современник и соперник, хотя и следовавший менее философским, но не менее ясным путем, целиком поддерживает этот взгляд. Швейцарец, военный авантюрист, он имел опыт, во многом подобный Клаузевицу, приобретенный главным образом в штабе маршала Нея, а впоследствии в штабе русской Главной квартиры. Он не дошел до определенной теории войны, но его основные выводы были те же. Первая глава его заключительного труда «Précis de l'art de la guerre» посвящается теме «La politique de la guerre» («Политика войны»). В ней он разделяет войны на девять категорий в зависимости от их политической цели и принимает в качестве основного положения, что эти различные категории войн будут иметь большее или меньшее влияние на характер операций, которые потребуются для достижения целей, имеемых в виду, на степень энергии, которая должна быть развита, и на масштаб предприятий, в которых мы должны принять участие. «Между операциями будет большое различие, — добавляет он, — в зависимости от риска, которому мы должны будем подвергнуться».

Таким образом оба одинаково утверждали — хотя в отношении средств они часто держались совершенно противоположных мнений, — что фундаментальная основа войны есть политика. Оба они соглашаются, что если мы мысленно изолируем силы, действующие на любом театре войны, отвлеченная концепция войны все-таки вновь появляется. Коль скоро эти силы участвуют, война является вопросом сражения, в котором каждый из воюющих должен стараться всеми средствами, имеющимися в его распоряжении, со всей своей энергией уничтожить другого. Но даже если так, они могут найти, что какие-либо определенные средства не могут быть применены ими по политическим причинам, и в любой момент фортуна войны или развитие политических условий, с которыми она тесно связана, может отбросить их назад в область основной политической теории.

Для нас нет необходимости рассматривать эту теорию более подробно. Достаточно в данный момент заметить, что она дает нам концепцию войны, как применения насилия для обеспечения политического положения, которого мы желаем достигнуть, и что из этой широкой и простой формулы мы имеем возможность вывести сразу то заключение, что войны будут изменяться в соответствии с характером цели и с интенсивностью нашего желания ее добиться. На этом мы может остановиться, чтобы собраться с силами и сохранить последовательность, так как мы исследуем лишь практические соображения, являющиеся непосредственными следствиями этой теории.

———

Глава втсрая.

Характер войн: войны наступательные и оборонительные.

Установив, что войны должны изменяться по своему характеру в зависимости от характера и важности их целей, мы встречаемся с той трудностью, что эти изменения бесконечно разнообразны и имеют всевозможные оттенки. Действительно, градация этих изменений представляется настолько обширной, что на первый взгляд кажется едва возможным положить ее в основание практического изучения. Но при дальнейшем исследовании станет ясным, что весь вопрос поддается значительному упрощению посредством применения обычного аналитического метода. Мы должны, короче говоря, постараться притти к какой-либо системе классификации: это означает, что мы должны посмотреть, не представляется ли возможным сгруппировать все разновидности в некоторые, имеющие достаточное обоснование категории. В отношении такого сложного и трудно уловимого предмета группирование конечно должно быть в известной степени произвольным, и в некоторых случаях разграничительные линии будут не вполне отчетливы, но если классификация была найдена возможной и полезной в зоологии и в ботанике при тех бесконечных и мельчайших индивидуальных различиях, с которыми они имеют дело, то она не менее возможна и полезна в учении о войне.

Политическая теория войны дает нам во всяком случае две ясно обрисовывающихся классификации, делящих войны на обширные классы. Первая — простая и хорошо известная — основана на различии по политической цели (political object) войны — позитивной (positive) или негативной (negative). Если цель войны позитивная, т. е. если мы намереваемся захватить что-либо у неприятеля, тогда наша война в ее главных чертах будет наступательной. Если же наша цель негативна и мы просто стремимся воспрепятствовать противнику добиться каких-либо преимуществ к нашему ущербу, тогда война в ее общем направлении будет оборонительной.

Эта классификация имеет ценность благодаря широте концепции. Хотя она и определяет общее направление наших операций, но сама по себе не будет влиять на их характер. Для морской державы по крайней мере очевидно, что это должно быть так. Ибо ни при каких обстоятельствах для такой страны невозможно ни организовать собственную защиту, ни развить в полной мере свое наступление без обеспечения действительного контроля над морем путем наступательных действий против неприятельского флота. Более того, мы всегда находили, что как бы ни была наша цель строго оборо-

нительна, самым действительным средством достижения ее были контрудары, направленные через море для непосредственной поддержки союзника или для лишения нашего противника его колониальных владений. Ни одна из категорий таким образом не исключает ни использования наступательных операций, ни применения принципа сокрушения неприятеля, поскольку это необходимо для достижения нашей цели (object). Ни в том, ни в другом случае концепция не приводит нас к выбору какого-либо иного об'екта наших действий (objective), чем вооруженные силы неприятеля и в частности его морские силы. Действительная разница только в том, что если наша цель позитивна, наш общий план должен быть наступательным, и мы должны по крайней мере начать войну настоящим наступательным движением; в случае же, если наша цель негативна, наш общий план будет превентивным (предупреждающим), и мы должны выжидать момента для контратаки. До этого предела наши действия всегда должны иметь тенденцию к наступлению, ибо контратака есть душа обороны. Оборона не есть пассивное положение, ибо такое положение есть уже отрицание войны. Точно выражаясь, она есть «состояние бдительного ожидания». Мы ожидаем момента, когда неприятель подставит себя для нашего контрудара, успех которого настолько повредит ему, что сделает нас относительно достаточно сильными для перехода в наступление.

Эти соображения дают основание полагать, что как бы ни была указанная классификация с первого взгляда действительна и логична, определение «наступательная» и «оборонительная» вызывает возражения со всякой точки зрения. Начать с того, что она не об'ясняет, в чем именно состоит действительное и логическое различие. Она указывает лишь на то, что основанием классификации является не столько различие по цели, сколько различие по способам достижения цели. Вследствие этого мы оказываемся в постоянной внутренней борьбе с ошибочным представлением, что война с позитивной целью означает пользование наступлением, а война с негативной целью довольствуется обороной.

Уже это вызывает сомнение, но второе возражение гораздо более серьезно и выясняет, насколько такая классификация чревата ошибками. Ибо разделение войн на «наступательные» и «оборонительные» предполагает, что наступление и оборона являются понятиями, друг друга взаимно исключающими, тогда как суть дела в том,— и это основная истина войны,— что они друг друга дополняют. Всякая война и всякая форма войны должны быть одинаково и наступательными и оборонительными. Как бы ни была ясна наша позитивная цель, как бы ни был высок наш наступательный дух, мы не можем развить наступательного направления нашей стратегии в полной мере без поддержки его обороной на всех остальных операционных направлениях кроме главного. В тактике то же самое. Убежденнейший поклонник атаки признает лопату так же хорошо, как и винтовку, и даже, когда мы переходим к вопросу о людях и материальной части, то видим, что без определенной степени защиты ни корабли, ни пушки, ни люди не могут развернуть своей высшей энергии и устойчивости удара. На деле никогда нет совершенно ясного выбора между наступлением и обороной. В наступательных операциях вопросом является всегда: насколько далеко оборона

должна войти в методы, нами применяемые, чтобы дать нам возможность выполнить наибольшее — в пределах наших ресурсов — чтобы разбить или парализовать силу неприятеля. То же самое и в обороне. Даже при самом законном пользовании ею она всегда должна быть дополнена наступлением. Даже за валами крепости защитники знают, что рано или поздно она должна пасть, если контратакой, направленной против осадных работ неприятеля или его коммуникаций, они не смогут подорвать силы его наступления.

Поэтому казалось бы, что было бы лучше целиком отказаться от определений «наступательная» и «оборонительная» и заменить их обозначениями: «позитивная» и «негативная» («positive» and «negative»). Но здесь мы встречаемся с новой трудностью. Было много войн, в которых применялись одни только позитивные методы для достижения негативных целей, а такие войны будет нелегко отнести к тому или другому классу. Так например в войне за испанское наследство нашей главной целью было предупредить превращение Средиземного моря во французское озеро через об'единение французской и испанской корон, но метод, которым нам удалось достигнуть этой цели, заключался в захвате морских позиций — Гибралтара и Минорки, и таким образом на практике наш метод был «позитивен». В русско-японской войне опять-таки главной целью Японии было предотвратить присоединение Кореи к России. Эта цель была превентивной и «негативной». Но единственно действительным путем для достижения этой цели было — ей самой захватить Корею, и таким образом война для нее стала на практике «позитивной».

С другой стороны мы не можем закрывать глаза на то обстоятельство, что в большинстве войн сторона, преследовавшая «позитивную» цель, действовала главным образом наступательно, тогда как другая — оборонительно. Поэтому как бы ни казалось непрактичным приведенное выше разделение, однако невозможно отказаться от него без исследования, почему это было так, и в этом самом исследовании будут найдены практические результаты классификации; иначе говоря, это вынуждает нас проанализировать сравнительные преимущества наступления и обороны. Ясное понимание их сравнительных возможностей является краеугольным камнем стратегического учения.

Преимущества наступления очевидны и общепризнаны. Позитивные результаты может дать только наступление, так как сила и энергия, порождаемые моральным под'емом атаки, представляют собою такую практическую ценность, которая перевешивает почти все прочие соображения. Всякий разумный человек желал бы пользоваться наступлением, будь цель войны позитивной или негативной, и однако было много случаев, когда самые энергичные мастера войны избирали оборону и избирали ее с успехом. Они избирали ее тогда, когда считали себя слабее своих противников по физической силе и когда полагали, что никакое состояние наступательного под'ема духа не сможет компенсировать этой слабости.

Итак очевидно, что вопреки всей невыгоде обороны как слабейшей формы войны она должна иметь некоторое врожденное преимущество, которого не имеет наступление. В войне мы применяем всякий образ действий, для которого имеем достаточные силы.

Поэтому, если мы применяем менее желательный оборонительный образ действий, то это значит, что либо мы не имеем достаточной силы для наступления, либо, что оборона дает нам некоторую особую силу для достижения нашей цели.

Каковы же эти элементы силы? Исследовать их совершенно необходимо не только для того, чтобы знать, что когда нас временно принуждают к обороне — не все еще потеряно, но также для того, чтобы мы могли судить, насколько решительно мы сами должны вести наше наступление для недопущения использования неприятелем преимуществ обороны.

В качестве общего принципа мы все знаем, что владение (possession) есть девять десятых права. Легче держать деньги в собственном кармане, чем взять их из кармана другого. Если один человек желает ограбить другого, он должен быть или сильнее его или лучше его вооружен, если он не сможет сделать это тайно или при помощи ловкости; в этом и состоит одно из преимуществ наступления. Сторона, завладевшая инициативою, имеет обычно бо́льшую возможность приобретения преимущества ловкостью или скрытностью. Но это не всегда так. Если на суше или на море мы можем занять такую оборонительную позицию, которая не может быть опрокинута, а должна быть разбита, прежде чем неприятель сможет достигнуть своей цели, тогда преимущества, даваемые ловкостью или скрытностью, переходят к нам. Тут мы по своему усмотрению выбираем район для испытания сил. Мы укрываемся среди знакомой нам местности; он себя подставляет на местности, ему менее знакомой. Мы можем устроить западни и подготовить неожиданный контрудар, когда он наиболее сильно уязвим. Отсюда вытекает парадоксальная истина, что при сильной и хорошо обдуманной обороне преимущество внезапности — против нападающего.

Таким образом становится ясным, что каковы бы ни были преимущества обороны, они зависят от сохранения наступательного духа. Ее сущность заключается в контратаке, в обдуманном выжидании благоприятного случая для удара, но не пребывание в бездеятельности. Оборона — это состояние «сдержанной активности» (restrained activity), но ни в коей мере не состояние покоя. Ее действительная слабость заключается в том, что, продолженная долее, чем следует, она ведет к умерщвлению наступательного духа. Эта истина настолько жизненна, что некоторые авторитеты в своем стремлении усилить ее превратили ее в сбивчивую доктрину, что «наступление есть лучшая оборона». Отсюда в свою очередь вытекает упрощенное представление, что оборона всегда — глупость или трусость, ведущая к поражению, а то, что называется «военным духом», означает ни что иное, как применение наступательного образа действий. Ничто не является таким далеким от учения и действий лучших мастеров войны. Подобно Веллингтону при Торрес Ведрас (карта 1), все они временно использовали оборону, пока элементы силы, присущие этой форме войны, противопоставленные навязанной неприятелю форме, которая истощала его силы, не поднимали их до положения, когда они в свою очередь становились достаточно сильными, чтобы перейти к более истощающей форме.

Смешение понятий, которое вело к неправильным заключениям в отношении обороны как метода войны, происходит благодаря

некоторым достаточно очевидным причинам. Контратаки при общем оборонительном положении рассматривались как истинные наступательные действия, — например в хорошо известных операциях Фридриха Великого или в блестящем контрударе адмирала Тегенофа при Лиссе или в наших собственных операциях против Испанской Армады. Оборона же приобрела дурную славу благодаря смешению ее с неправильно задержанным наступлением, когда более сильная держава, имевшая позитивную цель, не имела необходимой силы духа, чтобы использовать свое материальное превосходство с достаточной активностью и настойчивостью. Против такой державы более слабый противник всегда может компенсировать свою слабость переходом в смелое и быстрое наступление, приобретая этим моральный и физический импульсы, более чем возмещающие недостаток в силе. Оборона терпела также неудачу при выборе плохой позиции, которую неприятель был в состоянии опрокинуть или обойти. Оборонительное положение становится ровно ничем, элементы его силы совершенно исчезают, если оно не таково, что неприятель раньше, чем достигнуть своей конечной цели, должен сокрушить его силою. Еще чаще оборона терпела неудачу, когда воюющий, применявший ее, не находя подходящей оборонительной позиции, которая могла бы остановить продвижение неприятеля, пытался охранять все возможные направления атаки. Последствием этого было то, что, распыляя свои силы, он только увеличивал свою слабость.

Хотя эти соображения ясны и хорошо доказаны для войны на суше, их применимость в морской войне не столь очевидна. Возразят, что на море нет обороны. Это в общем правильно для тактики, но и тут это не всегда безусловно верно. Оборонительные тактические позиции возможны и на море, как например на защищенных якорных стоянках. Такие позиции были всегда реальностью, а мины заграждения увеличили их возможности. На современном этапе развития морской войны мы видели японцев, подготовлявших настоящую оборонительную позицию на островах Эллиота для прикрытия высадки их Второй армии на Ляодунский полуостров (карта 2). Стратегически же такое утверждение совершенно неверно. Стратегически — оборона столь же обыкновенная вещь на море, как и на суше, и для нас самих наиболее трудно разрешимой проблемой являлась часто задача разрушить состояние такой обороны, когда неприятель ее применял. Обыкновенно это значило, что неприятель оставался в собственных водах и вблизи своих баз, где атаковать его с решительным результатом было почти невозможно и откуда он постоянно угрожал нам контратакой в моменты истощения, как это делали голландцы у Сольбэй и у Медуэй. Трудность решительных действий против неприятеля, применявшего такой образ действий, была понята нашей военно-морской службой очень рано, и с начала до конца нашей главной заботой было воспрепятствовать неприятелю воспользоваться этим методом и заставить его сражаться в открытом море или по крайней мере проникнуть в район между ним и его базою и принудить его здесь к бою.

Самое замечательное, вероятно, проявление преимуществ, которые при подходящих условиях могут сопутствовать применению

стратегической обороны, также имело место в течение последней русско-японской войны. Во время заключительного кризиса морской борьбы японский флот имел возможность использовать преимущество оборонительного положения в своих собственных водах, которое русский балтийский флот[1] должен был сокрушить, чтобы достигнуть своей цели, и результатом явилась наиболее решительная морская победа, до сего времени известная.

Удерживающая противника сила активных и искусных операций, проводимых с такой позиции, хорошо известна нашим старым традициям. Этот прием был несколько раз использован, особенно в наших водах метрополии, для предотвращения выполнения флотом, который временно мы из-за недостаточности наших сил в данном месте уничтожить не могли, предписанной ему задачи. Типичное положение такого рода было у о-вов Силли (карта 1), причем многократно подтверждалось, что пока флот, находившийся там, не будет вынужден принять решительный бой, даже более сильный флот не может рассчитывать выполнить какую-либо операцию в Канале. Но вся сущность этого приема состояла в поддержании наступательного духа в его наиболее энергичной форме. И чтобы достигнуть успеха, необходима по крайней мере воля к использованию каждого удобного случая для смелых, беспокоящих противника контратак, подобных тем, которые Дрэк и его коллеги наносили Армаде.

Проведение блокады с целью связать внимание превосходящего по силе флота неприятеля является другой формой обороны, которая однако имеет почти всегда пагубные последствия. На короткое время она может быть целесообразна, допуская наступательные действия там, где иначе они были бы невозможны. Но при ее длительном проведении рано или поздно моральное состояние вашего флота будет подорвано, и он станет неспособным к действительному наступлению.

Вывод тот, что хотя для практической цели составления или усовершенствования планов войны польза классификации войн на наступательные и оборонительные незначительна, однако ясное понимание сравнительных преимуществ, присущих наступлению и обороне, существенно важно. Мы должны учитывать, что в определенных случаях, при условии постоянного сохранения наступательного духа, оборона дает возможность слабейшему достигнуть своих целей, тогда как наступательный образ действий вероятно привел бы его к гибели. Но элементы силы целиком зависят от воли и уменья выбрать момент для нанесения неприятелю быстрых ударов в то время, когда он их не ожидает. Коль скоро на оборону перестают смотреть, как на средство накопления своей силы для нападения и уменьшения силы неприятеля, она теряет все свои преимущества. Она перестает быть даже приостановленной деятельностью (suspended activity), а все, что не есть деятельность, не есть война.

На этих общих замечаниях о сравнительных преимуществах наступательного и оборонительного образа действий мы можем пока

---

[1] Часть его, направленная на Дальний Восток (2-я и 3-я Тихоокеанские эскадры)
Примечание переводчика.

оставить затронутый вопрос. Конечно можно было бы составить перечень преимуществ и недостатков каждой из этих форм, но всякое такое перечисление без конкретных примеров для пояснения их значения всегда будет казаться противоречивым и склонным ввести в заблуждение. Поэтому лучше оставить более полное рассмотрение до того, как мы займемся разбором стратегических операций и пока не будем в состоянии отметить их действительное влияние на ведение войны в ее разнообразных формах. Оставляя таким образом нашу первую классификацию войн на наступательные и оборонительные, мы переходим ко второму их подразделению, единственному, имеющему действительное практическое значение.

Глава третья.

Характер войн: войны ограниченные и неограниченные.

Вторая классификация, к которой нас приводит политическая теория войны, есть та, которую Клаузевиц установил первым и которой он придавал величайшее значение. Ввиду этого необходимо рассмотреть его взгляды в некоторых деталях, но не потому, что имеется какая-либо нужда считать континентального стратега — хотя бы и выдающегося — неоспоримым авторитетом для морской державы. Как раз наоборот. Это необходимо потому, что тщательное исследование его доктрины в этой ее части откроет коренные и существенные различия между германской, или континентальной школой стратегии[1] (Continental School of Strategy) и британской, или морской школой[1] (Maritime School), т. е. нашей собственной традиционной школой, которую слишком многие писатели — как наши отечественные, так и за границей — не считают существующей. Нельзя не отметить отрицательного влияния этого мнения, и главная цель настоящей и последующих глав будет состоять в том, чтобы показать, как и почему даже наикрупнейший из континентальных стратегов не смог полностью выявить характерных черт британской традиции.

В классификации, о которой идет речь, Клаузевиц делил войны на войны с ограниченной целью (with a «limited» object) и войны с неограниченной целью (whose object was «unlimited»). Такая классификация целиком типична для него, ибо она основывалась не только на одной материальной сущности природы об'екта войны, но и на определенных моральных факторах, которым он первый придал их действительное значение в области вопросов войны. Другие писатели, как Жомини, пытались разделить войны по специальному назначению (Special purpose), ради которого они велись, но долгий путь изучения убедил Клаузевица, что такое различие не философское и не приемлемо для научной теории войны. Иначе говоря, была ли война позитивной или негативной — является важным, но ее специальное назначение, как например по системе Жомини — была ли она «для подтверждения прав», или «для помощи союзникам», или «для приобретения территории» — совсем неважно.

Какова бы ни была цель, главным и существенным вопросом являлась та степень напряжения, с которой воля (spirit) «нации» стремилась к ее достижению. Важнейшим вопросом, подлежащим решению по отношению ко всякому плану войны, является вопрос

---

[1] Разрядка наша. — Ред.

о том, что означает данный об'ект для каждого из воюющих, на какие жертвы и на какой риск они готовы ради него? Клаузевиц высказал свой взгляд следующим образом: «Чем меньшей жертвы мы требуем от нашего противника, тем вероятно меньше будут средства сопротивления, которые он употребит, а чем меньше будут его средства, тем меньше потребуется наших. Равным образом, чем менее значительна наша политическая цель, тем меньшую ценность мы ей придадим и тем легче будет заставить нас отказаться от нее». Таким образом политический об'ект войны и ее первоначальная причина не только определяют соответственно для каждого из сражающихся цель применения силы, которою они пользуются, но служат мерилом напряжения, которое они проявят. «Таким образом, — заключает он, — должны существовать войны всех степеней по их важности и напряжению, от войн на уничтожение противника до пользования армией «наблюдения»[1] (army of observatfon). Подобным же образом и в морской войне могут быть как борьба не на жизнь, а на смерть за первенство на море, так и враждебные действия, не идущие далее блокады.

Подобный взгляд представил собой конечно большое отступление от теории «абсолютной войны», с которой Клаузевиц начал свою работу. В этой теории «абсолютная война» являлась идеальной формой, которой должны были бы достигать все войны вообще, и те из них, которые не достигали ее рамок, были несовершенными войнами, убогими вследствие недостатка истинного военного духа. Но как только он постиг, что в действительной жизни «моральный фактор»[1] должен всегда преобладать над чисто военным, он увидел, что работал на слишком узком основании — основании чисто теоретическом, в котором игнорировался человеческий фактор (human factor). Он уяснил себе, что логически неправильно принимать за основу стратегического учения утверждение, что вообще имеется один образец, которому должны соответствовать все войны. В свете своего полного и окончательного понимания значения человеческого фактора он увидел, что войны распадаются на две хорошо различающиеся категории, к каждой из которых вполне законно было бы подойти с совершенно иной стороны, а не с точки зрения «абсолютной войны».

Он увидел, что имеется класс войн, в которых политическая цель была настолько жизненно важна для обоих воюющих, что они оба были готовы для ее достижения сражаться до крайнего предела своей выносливости. Но был также другой класс, где цель войны была меньшей важности, иначе говоря, где ее значение для одного или для обоих воюющих не являлось настолько большим, чтобы она стоила неограниченных потерь крови и денег. Это были те два класса войн, которые он предварительно назвал войны «неограниченные» («Unlimited») и войны «ограниченные» («Limited»), под чем он понимал, не то, что вы не должны напрягать используемую силу со всей энергией, которую вы можете развить, но что может быть предел, расходовать сверх которого эту энергию было бы плохой политикой, — предел, на котором задолго до истощения ваших сил или даже до полного их развертывания было бы гораздо разумнее

---

[1] Кавычки переводчика.

отказаться от вашей цели, чем еще продолжать тратить силы ради нее.

Эти классы войн необходимо понять совершенно ясно, так как их часто необдуманно смешивают с тем различием войн, о котором нами говорилось ранее и которое Клаузевиц приводил в начале своей работы, т. е. различием между тем, что он назвал характером современной войны и характером всех войн, предшествовавших наполеоновской эре. Необходимо напомнить, что Клаузевиц настаивал на том, что войны его времени были войнами между вооруженными нациями с определенным стремлением бросить всю силу нации в бой, тогда как в XVII и XVIII столетиях войны велись регулярными армиями, а не всей вооруженной нацией. Это различие конечно существенно и влечет за собой весьма глубокие последствия, но оно не имеет отношения к разделению войн на «неограниченные» и «ограниченные». Война может вестись по наполеоновской системе одинаково как ради ограниченной, так и ради неограниченной цели.

Современный пример раз'яснит дело. Недавняя русско-японская война велась ради «ограниченной»[1] цели — утверждения известных прав на территорию, которая не составляла части владений ни одной из воюющих сторон. Враждебные действия велись вполне по-современному: двумя вооруженными нациями, а не только одними регулярными армиями. Но для одной из воюющих сторон заинтересованность в об'екте войны была настолько ограничена, что побудила ее отказаться от него задолго до того, как ее сила «вооруженной нации»[1] была истощена или даже вся введена в действие. Расход в людях и в деньгах, вызванный борьбой, был выше того, которого стоил об'ект.

Различие между «ограниченными» и «неограниченными» войнами Клаузевиц считал более важным, чем предыдущее, основанное на негативном и позитивном характере цели. Он не сразу пришел к этому разделению. Его великий труд «О войне», в том виде как он его оставил, почти целиком сохраняет концепцию о наступательном или оборонительном образе действий, применительно к наполеоновскому идеалу абсолютной войны. Новая мысль пришла ему на ум в конце работы, когда его продолжительное изучение предмета вполне созрело; она явилась у него во время попытки применить свои стратегические взгляды на практической работе составления плана войны в предвидении угрожавшего разрыва с Францией. И только в последней части своего труда «О планах войны» он начал применять его. Именно в это время он понял первый практический результат, вытекающий из его теории. Он увидел, что различие между «ограниченной» и «неограниченной» войной содержит в себе основание коренного различия в методах ведения их. Когда цель войны неограничена и следовательно вызывает применение противником всей его военной мощи, тогда очевидно никакого твердого решения борьбы нельзя достигнуть, пока вся военная сила неприятеля не будет целиком сокрушена. И если у вас нет значительной надежды сделать это, то будет плохой политикой искать решения вопроса силою, то-есть вы не должны были бы вступать

---

[1] Кавычки переводчика.

в войну. Однако в случае ограниченной цели полное уничтожение вооруженной силы противника было бы ненужным. Ясно, что вы можете достигнуть цели, если вы захватите об'ект, и, используя преимущества, присущие обороне, создадите такое положение, при котором противнику дороже будет стоить преодолеть вас, чем сам об'ект стоит для него.

Итак здесь мы находим возможность широкого различия в основных положениях (postulate) нашего плана войны: в случае войны «неограниченной» наше главное стратегическое наступление должно быть направлено против вооруженных сил противника; в случае «ограниченной» войны, даже если ее цель позитивна, в этом нет нужды; если условия благоприятны, будет достаточным сделать самый об'ект войны — об'ектом вашего главного стратегического наступления. Итак ясно, что Клаузевиц достиг этим теоретического различения, которое изменило всю его концепцию стратегии. Не стало больше логически только одной войны — «абсолютной», и не стало больше одного единственно законного об'екта военных действий — вооруженных сил неприятеля. Будучи здравой теорией, она конечно приобрела немедленное практическое значение, ибо очевидно различие, которое она устанавливала, было таково, что от него должна была начинаться всякая действительная работа по составлению плана войны.

Замечательное подтверждение правильности этих взглядов заключалось в том, что Жомини достиг почти подобной же точки зрения независимо от Клаузевица и совершенно другим путем. Его метод был строго конкретным, основанным на сравнении фактов, но он привел Жомини так же верно, как и абстрактный метод его соперника, к заключению, что существуют два различных класса об'ектов войны. «Имеется два различных рода, — говорит он. — Один, который может быть назван территориальным или географическим... другой — наоборот, состоит исключительно в уничтожении или дезорганизации военных сил неприятеля без того, чтобы вы сами были связаны с каким бы то ни было географическим пунктом». То, что Клаузевиц назвал «ограниченные войны», Жомини включает в свою первую, главную, категорию — «наступательные войны для утверждения прав». Приводя как пример войну Фридриха Великого для покорения Силезии, он говорит: «В такой войне... наступательные операции должны соответствовать преследуемым целям. Первым действием должно быть естественно занятие областей, которые имеются в виду» (но, подчеркиваем, — не направление своего удара на главные силы неприятеля). «Впоследствии, — продолжает он, — вы можете повести наступление сообразно с обстоятельствами и с вашей относительной силой для получения желаемых уступок, угрожая неприятелю в самих его владениях». Здесь мы имеем полностью всю доктрину Клаузевица об «ограниченной войне»; во-первых мы имеем первичную или территориальную стадию, в течение которой вы пытаетесь занять географический об'ект, и вторичную, или принудительную, когда, производя на неприятеля общее давление, вы стремитесь заставить его принять невыгодное положение, которое вы ему навязываете.

Такой способ ведения войны очевидно коренным образом отличается от обычно применявшегося Наполеоном и тем не менее мы

видим, что способ предлагается двумя проповедниками наполеоновского метода. Об'яснением этого может конечно служить то обстоятельство, что оба они, и Клаузевиц и Жомини, видели слишком много сами, чтобы не знать, что методы Наполеона приложимы только тогда, когда вы можете располагать действительным физическим и моральным превосходством, и оба они были твердыми сторонниками пользования крайними средствами в духе наполеоновского метода в случае обладания таким превосходством. Они рекомендовали низшую форму войны не как нечто лучшее, чем высший путь, но будучи испытанными ветеранами штабной службы, а не только теоретиками, они знали хорошо, что воюющий должен будет иногда признать высшие пути — находящимися вне пределов его сил или выше пределов того усилия, на которое способна воля нации для достижения целей, которые имеются в виду; и как практики они занялись изучением возможностей применения низших форм на случай, если тяжелые обстоятельства принудят пользоваться ими. Они нашли, что эти возможности при определенных обстоятельствах достаточно велики. Как пример такого случая, когда низшая форма была более подходящею, Жомини приводит кампанию Наполеона против России в 1812 г. По его мнению было бы лучше, если бы Наполеон удовлетворился сначала низшей формой — ограниченным территориальным об'ектом; неудачу же Наполеона он приписывает применению метода, хотя и хорошо подходившего для его войн в Германии, но непригодного для достижения успеха в условиях войны в России.

Зная, насколько высокого мнения был Наполеон о Жомини, как о мастере военного знания, странно видеть, как взглядом последнего о двух характерах войн пренебрегают ныне. Это кажется еще более странным в отношении Клаузевица, ибо мы знаем, что в расцвете своих сил он пришел к тому взгляду, что эта классификация является ключом к сущности всего дела. Об'яснением может служить то, что различие не очень ясно формулировано им в его семи первых книгах, которые он оставил в сколько-нибудь законченном виде; только начиная писать восьмую книгу, «О планах войны», он увидел существенную важность различия, около которого он давно блуждал в поисках. В этой последней книге различие изложено ясно, но к несчастью сама книга не была закончена. Однако с рукописью он оставил «Заметку», предостерегающую нас от взгляда на ранее написанные им книги, как на полное представление развитых им идей. Из «Заметки» явствует, что он считал классификацию, к которой он пришел, чрезвычайно важной; он верил, что она устранит все трудности, встретившиеся ему в предыдущих книгах, — трудности, которые, как он увидел, возникли от исключительной переоценки наполеоновского метода ведения войн. «Я смотрю на первые шесть книг, — писал он в 1827 г. [1], — как только на массу материала, который все еще находится в несколько бесформенном виде и который еще должен быть вновь пересмотрен. При этом пересмотре два рода войн будут различаться более отчетливо на всем протяжении изложения, и поэтому все идеи выиграют в ясности, определенности, а также и в точности их применения». Оче-

[1] „Nachricht“, 20. VII. 1827 г.—Прим. ред.

видно он перестал удовлетворяться теорией «абсолютной войны», с которой начал. Его новое открытие убедило его, что эта теория не может служить мерилом для характера всех войн. «Будем ли мы, — спрашивает он в своей последней книге, — будем ли мы удовлетворены этой идеей и будем ли при помощи ее оценивать все войны, как бы сильно они ни разнились между собой?»[1]. Он отвечает на свой вопрос отрицательно: «Вы не можете вывести характера всех войн из войн наполеоновского типа. Имейте этот тип войн и их абсолютный метод в виду, чтобы использовать его, когда вы можете или когда вы должны, но одинаково имейте в виду и то, что существует два основных характера войн».

В «Заметке», написанной в то время, когда ему впервые на ум пришло это различие, он определяет эти два характера войн следующим образом: «Во-первых, это те (войны, — Ред.), в которых целью является сокрушение неприятеля, стремимся ли мы к его политическому уничтожению или только к разоружению его и принуждению заключить мир на наших условиях; и во-вторых — те, в которых наша цель — только совершить некоторые захваты территории у границ его страны, — либо для постоянного удержания их за собою, либо для того, чтобы использовать их в качестве предмета обмена при постановке условий мира»[2].

В восьмой книге своего труда он намеревался, если бы он дожил, разработать окончательно ту глубокую идею, которую он создал. Об этой книге он говорит так: «Главной задачей будет обработать основательным образом оба изложенные выше взгляда, благодаря которым все упростится и которые вместе с тем вдохнут во все новое дыхание жизни. Я надеюсь этой книгой разгладить многие складки в умах стратегов и политиков и указать цель для действия и самый главный момент, которые должны учитываться в вопросе о войне»[3].

Эта надежда не осуществилась, и вот может быть почему его проникновенным анализом так пренебрегали. Восьмая книга в том виде, в каком мы ее имеем, — только набросок. Весною 1830 г. в тревожный момент, когда казалось, что от Пруссии потребуется все лучшее для нового единоборства с Францией, он был назначен в действующую армию. То, что он оставил в своем труде «О планах войны», он определяет как «просеки, грубо прочищенные через чащу с целью разрешения вопросов величайшего значения». Намерение его было, как он сам говорит, «провести эти идеи через все первые шесть книг» и увенчать свой труд разработкой и утверждением его двух великих положений, а именно, что война есть форма политики и, что будучи таковой она может быть «ограниченной» или «неограниченной». О степени проведения им своей новой идеи через все произведение каждый может свободно судить сам, но следующий неоспоримый факт остается фактом: зимою, в связи с угрожавшей позицией Франции в отношении Бельгии, он разработал план войны, и план был основан не на наполеоновском

---

1 „О войне“, книга VIII, гл. II.

2 „О войне“, книга VIII, стр. VIII.

3 Приведенная Корбеттом без ссылки на труд цитата совпадает с текстом Nachricht (пояснение) от 20 июля 1827 г.—Прим. ред.

методе выбора вооруженных сил неприятеля в качестве главного стратегического об'екта, но на захвате ограниченного территориального об'екта и принуждении французов к неблагоприятному контрнаступлению. Революционное движение, охватившее всю Европу, разбило на части Священный союз. Пруссия не только осталась в одиночестве против Франции, но революция подкапывалась и под нее. Принимать высшую форму войны и искать уничтожения вооруженной силы противника было свыше ее сил. Но она все же могла использовать низшую форму и захватом Бельгии принудить Францию к решению такой истощающей задачи, что успех войны оказывался вполне в пределах ее сил. Совершенно так же мы старались начать Семилетнюю войну и точно так же японцы успешно провели свою войну с Россией; и что еще более поразительно, это то, что в 1859 г. Мольтке при подобной же обстановке составил свой первый план войны против Франции в точно таких же основных чертах. Его замысел в это время был подобен тому, по которому, как считал Жомини, должен был действовать Наполеон в 1812 г. Он состоял не в нанесении прямого удара против Парижа или против французской главной армии, а в занятии Эльзас-Лотарингии и в удержании этой территории пока изменившиеся обстоятельства не дадут необходимого преобладания для перехода к высшей форме войны или к вынуждению благоприятного мира.

Итак в заключение мы должны отметить, что зрелым плодом наполеоновского периода явилась теория войны, основанная не на единой идее абсолютной войны, а на различении «ограниченной» и «неограниченной» войн. Какое бы практическое значение мы не придали этому различию, оно целиком должно быть приписано ясному и решительному провозглашению его Клаузевицем и Жомини. Практическая важность — другой вопрос. С успехом можно спорить, что в сухопутной войне, несмотря на доказательства, приводимые обоими классическими авторами, значение этого различия не слишком велико по причинам, которые вскоре будут понятны. Но надо помнить, что сухопутные войны не являются единственною формою войн, которыми решаются великие международные споры. Находясь у заключительного пункта, которого достигли Клаузевиц и Жомини, мы на деле только подошли к преддверию самого существа вопроса. Мы должны начать с того, чем они кончили, и исследовать, что дают их идеи в современных условиях мировых держав (Imperial States), где море стало важным и жизненным фактором.

— —

Глава четвертая.

Ограниченная война и великие морские державы; развитие теории Клаузевица и Жомини об ограниченном территориальном объекте и ее применение в современных условиях мировых держав.

Приведенные выше германские планы войны, основанные на оккупации Бельгии и Эльзас-Лотарингии, а также замечания Жомини о злополучной русской кампании Наполеона служат хорошим указанием на то, чего достигли континентальные стратеги на пути, впервые ясно указанном Клаузевицем. Мы должны теперь разобрать применение его теории к условиям современных великих держав и больше всего там, где морской элемент властно заявляет о себе. Мы увидим тогда, каким малым был путь, пройденный в области континентальной стратегии, по сравнению с громадным значением этой теории для морского и в особенности островного государства.

Ясно, что сам Клаузевиц никогда не понимал полного значения своей блестящей теории. Его точка зрения была все еще чисто континентальной, а ограниченность континентальной войны вела к затемнению полного значения принципа, им созданного. Если бы он продолжал жить, то он без сомнения довел бы его до логического завершения, но его смерть обрекла теорию ограниченной войны на пребывание в том зачаточном состоянии, в котором он ее оставил.

Мы видим, что во всей своей работе — и это довольно естественно — Клаузевиц имел в виду войну между двумя соседними или по крайней мере соприкасающимися континентальными государствами; даже минутное размышление покажет, что в этом типе войн принцип ограниченного объекта может редко проявиться с полной определенностью, если он вообще может проявиться в этом случае. Клаузевиц понимал это сам совершенно ясно. Беря случай, где «сокрушение противника», т. е. неограниченная война, вне наших сил, он указывает, что мы не должны непременно действовать вследствие этого оборонительно. Наши действия все еще могут быть позитивными и наступательными, но объектом не может быть что-нибудь иное, чем «завоевание части неприятельской территории». Подобное завоевание, как он знал, может так сильно ослабить положение противника и усилить наше собственное, что сделает нас способными добиться удовлетворительных условий мира. Путь истории поистине усеян подобными примерами. Но Клаузевиц считает необходимым отметить, что такая форма войны может вызвать самые серьезные возражения. Раз мы заняли территорию, которую имели в виду, наши наступательные действия как правило останавливаются. Возникает необходимость перейти в оборонительное положение, а такая остановка наступления, как ранее он показал, ведет за

была по самой своей сущности нехороша, хотя бы только в отношении морального состояния. В дополнение к этому может оказаться, что в вашем продвижении для занятия территориального об'екта вы настолько безвозвратно отделите свои наступающие силы от сил отечественной обороны, что не сможете дать отпора неприятелю, если он окажется в состоянии вам ответить, действуя неограниченно и направляя удар вам в сердце. Примером такого положения была аустерлицкая кампания, где целью Австрии было отторжение Северной Италии от империи Наполеона. Она отправила свою главную армию под командой эрцгерцога Карла овладеть намеченной областью. Наполеон немедленно направил удар против Вены, разбил местную оборонительную армию австрийцев и овладел столицею ранее, чем эрцгерцог Карл смог повернуть, чтобы преградить ему путь.

Суть дела состоит в том, что, так как всякое стратегическое наступление оставляет ваши собственные владения неприкрытыми, всегда требуется предусмотреть в большей или в меньшей степени их оборону. Очевидно поэтому, что если мы имеем в качестве цели ограниченный территориальный об'ект, то размер сил, требуемых для обороны, будет много больше, чем если бы мы целиком направили наше наступление на главные силы неприятеля. При неограниченной войне наше наступление уже само по себе является обороною всего и повсюду, вынудив неприятеля сосредоточить свои силы против нашей атаки. Поэтому решение, является ли ограниченная форма войны подходящей или нет, зависит, как указывает Клаузевиц, от географического положения об'екта.

До этих пор британский опыт подкрепляет его утверждения, но он продолжает дальше и говорит, что, чем более близким продолжением нашей страны является территория, о которой идет речь, тем безопаснее эта форма войны, ибо тем надежнее наступление прикроет тогда нашу собственную страну. В качестве примера он приводит начало Фридрихом Великим Семилетней войны занятием Саксонии — действием, которое существенно укрепило оборону Пруссии.

Он ничего не говорит об открытии военных действий Великобританией в Канаде. Его мысли были слишком направлены на исключительно континентальные условия, чтобы он использовал представлявшуюся ему возможность испытать свою доктрину на замечательном примере, где территориальный об'ект был расположен далеко от отечественной территории и никоим образом не прикрывал последней. Если бы он это попробовал, он увидел бы, насколько пример с Канадой служит лучше примера с Саксонией для подтверждения его ограниченной войны. Больше того, он увидел бы, что те трудности, которые вопреки его вере в свое открытие сопровождали попытки приложения его теории, вырастали просто в результате того, что примеры, выбиравшиеся им, в действительности вовсе не были примерами.

Когда он пришел к этой мысли, единственный вид ограниченного об'екта, который он имел в виду, был, выражаясь его собственными словами, «некоторые завоевания у границ неприятельской страны», как Силезия и Саксония — для Фридриха Великого, Бельгия — в разработанном им самим плане войны, Эльзас-Лотарингия

в плане Мольтке. Очевидно, что эти об'екты были на самом деле не вполне ограниченными по двум причинам: во-первых подобные территории составляют обычно органическую часть страны вашего неприятеля или, в другом случае, настолько для него важны, что он будет готов развить неограниченное напряжение своих сил, чтобы их удержать; во-вторых не будет никакого стратегического препятствия, которое помешало бы ему использовать всю силу для этой цели. Для того чтобы полностью удовлетворить понятию ограниченного об'екта, необходимо одно из двух условий: либо он должен быть не только ограничен по размерам, но и иметь действительно ограниченную политическую важность; либо он должен быть так расположен, чтобы было возможно его стратегически изолировать или чтобы было возможно привести его к практической изоляции путем стратегических операций. Пока одно из этих условий не удовлетворено, каждый из воюющих, как видел и сам Клаузевиц, может перейти к неограниченной войне, если он этого пожелает, и, игнорируя территориальный об'ект, нанести удар в самое сердце своего противника и заставить его отказаться от своего намерения.

Итак, если мы рассматриваем только войну между соседними континентальными государствами, целью которой является завоевание территории на любой из их границ, мы не получим действительного органического различия между войной ограниченной и неограниченной. Различие между ними будет во всяком случае слишком неясно или неустойчиво, чтобы сделать сколько-нибудь основательной эту классификацию. Здесь разница скорее в степени (degree) чем в качестве (kind). Если же мы в отличие от этого обратимся к войнам между мировыми морскими державами, различие сразу становится органическим. Владения, лежащие за морями или на окраинах обширных, пустынных, мало исследованных пространств, относятся целиком к совершенно иной категории ограниченных об'ектов по сравнению с теми, которые рассматривал Клаузевиц. История показывает, что они никогда не могут иметь такой политической важности, как об'екты, которые являются органической частью европейской государственной системы, и показывает далее, что они могут быть посредством действий флота изолированы достаточно, чтобы удовлетворить условиям истинной ограниченной войны.

Жомини приближается к этому мнению, но не формулирует его достаточно ясно. В главе «О великих вторжениях и отдаленных экспедициях» он указывает, как опасно брать условия ведения войны между соседними государствами и применять их грубо к случаям, когда воюющие разделены между собою большими пространствами суши или моря. Он блуждает около морского фактора, чувствуя, насколько сильно он изменяет обстановку войны, но не приходит к уяснению сущности этого изменения. Его концепция о взаимодействии флота и армий никогда не идет дальше их сущности совместных действий на отдельных театрах. Он имеет в виду помощь, которую британский флот оказывал Веллингтону на Пиренейском полуострове, и мечты Наполеона о покорении Азии, провозглашая невозможными в настоящее время подобные далекие вторжения за исключением может быть случаев обладания могущественным фло-

том, который обеспечил бы наличие выдвинутых опорных пунктов для развития вторжения армии. Об имеющих первостепенное значение изолирующих и превентивных функциях флота он даже и не упоминает.

Даже тогда, когда он рассматривает заморские экспедиции, чему он уделяет некоторое время, он не подходит ближе к уяснению сущности этого вопроса. Действительно знаменательно, как вполне континентальная военная мысль оказалась настолько не в состоянии проникнуть в сущность предмета, что, посвящая перечню принципов проведения заморских экспедиций более 30 страниц, Жомини, как и Клаузевиц, не находит нужным упомянуть о завоевании Канады, в то время как это является блестящим примером того, когда слабое в сухопутном отношении государство, пользуясь ограниченной формой войны, сумело навязать свою волю более сильному и достигло этого потому, что имело возможность военными действиями на море обеспечить оборону своей страны и изолировать территориальный об'ект.

Итак для выяснения нашего представления об истинных ограниченных об'ектах мы должны оставить континентальные театры и обратиться к смешанным или морским войнам. Мы должны рассмотреть такие примеры, как Канада, Гавана в Семилетней войне, и Куба в испанско-американской, — случаи, где была возможна полная изоляция об'екта посредством действий флота, или к таким примерам, как Крым и Корея, где достаточная изоляция была достижима посредством действий флота на море вследствие большой длины и трудности сухопутных коммуникаций противника и особого стратегического положения территории, судьба которой решалась.

Эти примеры послужат также для того, чтобы иллюстрировать и подтвердить вторую особенность этого рода войн. Как уже было сказано, чтобы сделать об'ект действительно ограниченным, мы должны иметь не только силу для осуществления изоляции, но также и силу для обеспечения обороны собственной страны путем преграды для неограниченного контрудара. Во всех вышеприведенных примерах это условие существовало: воюющие не имели соприкасающихся границ, а это обстоятельство является весьма существенным, ибо очевидно, что если двое воюющих имеют общую границу, то сильнейшему из них всегда открыта возможность, как бы ни был удален или доступен для изоляции ограниченный об'ект, перейти к неограниченному роду войны путем вторжения. Это возможно даже тогда, когда воюющие разделены территорией нейтральной страны, так как нейтралитет слабого нейтрального государства будет нарушен, если об'ект будет достаточно важен, или, — если нейтральное государство слишком сильно для применения такого насилия, то все же останется возможность заключить с ним союз.

Таким образом мы приходим к окончательному положению, что ограниченная война возможна всегда — только между островными государствами или между такими, которые отделены друг от друга, и тогда только, когда государство, желающее вести ограниченную войну, в состоянии господствовать на море в такой степени, чтобы не только иметь возможность изолировать отдаленный об'ект, но также сделать невозможным вторжение в свою собственную страну.

Итак здесь мы достигаем понимания действительного смысла и значения того, что мы называем «господством на море» (command of the sea); здесь мы соприкасаемся с секретом успехов Англии против держав, имевших значительное преимущество в размере военно-сухопутной силы. Вполне естественно поэтому, что англичанину первому удалось постичь эту тайну. И это было именно так, хотя истинное значение знаменитого афоризма Бэкона стало ясно только в свете доктрины Клаузевица. «Совершенно определенно, — сказал этот великий современник Елизаветы на основании опыта первой имперской войны, — что тот, кто господствует на море, располагает большой свободой и может взять от войны много или мало по желанию, тогда как сильнейшие на суше беспомощны в больших прочиих». Было бы трудно более сильно выразить окончательный смысл доктрины Клаузевица. Здесь ясно указана ее основная истина, что ограниченные войны не обращены против вооруженных сил воюющих, но против той части этих сил, которую неприятель сможет или захочет выставить на решающем направлении.

Очень жаль, что жизнь Клаузевица не была такова, чтобы он мог видеть глазами Бэкона и разработать до степени полной ясности свою доктрину. Его стремлением было создать такую теорию, которая об'яснила бы все войны. Он верил, что сделал так, но однако ясно, что он сам никогда не знал, ни как полон был его успех, ни как велика была та область, которую он охватил. Повидимому он и не сознавал, что им найдено об'яснение одной из самых замечательных проблем истории — проблемы расширения (expansion) Англии по крайней мере в той части, в которой оно было обязано успешным войнам. Что маленькая страна со слабою армией смогла овладеть самыми заманчивыми районами земного шара и овладеть ими за счет величайших военно-сухопутных держав, является парадоксом, с которым эти последние государства с трудом примиряются. Такое явление кажется им всегда вопросом удачи, — случайностью, не имеющей какого бы то ни было основания в области неизменной сущности войны. Клаузевицу выпало на долю, неведомо для него самого, открыть об'яснение этого, и он указал нам, что суть его — в показании силы, присущей ограниченной войне, когда условия и средства благоприятствуют ее применению.

Таким образом мы находим, что если посмотреть шире, чем это сделал Клаузевиц, и подвергнуть его последние идеи испытанию на современных условиях великих держав, то они приобретут более глубокий смысл и более прочное обоснование. Примените их к войнам морских держав (maritime warfare), и тогда станет ясным, что указанное им различие между ограниченными и неограниченными войнами покоится не только на моральном факторе. Война может быть ограниченной не только потому, что важность об'екта слишком ограничена, чтобы потребовать напряжения всей мощи страны, но еще и потому, что море может быть превращено в непреодолимое физическое препятствие для использования всей силы нации. Это означает, что война может быть ограничена физически путем стратегической изоляции об'екта, так же как она может быть ограничена в моральном смысле — сравнительно ограниченным значением этого об'екта.

Глава пятая.

Вмешательство в войны. Ограниченное вмешательство[1] в неограниченной войне.

Прежде чем оставить общее рассмотрение ограниченной войны, мы должны разобрать еще одну из ее форм, о которой пока не упоминали. Клаузевиц дал ей предварительное название «войны, ограниченной контингентом» («War limited by contingent»), и не мог найти ей места в своей системе. Она представлялась ему существенно отличающейся от войны, ограниченной своим политическим об'ектом, или, как сказал Жомини, от войны с территориальным об'ектом. Однако она должна быть принята во внимание и разобрана хотя бы в силу той роли, которую она играла в истории Европы. Нас она вынуждает к наиболее тщательному ее исследованию не только потому, что она сбила с толку великого германского стратега при согласовании ее с его теорией войны, но также и потому, что это та форма, в которой Великобритания наиболее успешно демонстрировала потенциальную силу прямого вмешательства на континенте малой армии, действующей в соединении с преобладающим флотом.

Совместные операции, явившиеся нормальным выражением британского метода ведения войны на ограниченном базисе, были двух главных родов. Во-первых, предназначенные исключительно для завоевания об'ектов, ради которых мы вступали в войну и которые были обыкновенно колониальными или отдаленными заморскими территориями, и во-вторых — операции в большей или меньшей мере на морском побережьи Европы, предназначенные не для окончательного завоевания, но в качестве способа нарушения планов нашего противника и подкрепления как сил наших союзников, так и нашей собственной позиции. Подобные операции могли принимать форму незначительных прибрежных диверсий или подниматься, проходя постепенно все степени важности, до такой формы, когда они, как при операциях Веллингтона на Пиренейском полуострове, теряли свое отличие от регулярной войны на континенте. Поэтому казалось бы, что эти операции различались не столько по характеру об'екта, сколько по тому, что мы предназначали для них не все наши военные силы, а только определенную их часть, которая носила название «сил, предоставленных в распоряжение союзников» («disposal force»). Вследствие этого возникает необходимость в некотором особом классе войн, и потому естественно они должны

---

[1] Wars of intervention, limited interference.—Примечание переводчика.

быть отнесены к категории, которую Клаузевиц назвал «война, ограниченная контингентом» («War limited by contingent»).

Это были войны характера хорошо известного на континенте в другой форме. В течение XVIII века было много случаев ведения войн, действительно ограниченных контингентом, когда страна, не будучи жизненно заинтересована в об'екте войны, вела войну, снабжая главного воюющего вспомогательной силой условленной между ними мощности.

Клаузевиц предполагал разобрать в шестой главе своей последней книги эту аномальную форму военных действий. Из-за его преждевременной смерти нам остался не более как набросок, в котором он признается, что такие случаи ставят в затруднительное положение его теорию. Если бы, добавляет он, вспомогательная сила была отдана целиком в распоряжение главного воюющего, проблема была бы достаточно проста. Тогда это было бы на деле тем же самым, что неограниченная война посредством предоставленной силы (subsidised force). Но в действительности, как он замечает, это случалось редко, ибо контингент всегда находился под большим или меньшим контролем правительства, его снарядившего, в соответствии с специальными политическими целями, которые оно имело в виду. В последующем он пришел к тому единственному заключению, что это была форма войны, которая должна быть принята во внимание, и что это была форма ограниченной войны (limited war), которая казалась существенно отличающейся от войны, ограниченной по характеру об'екта (war limited by object). Таким образом фактически получалось впечатление, что должно быть два рода ограниченных войн (limited war).

Но если мы последуем его историческому методу и исследуем случаи, в которых войны этого характера были успешны, и те, в которых они были неудачны, мы увидим, что если успех считать признаком ее закономерного применения, практически различие между двумя родами ограниченной войны имеет тенденцию исчезнуть. Показателем является то, что когда основные факторы, оправдывающие применение войны, ограниченной по цели, существуют при войне, ограниченной контингентом, тогда эта последняя форма войны имеет успех, но не иначе. Мы таким образом пришли к положению, что особенность войны, «ограниченной контингентом», вовсе не лежит в природе войны, а находится за пределами рассматриваемой теории, что на деле она относится не к форме войны, а к методу, который одинаково применим как в ограниченной, так и в неограниченной войне. Другими словами, война, ограниченная контингентом, если признать ее вообще закономерной формой войны, должна вполне явственно принимать либо тот, либо другой вид: или контингент должен действовать как органическая единица вооруженной силы, ведущей неограниченную войну, без каких бы то ни было оговорок, или ему должен быть предназначен определенный территориальный об'ект, и тогда контингент должен получить независимую организацию и самостоятельную ограниченную функцию.

Наш собственный опыт указывает, что война при посредстве контингента или война посредством «сил, предоставленных в распоряжение союзников» достигает наибольшего успеха, когда она наи-

более близко подходит к настоящей ограниченной войне, то-есть, когда — как в кампании на Пиренейском полуострове или в Крыму — ее целью является завоевать у неприятеля или защитить от неприятеля определенную часть территории, которая в большей или меньшей степени может быть изолирована действиями флота. Ее оперативное значение на деле находится в прямой зависимости от того, до какой степени тесно могут быть увязаны действия армии и флота, чтобы дать контингенту вескость и подвижность, превышающие его действительную силу.

Итак, если мы намерены рассеять затруднения, связанные с войной, ограниченной контингентом, представляется необходимым сделать различие между ее континентальной и британской формой. Континентальная форма, как мы видели, отличается в концепции лишь немногим от неограниченной войны. Контингент снаряжается с тем — по крайней мере очевидно с такой мыслью — что он должен быть использован главным воюющим в качестве помощи ему в сокрушении общего противника и что об'ектом его действий будут вооруженные силы противника или столица последнего; или может быть, что контингент должен быть использован как армия «наблюдения» (army of observation) для предупреждения контрудара, с целью облегчения и обеспечения главного наступательного маневра основного воюющего. В обоих случаях, как бы ни была мала наша помощь силам союзника, мы пользуемся неограниченной формой и имеем в виду неограниченный, а не просто территориальный об'ект.

Если мы теперь обратимся к британскому опыту войн, ограниченных контингентом, мы увидим, что часто была использована ее континентальная форма, но мы также найдем, что она почти неизменно сопровождалась народным отвращением к ней, как будто в ней было что-то противное национальному инстинкту. Типичным примером является посылка помощи Фридриху Великому во время Семилетней войны. С начала войны настолько велико было отвращение к ней народа, что оказалось невозможным осуществить отправку войск, и только, когда своим блестящим сопротивлением католическим державам Фридрих Великий окружил себя ореолом протестантского героя, Питт смог сделать то, чего хотел. Старый религиозный огонь был раздут. Наиболее сильный из национальных инстинктов зажег в народе воодушевление, которое пересилило врожденную антипатию к операциям на континенте, и тогда стало возможным послать на помощь Фридриху порядочный по размерам контингент. В результате посланная помощь вполне достигла своего назначения, но надо заметить, что даже в этом случае операции были ограничены не только контингентом, но и по цели. Верно, что Фридрих вел неограниченную войну, в которой на карте стояло дальнейшее существование Пруссии, и что британская вооруженная сила была органическим элементом в его плане войны, но тем не менее, этот отряд составил часть вспомогательной британской армии, находившейся под командою герцога Брауншвейгского, который, хотя и был назначен Фридрихом, однако являлся британским главнокомандующим. Его армия в отношении своей организации была совершенно отдельной от армии Фридриха и ей была назначена очень определенная и ограниченная задача — предотвратить занятие Ганновера французами и обход ими таким путем прус-

кого правого фланга. Наконец необходимо заметить, что возможность для нее выполнить это задание была обязана тому обстоятельству, что предназначенный ей район операций был таков, что ни при какой вероятной обстановке она не могла потерять сообщения с морем, и неприятель не мог отрезать ей пути снабжения и отступления.

Эти особенности указанной кампании должны быть отмечены. Они отличают ее от нашего более раннего пользования войной, ограниченной контингентом в ее континентальной форме, типичным образцом которой являлась кампания Мальборо (Marlborough). Они устанавливают ту особую форму, которую Мальборо избрал бы, если бы это позволили политические обстоятельства, и которая со времени Питта стала характерной для британских военных предприятий. В методе нашего величайшего из военных министров мы имеем не только ограничение контингентом, но также ограничение определенной и самостоятельной функцией и наконец мы имеем непосредственное соприкосновение с морем. Это есть действительно существенный фактор и от него, как теперь будет видно, зависит сила этого метода.

В первые периоды Великой войны мы применяли ту же форму в наших операциях в северо-западной Европе. Там мы также имели ограниченную задачу обеспечения Голландии и поддерживали соприкосновение с морем, но театр наших операций не был самостоятелен. Тесные совместные действия с другими силами также имели место и в каждом случае результатом их была неудача. Позднее в Сицилии, где абсолютная изоляция была возможна, сила метода дала нам возможность достигнуть длительного результата весьма малыми средствами. Но этот результат имел чисто оборонительное значение. Только с развитием войны на Пиренейском полуострове мы нашли театр для войны, ограниченной контингентом, причем налицо были все условия необходимые для успеха. Но даже там, пока наша армия рассматривалась как вспомогательный контингент испанской армии, обычные неудачи продолжались. Только в Португалии, защита которой была настоящим ограниченным объектом и где мы имели окруженный морем театр независимый от театров прочих союзников, успех был достигнут с самого начала. Так силен был метод здесь и так истощающи были действия, вызывавшиеся им со стороны неприятеля, что местное соотношение сил окончательно переменилось, и мы получили возможность перейти в энергичное наступление.

Действительный секрет успеха Веллингтона помимо его личного гения заключается в том, что в превосходных условиях он применил ограниченную форму в неограниченной войне. Наша цель была неограничена: это было ни больше ни меньше, как свержение Наполеона. Полный успех на море не смог сделать этого, но этот успех дал нам возможность применить ограниченную форму, которая была самой решительной формой наступления в пределах наших средств. Ее первенствующая роль в окончательном достижении цели получила ныне всеобщее признание.

Общий вывод из этого рассмотрения тот, что война при посредстве контингента в континентальной своей форме редко или никогда не отличается по характеру от войны неограниченной, ибо

условия, необходимые для ограниченной войны, редко или почти никогда при этом не имеют места. Но то, что может быть названо британской, или морской (maritime) формой, есть на деле применение «ограниченного» метода к неограниченной форме, подчиненное более обширным операциям наших союзников, — метода, который обыкновенно был доступен нам, так как контроль над морем (control of the sea) давал нам возможность выбрать театр, действительно вполне ограниченный [1].

Но что, если условия борьбы, в которую мы хотим вмешаться, таковы, что действительно ограниченного театра не окажется? В таком случае нам предстоит выбрать между предоставлением нашего контингента вполне в распоряжение нашего союзника и ограничением своего участия прибрежными диверсиями, как мы это делали по просьбе Фридриха Великого в начальных кампаниях Семилетней войны. Такие операции могут редко удовлетворить обе стороны. Слабые позитивные результаты наших попыток проведения вмешательства таким способом сделали действительно больше, чем что-либо другое, в смысле дискредитирования этой формы войны, и ее заклеймили как недостойную первоклассной державы.

Но тем не менее остается фактом, что все великие континентальные мастера войны опасались или ценили британское вмешательство этого рода даже при наиболее неблагоприятных условиях. Это было потому, что они ожидали его воздействия больше в качестве угрозы, чем в смысле проведения действий на деле. Они не рассчитывали на позитивные результаты. До тех пор пока вмешательство принимало смешанную форму (amphibious form) [2], они знали, что его воздействие на положение в Европе совершенно непропорционально занятым в нем силам или позитивному результату, который они одни могли бы дать. Его оперативное влияние состояло в том, что оно угрожало позитивным результатам, [illegible] энергичного противодействия. Короче говоря, его результаты были негативные. Его значение заключалось в способности сковывать силы, большие чем его собственные. Это все, что можно сказать в его защиту, но это может быть все, что требуется. Это не есть наиболее энергичный метод вмешательства, но он покажет себя самым энергичным для государства, само которое не в состоянии применить высших методов. Фридрих Великий был первым великим полководцем, признавшим это, а Наполеон — последним. В течение многих лет он закрывал на этот метод глаза, смеялся над ним, относился к нему с пренебрежением, которое делалось все острее и острее. Экспедицию Крейга в 1805 г. он назвал «сантиментской комбинацией», пока приготовление второй подобной смешанной экспедиции для совершенно другого назначения не заставило его рассматривать первую как передовое охранение маневра кото-

---

[1] Взгляды Веллингтона на этот существенный фактор были выражены им контр-адмиралу Маркхэму (Markham), отправленному Адмиралтейством в Испанию для переговоров с Веллингтоном в сентябре 1813 г. „Если кто-нибудь“, — сказал он, — „пожелает узнать историю этой войны, я скажу им, что это наше морское превосходство дает мне возможность содержать свою армию, в то время как неприятель этого сделать не может“ (письма Т. Бьем Мартин; Sir T. Byam Martin, Navy Record Society, II, стр. 499).

[2] Сухопутно-морскую. — Примечание переводчика

рого он не мог игнорировать, и он пожертвовал своим флотом в бессильной попытке действовать против нее.

Однако только четыре года спустя он вынужден был открыто признать этот принцип. Тогда — довольно странно — его убедила экспедиция, считающаяся нами наиболее достойной порицания изо всех наших смешанных операций на континенте. На экспедицию против Вальхерена теперь обычно смотрят, как на типичный пример бестолкового военного руководства. Историки не находят достаточно плохих слов для ее характеристики. Они упускают из виду, что это была ступень, последняя и самая трудная в нашей после-трафаль-гарской политике использования армии для достижения более полного господства на море против флота, упорно действовавшего только оборонительно. Она началась с Копенгагена в 1807 г. Она потерпела неудачу в Дарданеллах потому, что армия и флот были разделены; у Лиссабона и Кадикса она имела успех только как демонстрация. Экспедиция против Вальхерена, долго готовившаяся, была отправлена в последний момент как наиболее угрожавшая и наименее спешная. Наполеон следил за подготовкой с того времени, как только стало известно о ней, но, так много времени прошло, а удара не последовало, то опасность стала обращать на себя все меньше и меньше внимания. Наконец настало время, когда он был серьезно связан в Австрии и был принужден вызвать свои главные силы для борьбы с эрцгерцогом Карлом. Риск все еще был велик, но британское правительство смотрело на него смело и с открытыми глазами. Надо было решать — теперь или никогда. Правительство было занято развитием крайней военной активности на Пиренейском полуострове, и пока могущественный и все усиливавшийся флот оставался в Северном море, он непрерывно оказывал бы все увеличивавшуюся помеху этому развертыванию. Ожидавшийся успех был в глазах правительства неизмеримо выше вероятных потерь в случае неудачи. И когда Наполеон менее всего этого ожидал, оно решило действовать и захватило его врасплох. Оборона Антверпена была оставлена им незаконченной. Там не было армии для отражения удара — ничего кроме многоязычных повстанцев без штаба и даже без офицеров. В течение не более недели нами был достигнут успех. Флот Наполеона едва успел ускользнуть за двадцать четыре часа, и поражение было не только полным, но катастрофическим. Однако хотя причины неудачи были случайны и был близок успех, Наполеон, получив сильный удар, ждал быстрого повторения наступления. Он так серьезно смотрел в действительности на свое едва удавшееся спасение, что нашел нужным пересмотреть всю систему обороны своей страны. Он не только счел необходимым израсходовать большие средства на увеличение постоянных укреплений Антверпена и Тулона, но приказал своему начальнику Управления набором (Director of Conscription) разработать план образования постоянной вооруженной силы численностью не менее 300 000 человек национальной гвардии для защиты французских берегов. «С 30 000 человек, посаженными на транспорты в Доунсе[1], — писал император, англичане могут парализовать мою ар-

[1] Downs — часть южного побережья Англии и обширный рейд того же названия. — Прим. ред.

мию в 300 000 человек, и это низведет нас на степень второклассной державы [1]. Сосредоточение Британией своих действий на Пиренейском полуострове сделало совершенно ненужным осуществление этого проекта: наше операционное направление обнаружилось, и угроза прекратилась. Но тем не менее признание Наполеоном самого принципа осталось высказанным не в одной из его речей, имевших в виду какую-либо последующую цель, но в приказе одному из главных его помощников.

Вообще считается, что при современном развитии военной подготовки и транспорта большие континентальные страны могут не бояться подобных угроз. Наполеон игнорировал их в прошлом, но это только подтвердило ту истину, что на войне пренебрежение угрозою слишком часто создает благоприятные случаи. Такие случаи могут иметь место раньше или позже. Как полагали и Лорд Лигонье (Lord Ligonier) и Уолф (Wolfe) вовсе не следует искать неожиданности до начала этих операций. Мы обыкновенно должны были или создавать сами благоприятный случай или выжидать его, слишком часто потому, что бывали или неготовы или недостаточно смелы, чтобы воспользоваться первой представлявшейся возможностью.

Случаи, в которых такое вмешательство оказывалось наиболее действительным, были двух родов. Во-первых — случаи, в которых нарушался неприятельский план войны, при разработке которого не была учтена возможность нашего вмешательства и от которого противник не мог отклониться после начала проведения своих операций. Во-вторых — случаи, когда вмешательство применялось с целью лишения неприятеля плодов его победы. Эта форма находит себе опору в принципе, что неограниченные войны не всегда решаются разгромом армии; обыкновенно после него остается трудное дело покорения народа истощенной армией победителя. Вторжение небольшой свежей силы с моря в подобных случаях может быть достаточным, чтобы изменить положение весов истории, как это было на Пиренейском полуострове и как это могло быть по мнению некоторых высоко авторитетных лиц во Франции в 1871 г.

Такой взгляд покажется почти еретическим, так как он грешит против принципа, осуждающего стратегический резерв, гласящего, что вся наличная сила должна быть развернута в наиважнейший момент борьбы. В настоящее время едва ли нашелся бы кто-нибудь, кто стал бы это оспаривать; эта истина слишком очевидна, когда дело касается столкновения между двумя организованными вооруженными силами; но вследствие отсутствия каких-либо веских доказательств мы вправе сомневаться, чтобы это было одинаково верно и для изнуряющего и деморализующего периода борьбы, наступающего после решительного столкновения армий.

---

[1] Correspondence de Napoléon, XIX, 421, septembre 4.

Глава шестая.

Сильные стороны ограниченной войны.

Отдельные сильные стороны ограниченной войны почти аналогичны тем, которые обыкновенно присущи обороне. Иначе говоря, как правильное пользование обороной позволяет иногда более слабому из воюющих достигнуть своей цели в войне против превосходящего противника, так имеются примеры, когда правильное пользование ограниченною формою войны давало возможность слабому в военном отношении государству достигнуть успеха в борьбе против гораздо более сильного, и эти примеры слишком многочисленны, чтобы можно было считать такие результаты случайностью.

Одной из очевидных сильных сторон ограниченной войны является возможность при благоприятных географических условиях посредством использования нашего флота уменьшить численность вооруженной силы, с которой нашей армии предстоит иметь дело. Действительно, мы можем ввести в действие флот, чтобы изменить неблагоприятное для наших сухопутных сил соотношение. Но кроме этого весьма практического соображения есть еще другое, коренящееся в основных принципах стратегии.

Это — то соображение, что ограниченная война допускает пользование обороной без ее обычных недостатков в такой степени, которая невозможна при неограниченной войне. Эти недостатки главным образом в том, что при обороне инициатива переходит к противнику, и обороняющийся лишается моральной бодрости, присущей наступлению. Но при ограниченной войне, как мы увидим, этого может и не быть; и если же [illegible], мы имеем возможность действовать преимущественно оборонительно, то наша позиция становится чрезвычайно сильной.

Положение [illegible] не допускает сомнения. Ибо, даже если мы и не безоговорочно соглашаемся с доктриной Клаузевица о силе обороны, все же мы можем принять ее по крайней мере в видоизмененном Мольтке виде. Он считал, что наиболее сильная форма войны, т. е. та, которая экономичнее всего приводит к проявлению наибольшей мощи данной вооруженной силы, есть стратегическое наступление, комбинированное с тактической обороной. Это именно и есть те условия, которые в действительности должна создать ограниченная война, если конечно район операций и метод войны избраны правильно. Мы должны помнить при этом, что пользование такой формой войны предполагает наличие для нас возможности либо благодаря большей боевой готовности или подвижности, либо благодаря своему более благоприятному положению занять тер-

риториальный об'ект и укрепиться в нем ранее, чем наш противник будет в состоянии собрать силы и предупредить нас. Сделав это, мы захватываем в свои руки инициативу, и неприятель, не будучи в состоянии, как предполагается, напасть на нашу собственную страну, должен сообразоваться с положенным нами началом, стараясь вытеснить нас: мы оказываемся в таком положении, что можем встретить его атаку среди местности по нашему собственному выбору и приобретаем возможность использовать для контрудара удобные случаи, которые представятся при его направленных издалека и потому истощающих наступательных движениях.

Причем, так как мы сами должны всегда принимать, что территориальный об'ект окружен морем и что наш противник не может господствовать на море, мы можем считать, что благоприятные случаи несомненно представятся, и даже если не будут использованы, во всяком случае возможность контрудара будет очень затруднять неприятелю ведение главного наступления; это достаточно явственно проявилось в нерешительности русских при их наступлении на Ляодунском полуострове, вызывавшейся опасением контрудара со стороны Печилийского залива (карта 2).

Сущность положения, которое устанавливается этим образом действий, состоит в том, что наша большая стратегия — наступательна, т. е. что наше главное движение позитивно (positive) и имеет своей целью оккупацию территориального об'екта; малая же стратегия, которая будет иметь место в последующем, должна быть в общих чертах оборонительной, направленной к тому, чтобы, коль скоро неприятель приступит к вытеснению нас, мы смогли развить в контрударе предельную энергию, которую наши силы и условия позволяют.

Если мы признаем теперь, что при существующих условиях войны на суше невозможно при помощи какого-либо общего правила провести границу между большой и малой стратегией, то все же мы будем рассчитывать для практических целей тождественным принципом, который, как считал Мольтке, указывает наисильнейшую форму войны и состоящим в том, что наша большая стратегия должна быть наступательной, а наша малая стратегия — оборонительной.

Итак, если ограниченная форма войны имеет эту сильную сторону в качестве преимущества по сравнению с неограниченной, то будет правильным применять ее, когда мы недостаточно сильны для пользования этой неограниченной формой и если об'ект ограничен; совершенно так же как применение обороны — правильно тогда, когда наша цель негативна, а мы слишком слабы для наступления.

Это утверждение имеет величайшую важность, ибо является прямым отрицанием современной доктрины, считающей, что на войне может быть только одна законная цель — сокрушение сил сопротивляющегося врага и что основным об'ектом военных действий должны быть всегда его вооруженные силы. Оно ставит большой вопрос: не является ли иногда законным или даже правильным избирать в качестве цели окончательный об'ект войны?

От существующих по этому поводу взглядов составляется преобладающее впечатление, что вопреки мнению Клаузевица и Жомини, этот вопрос допускается только один ответ. Например ф.-д.-Гольц

особенно горячо утверждает, что сокрушение противника всегда должно быть целью современной войны. Он выставляет в качестве первого принципа современного ведения войны то, что непосредственным об'ектом наших действий (objective), против которого должны быть направлены все наши усилия, должна быть главная армия неприятеля. Подобно этому Крафт (Prince Kraft) высказывается, что первым намерением должно быть преодоление неприятельской армии. Все же прочее, как-то: занятие страны противника и т. п. следует только во вторую очередь.

Из этого видно, что он считает процесс занятия неприятельской территории операцией, отличной от сокрушения неприятельской вооруженной силы. Ф.-д.-Гольц идет дальше и протестует против того общего заблуждения, что уничтожение главной армии неприятеля считают синонимом полного достижения цели. Он предусмотрительно указывает, что современная доктрина приложима только в том случае, «когда оба воюющие государства имеют приблизительно один и тот же характер» (nature). Итак, если есть случаи, в которых занятие территории должно быть предпринято как операция, отличная от нанесения поражения вооруженным силам противника, и если в подобных случаях условия таковы, что мы можем занять территорию с тем преимуществом, что не будем наносить предварительного поражения противнику, то было бы только педантизмом настаивать, что мы должны отложить до завтра то, что можем лучше сделать сегодня. Если идет вопрос о занятии всей территории неприятельской страны или ее значительной части, то конечно германский принцип основателен, но однако не все войны имеют такой характер.

Настаивать на доктрине «сокрушения», даже в ее преувеличенном виде, имело смысл в свое время, чтобы предотвратить возвращение к устаревшим и дискредитированным методам. Но это дело уже сделано и сохранение слепой приверженности к этой доктрине без рассмотрения сущности принципов, на которых она зиждется, ведет к превращению искусства войны в простую драку дубинкой.

Во всяком случае Клаузевиц, как заметил генерал фон-Кэмерер (von Caemmerer) [1], был слишком опытным воином, чтобы примкнуть к такому отвлеченному правилу во всей его примитивности. Если бы оно было верно, то более слабое государство никогда бы не смогло вести с успехом войну против более сильного, что однако широко опровергается историческим опытом. Что более высокая форма метода, каковым является наступательный образ действия, есть в то же время наиболее энергичная, — это несомненно, если условия ее применения благоприятны, но Клаузевиц, нужно вспомнить, определенно указывает, что подобные условия предполагают наличие у воюющего, применяющего высшую форму войны, значительного физического или морального превосходства или же большой предприимчивости, т. е. умения рисковать. Жомини не идет даже так далеко, как Клаузевиц. Он конечно отбросил бы «умение рисковать», ибо по его мнению именно оно повело Наполеона к злоупотреблению высшей формой войны к его же собственному

[1] „Development of Strategical Science“.

вреду. На деле история, как и теория, целиком отказывается подтвердить идею единственного решения, и как будто и в самой Германии наступает уже реакция за возвращение к истинному учению Клаузевица. По этому поводу фон-Кэмерер говорит: «В то время как большинство самых выдающихся военных писателей нашего времени поддерживает принцип, что в войне наши усилия должны быть всегда направлены на достижение наибольшего возможного и что осторожное применение низших форм означает бо́льшую или меньшую слабость, я считаю своим долгом заявить, что широта взглядов Клаузевица вызывает во мне высокую степень восхищения». Итак то, что в точности утверждал Клаузевиц, было, что когда условия неблагоприятны для пользования высшей формой войны, тогда захват малой части территории неприятеля может считаться правильным выбором пути к уничтожению его вооруженных сил. Но он определенно рассматривает эту форму войны только как средство. Его чисто континентальный взгляд помешал ему увидеть, что могут быть случаи, в которых об'ект был действительно настолько ограничен по своему характеру, что применение низшей формы войны было одновременно и наиболее действительным и наиболее экономичным. В ведении континентальной войны, как мы видели, едва ли могут встретиться подобные условия, но они настойчиво заявляют о себе в тех случаях, когда морской фактор играет в войне сколько-нибудь значительную роль.

Тенденция британского ведения войны, применяя низшую или более ограниченную форму, проявлялась в Англии настолько же ясно, насколько противоположная тенденция — на континенте. Об'яснение подобной тенденции, как иногда имеют обыкновение, врожденным недостатком боевого духа достаточно опровергается конечными результатами, которые ею были достигнуты. Нет в самом деле никаких оснований пытаться об'яснять это чем-либо другим, кроме мудрого инстинкта, стремящегося к войне такого характера, который наиболее соответствует условиям нашего существования. Этот инстинкт был так силен, что он обыкновенно вел нас к применению низшей формы не только тогда, когда целью войны был точно определенный территориальный об'ект, но и в таких случаях, в которых правильность подобного образа действий была менее очевидной. Как было раз'яснено в предыдущей главе, мы применяли ее — и применяли всегда с успехом — в тех случаях, когда действовали совместно с континентальными союзниками ради неограниченного об'екта, т. е. когда нашей общей целью было сокрушение общего противника.

Выбор между двумя формами целиком зависит от условий в каждом отдельном случае. Мы должны выяснить, представляется ли политический об'ект действительно ограниченным, или он, будучи в абстрактном смысле неограниченным (unlimited in the abstract), может быть сведен к конкретному ограниченному об'екту, и наконец таковы ли стратегические условия, что они сами создают возможность успешного применения ограниченной формы.

Что требуется теперь, это — определить с большей точностью, в чем состоят эти условия, а это лучше всего будет сделано, если мы возьмем конкретную обстановку и рассмотрим типичный случай.

Таким примером, который представляет их в наиболее ясной и простейшей форме, является без сомнения недавняя русско-японская война. Здесь мы имеем особенно яркий пример того, как малое государство навязало свою волю гораздо большему государству без «сокрушения» его, т. е. без уничтожения его силы сопротивляемости. Последнее было всецело свыше сил Японии. Всеобщим взглядом на континенте было, что сокрушение противника является единственно допустимой формой войны, и решение Японии прибегнуть к военным действиям считалось безумием. Только в Англии с ее традициями и инстинктивным пониманием, чего может достигнуть островное государство посредством применения низшей формы войны, считали, что Япония имеет действительные шансы на успех. Этот пример особенно разителен, ибо каждый чувствовал, что истинный об'ект войны абстрактно был неограничен, ибо в действительности состоял в решении вопроса, кто — Россия или Япония — должна стать первенствующей державой на Дальнем Востоке. Эта война подобно франко-германской войне 1870 г. имела полностью характер того, что немцы называют «испытанием сил», единоборством (a trial of strength). Подобная война кроме всего прочего сама по себе кажется такой, которая не может быть решена иначе, как полным сокрушением той или другой стороны. Тут не было осложнений положения союзами или ожиданиями их. Англо-японский договор изолировал борьбу. И если когда-либо исход зависел исключительно от боевых сил воюющих, то кажется это было именно здесь.

После того как военное событие произошло, мы склонны приписать успех моральным качествам и лучшим обучению и боевой готовности победителя. Эти качества на деле сыграли свою роль и не должны быть преуменьшены; но кто станет спорить, что если бы Япония попробовала вести войну с Россией, как Наполеон вел свою, с ней не произошло бы того же, что и с ним? Она не имела такого превосходства, какое Клаузевиц ставит необходимым предварительным условием для попытки сокрушения противника и которое дает возможность применения неограниченной формы войны.

К счастью для нее обстоятельства не потребовали применения столь чрезвычайных средств. Политические и географические условия были таковы, что она могла свести растяжимую цель — утверждение ее престижа, к чисто конкретной форме — территориальному об'екту. Проникновение России в Манчжурию угрожало поглощением Кореи Российской империей, и это Япония считала роковым для ее собственного положения и дальнейшего развития. Если бы она оказалась способной сохранить неприкосновенность Кореи, это послужило бы внешним и видимым показателем того, что она в состоянии занять место тихоокеанской державы. Ее абстрактный спор с Россией мог поэтому быть воплощен в конкретный об'ект ее действий подобно тому, как в 1854 г. спор западных держав с Россией выкристаллизовался в конкретный об'ект их действий — Севастополь.

В условиях примера с Японией непосредственный политический об'ект особенно хорошо подходил для применения ограниченной войны. Благодаря географическому положению Кореи, обширным

и некультивированным пространствам, отделявшим ее от центра военной мощи России, он практически мог быть изолирован действиями флота. Более того, он удовлетворял условию, которому Клаузевиц придавал величайшее значение, а именно: захват частного об'екта, не ослабляя дальнейшей обороны Японии, в значительной степени укреплял ее положение; будучи наступательным по действию и замыслу, как захват Саксонии Фридрихом, он был одновременно сильным оборонительным мероприятием. Захват был не только далек от обнажения сердца Японии, но служил прикрытием последнего почти до неприступности. Причина ясна. Благодаря большой отдаленности двух русских военных баз — Владивостока и Порт-Артура и контролю Японии над проходом между ними, положение России на море было плохим (карта 2). Единственным средством исправить его было создание базы в Корейском проливе, возможности чего она некоторое время и добивалась в Сеуле дипломатическим путем. Стратегически неприкосновенность Кореи была для Японии столь же важной, как целость Нидерландов и Бельгии для нас, но поскольку Нидерланды и Бельгия не были доступны для изоляции, сила наших непосредственных действий была здесь всегда сравнительно невелика. В отношении Португалии, с ее несравненной стратегической гаванью в Лиссабоне, были подобные же случаи в наших старых океанских войнах и, коль скоро ее можно было в некоторой степени изолировать от сил нашего громадного соперника посредством действий флота, мы почти неизменно имели успех. В общем необходимо сказать, что несмотря на успехи, достигнутые нами в длинном ряде войн, которые мы вели на ограниченном базисе, ни разу условия не были столь благоприятны для нас, как в данном случае для Японии. Ни в одном из тех случаев наше главное наступательное движение не обеспечивало так полно оборону нашей метрополии. Канада лежала настолько в стороне от линии обороны нашей собственной страны, насколько это вообще можно себе представить. В Крымскую кампанию наше наступление настолько отрывало Британские острова, что мы должны были поддержать наше движение к ограниченному об'екту посылкой главных сил флота к выходам из Балтийского моря для обеспечения метрополии против опасности неограниченного контрудара через эти выходы [1].

На основе ли этого принципа или нет задумали японцы вести войну с самого ее начала — не имеет значения. Главное значение имеет то, что при таком благоприятном территориальном об'екте,

---

[1] Стратегической целью отправления флота в Балтику несомненно являлось предупреждение контрудара, т. е. его главная функция в нашем плане войны была негативна. Его позитивная функция была мала и имела значение диверсии и только. Посылка флота имела также и политическую цель в качестве демонстрации в связи с продолжавшимися с нашей стороны усилиями к образованию балтийской коалиции против России, которые остались совершенно безуспешными. Общественное мнение, ошибочно оценивая все положение, ожидало от флота непосредственных позитивных результатов, даже захвата Петербурга. Такая операция превратила бы войну из ограниченной в неограниченную. Она означала бы „сокрушение" противника—задачу, бывшую совершенно непосильной для союзников без помощи балтийских государств; и даже их помощь не оправдывала бы изменения характера войны, пока Швеция и Пруссия не были бы расположены вести неограниченную войну, что в действительности было дальше, чем что бы то ни было другое от их намерений.

как Корея, ограниченная война была возможна в ее наиболее грозном виде, что война в действительности развернулась в ограниченной форме и что она была целиком успешной. Не ожидая обеспечения господства на море. Япония начала войну неожиданным захватом Сеула и затем под прикрытием второстепенных операций флота продолжала заканчивать полную оккупацию Кореи (карта 2). Когда она подошла ко второй стадии, а именно к обеспечению обороны захваченной территории, тогда прекрасные качества ее географического об'екта стали проявляться дальше. Теоретической слабостью ограниченной войны в этом пункте является приостановка наступательных действий. Но в данном случае подобная задержке была и ненужна и невозможна по следующим причинам Чтобы надежно обеспечить завоевание, необходимо было не только сделать неуязвимыми границы Кореи, но Корея должна была быть также постоянно изолирована с моря. Это требовало уничтожения русского флота, что в свою очередь вызывало необходимость взятия Порт-Артура с сухого пути. Таким образом здесь, во второй стадии, Япония оказалась связанной двумя операционными линиями, с двумя различными об'ектами действий ее вооруженных сил (objective) — Порт-Артуром и русской армией, медленно сосредоточивавшейся в Манчжурии, — положение безусловно угрожающее. Однако географическая конфигурация театра была столь благоприятна, что при быстром и смелом использовании моря, хотя бы и не имея господства на нем, можно было изменить это положение и более или менее в свою пользу. Продолжением продвижения корейской армии (Японии. — Ред.) в Манчжурию и высадкой другой группы войск между ней и Порт-артурской армией три армейских группы смогли быть сосредоточены, и угрожающее разделение операционных направлений было обращено в преимущество. Последние оказалось возможным скомбинировать так, что они смогли угрожать обходным контрударом на Ляоян раньше, чем наступательное сосредоточение русских войск смогло быть закончено. Ляоян был не только пунктом сосредоточения русских сил, но являлся в то же время надежной позицией для защиты Кореи и для прикрытия осады Порт-Артура. Раз занятый, Ляоян давал японцам все преимущества обороны и заставлял русских истощать себя в наступательных операциях, которые были им не под силу. Такое преимущество было получено не только на суше. Успех этого образа действий, достигшего наивысшего развития при падении Порт-Артура, распространялся еще далее. Он не только сделал Японию относительно более сильной на море, но она получила возможность перейти на море к оборонительным действиям и достичь решительной победы над Россией в условиях обладания всеми преимуществами: времени, места и силы.

Боем при Цусиме территориальный об'ект был совершенно изолирован с моря, и положение Японии в Корее стало столь же неприступным, как и положение Веллингтона при Торрес-Ведрас. Оставалось только перейти к третьей стадии и показать России, что признание установившегося положения благоприятствует ей более, чем дальнейшие попытки к его преодолению. Это было осуществлено заключительным наступлением на Мукден, и Япония добилась своей

цели, будучи очень далека от того, чтобы сокрушить своего противника. Наступательная мощь России никогда не была так велика, как в это время, тогда как мощь Японии была почти, если не совсем, истощена.

При рассмотрении дальневосточной борьбы с этой стороны видно, что она развивалась подобно всем нашим великим морским (maritime) войнам прошлого, которые континентальными стратегами настойчиво исключались из круга их исследований. Она представляет нормальные три фазы: первоначально—наступательное движение для захвата территориального об'екта; вторая фаза — вынуждающая неприятеля к изнуряющему наступлению; и конечная стадия — давление, в котором налицо возвращение к наступательным действиям, как говорит Жомини, — «соответственно обстоятельствам и вашей относительной силе с целью получения желаемых уступок».

Нельзя конечно требовать, чтобы эти фазы были всегда ясно разграничены. Стратегический анализ никогда не может дать точных, детализированных результатов. Цель его — в приближениях, в группировках, которые сыграют руководящую роль, но оставят многое на долю самостоятельного суждения. Три фазы русско-японской войны хотя и необычно хорошо обрисовывались, но постоянно переплетались. Так и должно было быть, ибо на войне эффект операции никогда не ограничивается пределами непосредственного или первоначального намерения. Так занятие Кореи имело последующий оборонительный результат — прикрытие своей страны, в то время как первичный удар адмирала Того против Порт-Артура, имевший целью прикрыть первоначальное наступление, оказался, благодаря своему деморализующему влиянию на русский флот, отчетливой переходной ступенью ко второй фазе — изоляции захваченной территории. В последних стадиях войны граница между тем, что было существенно для завершения второй фазы — доведением до конца изоляции, и началом третьей фазы — общим давлением на неприятеля, сделалась очень неясной. Именно эта стадия японской стратегии подверглась самой жесткой критике, так как именно здесь японцы казалось утратили концепцию ограниченной войны, если они в действительности когда-либо отчетливо уясняли ее себе так же, как понимал ее Питт старший. Их обвиняли, что в своей поспешности нанесения удара главной армии неприятеля они пренебрегли выделением достаточных сил для взятия Порт-Артура, которое составляло важный шаг для завершения второй фазы. Являлось ли такое распределение сил вследствие требований обстановки неизбежным или же оно было произведено вследствие ошибочного учета трудностей иного образа действий, но результатом была дорогостоившая задержка. Ибо оно не только повлекло за собой большую потерю во времени и в людях под самым Порт-Артуром, но когда выход русского флота в июне показал японцам их ошибку, наступление на Ляоян должно было быть отсрочено, и благоприятный случай для нанесения решительного контрудара неприятельскому сосредоточению на суше был упущен.

Эта неудача, стоившая так дорого Японии, может быть об'яснена по крайней мере частично континентальными взглядами, под влиянием которых воспитывалась ее армия. Мы по крайней мере можем

проследить принцип неограниченной войны, проводимой на страницах истории этой войны, изданной германским генеральным штабом. При рассмотрении японского плана операций в этом труде принято, что занятие Кореи и изоляция Порт-Артура были лишь предварительными действиями, предшествовавшими концентрическому наступлению на Ляоян, «который считался первым об'ектом операций на суше». Но несомненно, что по любой теории войны первым об'ектом действий японцев на суше был Сеул, где они рассчитывали иметь первый важный бой с войсками, подходившими от Ялу; и несомненно вторым—был Порт-Артур с его флотом и арсеналом, который они рассчитывали взять лишь с немного большей трудностью, чем встреченная ими десять лет перед этим в войне против китайцев. Такова по крайней мере была действительная постепенность событий, и поэтому критику, относящую операции такой громадной величины и важности к числу простых случайностей стратегического развертывания, можно об'яснить только господством наполеоновской идеи войны, против универсального применения которой Клаузевиц так громогласно протествовал. Это результат работы людей, для которых органически трудно представить себе, чтобы оперативный план не увенчивался Иеною или Седаном. Этот взгляд конечно есть дитя теории, не имеющей ничего общего с реальной действительностью, имевшей место в разбираемой войне и не способной дать об'яснение ее исключительных успехов. В действительности, пока японцы действовали на основе принципов ограниченной войны в том виде, как они изложены Клаузевицем и Жомини и с очевидностью могут быть выведены из данных нашего собственного богатого опыта, они имели успех свыше всех их ожиданий; но как только они отступили от них и подпали под влияние континентальных теорий, они неожиданно встретились с непостижимыми неудачами.

Выражение «ограниченная война» несомненно не вполне удачно. Однако до сих пор не было найдено другого, которое охватывало бы одинаково идею ограниченной цели (object, об'екта), и идею ограниченной заинтересованности (limited interest), составляющих ее специфические характерные черты.

Все же, если иметь в виду в качестве типического случая приведенный нами пример, значение термина не будет понято ошибочно. Остается только подчеркнуть одно важное обстоятельство. Опровержение доктриной ограниченной войны существующего мнения, что основным об'ектом военных действий (objective) всегда должны быть вооруженные силы противника, может повлечь за собой ложный вывод, что эта доктрина также отвергает, что война означает пользование сражениями. Ничего подобного конечно нет. Какова бы ни была форма войны, в этой доктрине нет никакого сходства с попытками возвратиться к старому заблуждению—пытаться решать войны маневрами. Все формы войны одинаково требуют пользования боями. По нашей основной теории война всегда есть «продолжение политических отношений, в которых сражения заменяют писание дипломатических нот». Однако как бы велико ни было руководящее влияние политической цели, оно никогда не должно затемнять понимания, что, только сражаясь, мы сможем добиться того, к чему мы стремимся.

На этом тем более необходимо настаивать, что идея выбора части территории нашим об'ектом может быть смешана с более старым методом ведения войны, при котором армии довольствовались маневрами для занятия стратегических позиций, а на битвы смотрели почти как на показатель дурного командования. С такими плацпарадами ограниченная война не имеет ничего общего. Ее ведение отличается от ведения неограниченной войны только тем, что вместо уничтожения всей силы сопротивляемости противника мы стремимся разбить только такую часть его действующих сил, которую он будет в состоянии или пожелает выставить с целью предотвратить или ограничить занятие нами территориального об'екта.

Поэтому первое, что при вступлении в такую войну надо постараться сделать, это—выяснить, какого размера может быть эта сила. Она будет зависеть во-первых от важности ограниченного об'екта для неприятеля и его связанности в других местах; во-вторых она будет зависеть от естественных трудностей поддержания им коммуникаций и от того, до какой степени мы можем увеличить эти трудности проведением наших первоначальных операций. Поэтому при благоприятных обстоятельствах—и в этом заключается громадная ценность «ограниченной»[1] формы—мы будем в состоянии оказывать влияние на величину сил, с которыми нам предстоит встретиться.

Наиболее благоприятными и единственными условиями, при использовании которых мы сами можем получить выгоду, являются такие, которые допускают более или менее полную изоляцию об'екта действиями морских сил, а подобная изоляция никогда не сможет быть установлена, пока мы целиком не сокрушили морских сил противника.

Итак здесь мы вступаем в область морской стратегии (naval strategy). Мы можем теперь оставить общую теорию войны и с целью подготовки пути для наших окончательных заключений посвятить свое внимание теории морской войны.

---

[1] Кавычки переводчика.

Часть II.

Теория морской войны.

Глава первая.

Теория цели—господство на море [1].

Целью (object) морской войны всегда должно являться прямо или косвенно либо обеспечение господства на море (command of the sea), либо предотвращение обеспечения такового противником.

Вторая часть этого положения должна быть особенно подчеркнута, дабы устранить существующую привычку мышления, являющуюся одним из обычнейших источников ошибок при исследовании военно-морских проблем. Влияние этой привычки сказывается в существовании весьма распространенного представления, что если один из воюющих утрачивает господство на море, то оно переходит сразу к другому воюющему. Даже беглое изучение военно-морской истории достаточно ясно показывает ложность подобного мнения, ибо наиболее общее положение в морской войне то, когда ни одна сторона не господствует на море; нормальна не та обстановка, когда на море имеет место чье-либо господство, а когда на нем никто не господствует (uncommanded sea). Само утверждение, которого никто не отрицает, что целью морской войны является господство на море, на деле уже содержит в себе предположение, что нормальным положение является спорное господство (command in dispute). Именно это состояние оспаривания (state of dispute) и есть то, с которым морская стратегия наиболее тесно связана, ибо когда господство на море потеряно или выиграно, чисто морская стратегия кончается. Эта истина настолько очевидна, что едва ли стоило бы упоминать о ней, если бы не постоянное повторение таких выражений как: «если бы Англия потеряла господство на море, для нее настал бы конец». Заблуждение в этом выражении состоит в том, что оно игнорирует силу стратегической обороны. Оно предполагает, что если перед лицом некоторой необычайно сильной враждебной коалиции или вследствие некоторой необычайной неудачи мы не имеем достаточной силы для удержания господства, то мы уже по этому самому слишком слабы, чтобы предотвратить достижение господства противником; в действительности это означает

---

[1] Theory of the object—command of the sea.—Примечание переводчика.

отрицание всей теории войны, которая однако именно теперь должна получить бóльшую поддержку, чем когда-либо.

Но это мнение является не только отрицанием теории; оно является отрицанием одинаково и практического опыта и мнения, высказанного нашими величайшими авторитетами. Мы сами с успехом пользовались оборонительным образом действий на море при Вильяме III и в американской войне за независимость, а в наших длительных войнах с Францией последняя пользовалась им так, что хотя мы и имели существенное превосходство, но иногда годами не могли добиться господства и годами не могли выполнить своих оперативных планов без серьезных помех со стороны ее флота.

Оборонительный образ действий не только далеко не является фактором, которым можно было бы пренебрегать, или не более чем вредной несообразностью, какой ее обычно изображают, но в действительности он присущ всякой войне и, как мы видели, важнейшие вопросы стратегии — одинаково и на суше и на море — вращаются вокруг относительных возможностей наступления и обороны и степени применения каждой из них в нашем плане войны. На море даже наиболее могущественный и агрессивно настроенный воюющий не в большей степени может избежать периодов обороны, вызываемых неизбежными задержками наступательных действий, чем это возможно на суше. Итак мы должны рассмотреть оборонительный образ действий; но прежде чем мы окажемся в состоянии успешно сделать это, мы должны предварительно исследовать выражение «господство на море» (command of the sea) и точно определить, что мы в войне понимаем под ним.

Прежде всего господство на море по своим стратегическим свойствам не является тождественным завоеванию территории. Нельзя рассуждать об одном так же, как и о другом, хотя это часто делается. Подобные фразы, как «завоевание водного пространства» («conquest of water territory») и «превращение берега противника в нашу границу» («makinq the enemy's coast our frontier») имели смысл и значение в устах тех, кто их высказал, но они по существу являются не более, как риторическими выражениями, основанными на ложной аналогии, а ложная аналогия не есть надежное основание для теории войны.

Аналогия эта ложна по двум мотивам, весьма существенным для ведения морской войны. Вы не можете завоевать море, ибо оно недоступно праву собственности,— по крайней мере за пределами территориальных вод. Вы не можете, как говорят юристы, «обратить его в собственность» («reduce it into possession»), ибо вы не можете удалить с него нейтральных, как вы можете сделать это с территорией, которую завоевываете. Кроме того вы не можете содержать на нем вашу вооруженную силу так, как вы делаете это на территории неприятеля. Поэтому ясно, что делать выводы, исходя из предположения, что господство на море аналогично завоеванию территории, — не научно, и такие выводы конечно ведут к заблуждениям.

Единственный верный метод, это — исследовать, что именно мы можем обеспечить для себя и чего мы можем лишить противника господством на море. Если мы исключим рыболовные права, которые не относятся к настоящему вопросу, единственное право, кото-

рым мы или наш противник можем располагать в отношении моря. это право прохода (right of passage); другими словами единственная положительная ценность, которую открытое море имеет для жизни нации, это — служить путем сообщения (means of communication). Для активной жизни той или другой нации это может значить или много или мало, но для каждого морского государства это имеет некоторую ценность. Следовательно лишением противника возможности передвижения по морю мы задерживаем течение жизни его страны таким же образом, каким мы задерживаем его на суше путем занятия территории. Однако аналогия хороша только до этого предела, но не больше.

Таково положительное значение моря для жизни страны. Оно имеет также и отрицательное значение, ибо является не только путем сообщения, но и в противоположность путям сообщения на суше — также препятствием (barrier). Путем достижения господства на море мы отодвигаем это препятствие от нашего собственного берега и таким образом получаем возможность оказания непосредственного военного давления на жизнедеятельность нашего противника на суше; одновременно мы обращаем море против него и предотвращаем оказание им прямого военного давления на нас самих.

Господство на море поэтому не означает ничего кроме к о н т р о л я м о р с к и х с о о б щ е н и й (к о м м у н и к а ц и й — control of maritime communications), одинаково — военных или торговых. Об'ект морской войны, это — контроль сообщений (коммуникаций), а не завоевание территории, как на суше. Различие — фундаментальное. Правда, вполне правильно говорится, что стратегия на суше есть по преимуществу вопрос коммуникаций, но коммуникаций в другом смысле. Выражение относится только к коммуникациям армии (communications of the army), а не к коммуникациям в более широком смысле, каковые составляют часть жизни нации.

Но и на суше также существуют коммуникации, имеющие важное значение для национальной жизни,—внутренние коммуникации, соединяющие центры распределения (points of distribution). Здесь мы касаемся снова аналогии между двумя родами войны. Сухопутная война, как признают наиболее убежденные сторонники современных взглядов, не может достигнуть своей цели только военными победами. Разбить вооруженные силы вашего противника недостаточно для получения определенных результатов, если вы не располагаете в резерве достаточной силой. чтобы иметь возможность занять его внутренние пути сообщения и главные центры распределения. Эта возможность—настоящий плод победы,— возможность подавления всей жизни нации. И пока это не сделано, нация сильного духа, все «сердце» [1] которой отдано войне, не согласится заключить мир и выполнить вашу волю. Точно так же господство на море ведет по этому пути к миру, хотя и с значительно меньшей степенью принудительности для континентального государства. Овладевая его морскими сообщениями и закрывая центры распределения, в которых они оканчиваются, мы разрушаем жизнедеятельность страны на море и тем самым задерживаем течение ее жизни на суше настолько,

---

1 Кавычки переводчика.

насколько одна зависит от другой. Таким образом мы видим, что пока мы имеем силу и право прекращать морские сообщения, аналогия между господством на море и завоеванием территории в этом смысле очень близка. И аналогия приобретает крайнюю практическую важность, ибо от нее зависит решение наиболее жгучего вопроса войны на море, который нам более уместно разобрать здесь.

Очевидно, что если об'ект и конечная цель морской войны есть контроль сообщений (коммуникаций), то этот контроль должен подразумевать право запрещения,—если мы имеем к этому возможность,—передвижения государственной и частной собственности по морю. Единственный способ, которым мы можем осуществить подобный контроль морских торговых сообщений (commercial communications), есть в конечном счете захват или уничтожение собственности на море. Подобный захват или уничтожение есть взыскание, которое мы налагаем на нашего неприятеля за попытку пользоваться путями сообщения, контроля над которыми он не имеет. На юридическом языке это—ультимативная санкция, являющаяся крайней мерой подтверждения запрещения, соблюдения которого мы хотим добиться. Существующий термин «уничтожение торговли» («commerce destruction») на самом деле не является логичным выражением с точки зрения стратегической. Правильнее было бы сказать «предотвращение (предупреждение) торговли» («commerce prevention»).

Методы этого предотвращения имеют не больше сходства со старыми варварскими грабежом и местью, чем правильная реквизиция на суше имеет со старым методом грабежа и опустошения. В самом деле никакая другая форма войны не причиняет так мало человеческих страданий, как захват собственности на море. Она имеет больше сходства с процессом применения закона,— как например описью за долги, или исполнением приговора суда или просто арестом корабля,— чем с военной операцией. Правда, не всегда так было. Во времена приватиров [1] это сопровождалось слишком часто, особенно на Средиземном море и у Вест-Индии, плачевными жестокостями и беззакониями, и существование подобных злоупотреблений было истинной причиной общего соглашения о Парижской декларации, по которой каперство [1] было уничтожено.

Но не только это было причиной. Приватирство было пережитком, оставшимся от примитивного и ненаучного понимания войны, при котором руководились главным образом общей целью нанести противнику как можно больше вреда и возмездия за тот вред, который он нанес вам. К этому же роду принадлежали практиковавшиеся грабеж и опустошение на суше. Но ни один из этих способов ведения войны не был упразднен по гуманным соображениям. В действительности они уже исчезли как общепринятая практика, прежде чем мир начал говорить о гуманности. Они исчезли потому, что война стала более совершенной (scientific). Право грабежа и опустошения не было отвергнуто. Но грабеж был найден деморализующим ваши войска, делающим их неспособными к бою, а опустошение оказалось менее действительным средством принужде-

---

[1] Privateer—приватир, капер, отсюда термин каперство.—Прим. ред.

ния вашего противника, чем эксплоатация занятой страны посредством регулярных реквизиций для снабжения вашей собственной армии и увеличения ее наступательной способности. Короче говоря, реформа выросла из желания распоряжаться ресурсами вашего неприятеля для ваших собственных нужд вместо того, чтобы добровольно их уничтожать.

Подобным же образом каперство всегда имело расслабляющее действие на наши собственные регулярные морские силы. Оно невероятно увеличивало трудности комплектования флота, и случайные громадные доходы имели деморализующее влияние на командиров крейсеров, предназначенных для каперства. Оно сохраняло средневековый корсарский дух за счет современного военного духа, направленного на непосредственные операции против вооруженных сил противника. Было неизбежно, что по мере того как по этому вопросу развивалась новая точка зрения, она несла с собой и то убеждение, что для борьбы с морской торговлей спорадические атаки никогда не могли быть настолько действительны, насколько могла быть организованная система операций, имеющая целью обеспечение фактического стратегического контроля морских сообщений. Более зрелое и глубокое понимание войны обнаружило, что так называемая тактическая блокада торговли (tactical commercial blocade), иначе говоря, блокада портов, могла быть расширена и дополнена стратегической блокадой (strategical blocade) главных морских торговых путей. С точки зрения принципов морали между ними нет различия. Допустите в принципе тактическую или тесную (close) блокаду и в отношениях между воюющими вы не сможете осудить принцип стратегической или дальней (distant) блокады. Между ними нет юридического различия за исключением вопроса об их влиянии на интересы нейтральных.

Почему же в самом деле от этого гуманного, но энергичного военного приема нужно отказаться на море, если тот же самый прием разрешается на суше? Если на суше вы разрешите контрибуции и реквизиции, если вы разрешите оккупацию городов, портов и внутренних сухопутных коммуникаций, без которых завоевание не может быть закончено и невозможна действительная война, почему вы отказываете в подобной процедуре на море, где она причиняет много меньше индивидуальных страданий? Если вы отрицаете право контроля сообщений на море, вы должны также отказать в этом праве на суше. Если вы допускаете право контрибуции на суше, вы должны допустить право захвата на море. Иначе вы дадите сухопутным державам чрезвычайные права в войне и совсем лишите морские державы естественных прав. Они потеряли бы свое главное средство воздействия.

Так как мысль об упразднении захвата частной собственности на море возникла из филантропических соображений и так как она основывается на уверенности, что это закрепит нашу позицию как торгового морского государства, необходимо внимательно ее рассмотреть. Насколько можно судить по высказанным ее защитниками соображениям, она кажется основанной на двух заблуждениях: одно — что вы можете избежать нападения лишением себя возможности к наступлению и оставшись с одной обороной; другое — мнение, что война состоит целиком из боев между армиями или фло-

тами. Эти мнения игнорируют тот существеннейший факт, что **они являются только средством дать вам возможность сделать то, что действительно ведет войны к концу,—произвести давление на подданных воюющей с вами страны и на ее коллективную жизнь**[1]. «После поражения неприятельской главной армии, — говорит ф.-д.-Гольц,—мы все еще имеем перед собой вынуждение мира в качестве нашей отдельной и в некоторых условиях более трудной задачи... заставить враждебную страну почувствовать бремя войны с такой силой, чтобы желание мира превысило. Это то, в чем Наполеон действовал неправильно... Может оказаться нужным захватить порты, торговые центры, важные пути сообщения, укрепления и арсеналы, другими словами — всю собственность, важную и необходимую для существования народа и армии».

Поэтому, если мы лишимся права пользоваться аналогичными средствами на море, цель, ради которой мы сражаемся, почти перестает существовать. Разбей мы флот противника как мы можем его разбить дело этим еще не решится. Мы только откроем путь для вторжения, но каждая из великих континентальных держав может смеяться над нашими попытками вторгнуться при таких условиях. Если мы не можем пожать плоды наших успехов путем подавления жизнедеятельности нации на море, то мы окажемся лишенными единственного законного средства давления, находящегося в пределах наших сил. Наш флот, если бы ему было поручено выполнение дальнейших операций, необходимых для вынуждения мира, должен был бы обратиться к таким варварским средствам, как бомбардировка приморских портовых городов и набеги против неприятельского побережья ради разрушения.

Если бы средства давления, которые следуют за успешным сражением, были упразднены и на суше и на море, тогда может быть появился бы тот аргумент в пользу такой перемены, что она означала бы возможно для цивилизованных государств полное прекращение войны, ибо война стала бы столь немощной, что никто не стал бы к ней прибегать. Она стала бы делом регулярных армий и флотов, к которому народ имел бы мало отношения. Международные споры имели бы тенденцию принять форму средневековых частных споров, которые решались бы боем «чемпионов» на состязаниях, и это благодаря своей нелепости быстро повело бы к решению вопросов простыми юридическими средствами. Если бы решение международных споров могло итти этим путем, гуманность шествовала бы широкими шагами. Но мир далеко еще не созрел для подобной революции. Между тем упразднение права прекращения передвижения частной собственности по морю без упразднения соответствующего права на суше разрушило бы только цели филантропов. Исчезло бы наиболее сильное сдерживающее начало, направленное против войны; торговля и финансы теперь больше чем когда-либо контролируют или обуздывают иностранную политику народов; если война угрожает потерями торговле и финансам, то их влияние в смысле мирного соглашения будет велико, и пока существует право захвата частной собственности — налицо угроза

[1] Разрядка переводчика

потерь для них во всякой морской войне немедленно и неибежно, независимо от ее возможного конечного результата. Упраздните это право — исчезнет эта узда. Больше того, будет наоборот: торговля и финансы получат возможность больших прибылей вследствие внезапного увеличения правительственных расходов в связи с началом военных действий и усиления морской торговли под влиянием увеличения потребностей вооруженных сил. Все потери, которые при существующих условиях должна немедленно повлечь за собой морская война, будут незначительны, если право осуществлять власть в отношении частной собственности будет ограничено сушей. Они никогда не будут серьезными за исключением случаев полного поражения; но никто не вступает в войну, ожидая поражения. Агрессивные войны существуют именно благодаря надежде на победу и выигрыш. Страх быстрой и определенной потери является наиболее сильным предотвращающим их средством. Филантропия тогда несомненно убедится, что в слишком поспешной погоне за мирными идеалами она выпустила из рук лучшее оружие для укрощения зла, уничтожить которое она не в состоянии.

Поэтому мы намерены считать в дальнейшем право захвата на море частной собственности подлежащим сохранению. Без него действительно почти немыслима морская война, и во всяком случае ни у кого нет никакого опыта практического применения такого подстриженного метода войны, чтобы можно было, основываясь на нем, создать продуктивное учение.

Итак основной метод, которым мы используем победу или превосходство на море и воздействуем на население неприятельской страны для обеспечения мира, есть захват или уничтожение собственности противника, независимо от того, государственная она или частная. Но при сравнении этого процесса с аналогичным занятием территории, взиманием контрибуций и реквизициями на суше мы видим заметное отличие. Оба процесса являются, как можно выразиться, экономическим давлением (economical pressure). Но на суше экономическое давление может быть проведено только как следствие или победы или приобретенного благодаря военным успехам господства. На море же процесс начинается сразу. На деле скорее часто, чем обратно, первым актом военных действий в войне на море бывал захват частной собственности. В некотором смысле это также верно и на суше. Первым актом вторгающегося с переходом границы неприятеля будет контроль в большей или меньшей степени по отношению той частной собственности, которую он может использовать для своих надобностей. Но подобное вмешательство во владение частной собственностью есть по существу чисто военный акт, и он не относится ко второй фазе — экономическому давлению. На море он относится к последней, и причина, почему это должно быть именно так, лежит в определенном фундаментальном различии между сухопутной и морской войной, которое становится ясным благодаря коммуникационной теории морской войны (communication theory of naval war).

Для раз'яснения вопроса должно быть повторено, что морские сообщения, которые являются корнем идеи господства на море, не аналогичны сухопутным коммуникациям в обычном смысле этого слова. Военносухопутные коммуникации (military communications) от-

носятся только к линиям снабжения и отступления армии. Морские сообщения имеют более широкое значение: охватывая на деле также и линии снабжения флота (lines of fleet supply), они совпадают в смысле стратегического значения не с военными линиями снабжения (military lines of supply), но с теми внутренними линиями сообщений (internal lines of communications), которыми поддерживается течение национальной жизни на суше. Вследствие этого морские сообщения находятся в совершенно другом положении по сравнению с сухопутными. На море пути сообщения (коммуникации) по большей части общи для обоих воюющих, в то время как на суше каждый владеет своими собственными на своей собственной территории. Стратегический результат этого имеет большую важность, ибо это означает, что на море стратегические наступления и оборона протекают по пути, который неизвестен на суше. Коль скоро морские пути сообщений общи, мы как правило не можем атаковать таковые противника, не защищая своих собственных. В военносухопутных операциях правилом является обратное: нормально—действия против коммуникаций нашего противника имеют тенденцию обнажить наши собственные.

Теория общих коммуникаций (theory of common communications) станет ясней, если мы приведем пример. В наших войнах с Францией наши морские сообщения со Средиземным морем, Индией и Америкой шли из устья Английского канала мимо мыса Финистерре и мыса св. Винцента, и сообщения Франции — по крайней мере из ее портов атлантического побережья — совпадали с ними почти по всей своей длине (карта 1). В наших войнах с Голландией совпадение было еще больше. Даже в войне с Испанией ее главные торговые пути проходили по тем же направлениям, как и наши, в наибольшей части своего протяжения. Поэтому первые же мероприятия по открытии военных действий, предпринимавшиеся нами обыкновенно для защиты нашей торговли и состоявшие в занятии этих направлений, тем самым ставили нас в положение наступающего в отношении торговли противника. Подобное положение возникало, даже когда наши первоначальные диспозиции назначались в качестве защиты от вторжения в метрополию или от нападений на наши колонии, ибо позиции, которые занимал флот для этих целей, всегда располагались на или около конечных пунктов или узлов (terminal and focal points) торговых путей. Было ли нашей немедленной целью принуждение главных сил флота противника к бою или ею было осуществление экономического давления, это мало влияло на положение. Если противник, так же как и мы, стремился к бою, мы были почти уверены, что войдем с ним в соприкосновение у одного из конечных или узловых районов. Если он хотел избежать решительного сражения, лучшим путем принудить его к бою было занятие торговых путей в тех же жизненных пунктах.

Отсюда следует, что в то время как на суше процесс экономического давления, по крайней мере при современной концепции войны, должен был бы начаться лишь после решительной победы, на море он начинается автоматически с первого же момента. На деле подобное давление может быть единственным средством принуждения к решительному бою, которого мы ищем, как мы это увидим более

ясно, когда перейдем к рассмотрению другого фундаментального различия между войной на суше и на море.

Между прочим мы можем отметить, что на море пользование экономическим давлением с самого начала оправдывается с точки зрения ведения войны двумя соображениями. Первое — это, как мы видели, экономичность, вытекающая из использования средств при нашем оборонительном положении — для наступления, когда последнее не нарушает действительности нашей позиции, а она не нарушает ее, если крейсера нашего флота будут действовать с надлежащей сдержанностью. Второе — что борьба с торговлей противника имеет два аспекта. Это не только средство осуществления последующего экономического давления, но также главное средство сокрушения силы сопротивляемости неприятеля. Войны не решаются исключительно военносухопутной или морской силой. Финансы едва ли менее важны. При прочих равных условиях выигрывает более богатый кошелек. Много раз финансы выравнивали неблагоприятное соотношение вооруженных сил и давали победу более слабой физически державе. Поэтому все, что мы можем достигнуть для расстройства финансов врага, есть прямой шаг к его сокрушению, и наиболее действительное средство из всех, которые мы можем употребить для этой цели в борьбе против морского государства, это — лишение его ресурсов, извлекаемых из морской торговли.

Поэтому становится ясным, что в морской войне, насколько тесно мы ни имели бы возможность сосредоточить наши усилия на уничтожении вооруженных сил противника как прямом способе его сокрушения, было бы безрассудством удерживаться, если представятся случаи,— а они представятся автоматически — от подрыва его финансового положения, от которого так сильно зависит дееспособность его вооруженных сил. Итак овладение путями морских сообщений (коммуникациями) нашего противника и операции по конфискации собственности под этим разумеющиеся, являются в указанном смысле главными операциями, а не последующими, как на суше.

Таковы отвлеченные выводы, к которым мы приходим в своей попытке проанализировать смысл господства на море и определить его как контроль общих коммуникаций. Конкретная ценность этих заключений проявится, когда мы перейдем к рассмотрению различных форм морских операций, как отыскание флота противника (seeking out the enemy's fleet), блокада, действия против торговли и ее защита и обеспечение смешанных экспедиций (safeguarding of combined expeditions). Для этого остается рассмотреть различные виды господства на море, проистекающие из теории контроля комму-

Если об'ектом господства на море является контроль коммуникаций, совершенно очевидно, что оно может существовать в различных степенях. Мы можем быть в состоянии контролировать все общие коммуникации, в результате либо громадного превосходства, либо решительной победы. Если мы недостаточно сильны для этого, мы все же можем быть в состоянии контролировать часть их; т. е. наш контроль может быть общим[1] (general) или местным[1]

[1] Разрядка переводчика.

(local). Несмотря на очевидность этого положения, необходимо его подчеркнуть, имея в виду существование принципа «море—ничье»[1]. Подобно другим принципам такого рода, он наряду с истиной содержит в себе вместе с тем и зародыши ошибочных выводов. Истина, которую он содержит, кажется состоящей просто в том, что как правило местный контроль мы можем иметь временно, ибо если противник имеет где-либо достаточный флот, теоретически он имеет возможность уничтожить наш контроль во всяком отдельном районе моря, но он действительно выглядит не более как риторическое выражение, служащее для того, чтобы подчеркнуть большую подвижность флотов в противоположность армиям и отсутствие физических препятствий, могущих ограничить эту подвижность. Что эта существенная особенность морской войны выражена в виде принципа — хорошо, но когда, как это иногда бывает, последний превращается в карикатурную доктрину вроде той, что вы не можете двинуть через море и батальона, пока вы не сокрушили целиком флота противника, тогда это заслуживает осуждения. Это означало бы, что на войне вы никогда ничем не должны рисковать.

Кажется, что благодаря пагубному влиянию именно этой вывернутой на изнанку доктрины стратегия американцев была такой судорожной и боязливой в их последней войне с Испанией. Они обладали вполне достаточными морскими силами для обеспечения местного и временного господства в Мексиканском заливе, которое позволило бы им сразу же бросить все войска, имевшиеся в готовности, на Кубу для поддержки инсургентов в соответствии с оперативным планом. Они имели также достаточно сил, чтобы обеспечить коммуникации экспедиционных сил от продолжительного перерыва. И только потому, что испанцы имели где-то в море свой флот не разбитым, они колебались и оказались близки к поражению. Японцы не имели подобных заблуждений. До нанесения какого бы то ни было удара флотом, при действительном наличии в пределах театра военных действий неприятельского флота, они начали свою основную переброску войск через море, довольствуясь тем, что, хотя они и могли оказаться не в состоянии обеспечить свой контроль линии перехода экспедиции морем, но имели возможность противодействовать действительному контролю в этом районе противника.

Наша собственная история изобилует примерами подобных операций. Имеется сколько угодно случаев, когда результаты, ожидавшиеся от успешного удара сухопутных сил через море прежде чем было достигнуто постоянное господство, были достаточно велики, чтобы оправдать риск, уменьшить который мы, подобно японцам, умели путем разумного использования нашего благоприятного географического положения и определенной системы охраны, о которой будет речь в дальнейшем.

Итак для составления плана войны или кампании должно быть принято, что господство может существовать в различных видах или степенях, каждая из которых имеет свои особые возможности и пределы. Оно может быть о б щ и м (general) или м е с т н ы м

[1] „The sea is all one“ — „море принадлежит всем“. — Примечание переводчика.

(local), постоянным (permanent) или временным (temporary)[1]. Общее господство может быть постоянным или временным. но однако местное господство, исключая случаи наличия особенно благоприятных географических условий, едва ли может считаться более, чем временным, ибо нормально противник, обладая боеспособной морской силой на других театрах, всегда может его нарушить.

Наконец нужно отметить, что даже постоянное общее господство на практике никогда не может быть абсолютным (absolute)[1]. Никакая степень морского превосходства не может обеспечить наши коммуникации против спорадических атак отдельных крейсеров или крейсерских эскадр при смелом руководстве ими и при готовности итти на риск их потери. Даже после решительной победы Хаука (Hawke) у Киберона, окончательно сокрушившей морские силы противника, один британский транспорт был захвачен между Корком и Портсмутом, а один транспорт из Индии — у мыса Лизарда; жалобы же Веллингтона с Пиренейского полуострова на необеспеченность его коммуникаций хорошо известны[2].

Под общим и постоянным контролем мы имеем в виду не то, что противник ничего не может сделать, но что он не может производить нарушения нашей морской торговли и заморских операций настолько серьезно, чтобы повлиять на исход войны, и что он не может продолжать вести свою собственную торговлю и операции иначе, чем подвергая их такому риску и случайностям, которые окажутся выше пределов, допустимых практической стратегией. Другими словами это означает, что противник не может больше действительным образом атаковать наши пути и коммуникации и что он не может использовать или защитить свои собственные.

Дабы закончить нашу подготовку к тому, чтобы иметь возможность произвести оценку всякого положения, для которого может оказаться необходимым разработать операции, — необходимо напомнить, что, когда господство спорное (in dispute), общая совокупность условий может создать устойчивое или неустойчивое равновесие. Может оказаться, что силы ни одной из сторон не имеют сколько-нибудь значительного превосходства. Может также оказаться, что превосходство на нашей стороне или на стороне неприятеля. Подобное превосходство конечно не будет зависеть целиком только от фактического соотношения сил, материальных или моральных, но будет зависеть и от взаимного соотношения занятых на море позиций и от сравнительной благоприятности их расположения по отношению к об'екту войны или кампании.

Под морскими позициями[1] (naval positions) мы понимаем во-первых военноморские базы и во-вторых конечные пункты наиболее важных коммуникаций или торговых путей, а также узлы, в которых они сходятся, как например: у Финистерре, Гибралтара, Суэца, мыса Доброй Надежды, Сингапура и много других.

---

[1] Разрядка наша,—Ред.

[2] В оправдание Веллингтона должно быть указано, что его жалобы являлись следствием неправильных донесений, которые пару незначительных захватов превратили в серьезный перерыв коммуникаций.

От степени этого превосходства и взаимного соотношения указанных факторов в общем будет зависеть степень преобладания обороны или наступления в наших планах. Говоря вообще, превосходящей стороне будет выгоднее искать решения как можно скорее, чтобы покончить с состоянием спорного господства. Обратно, более слабая сторона будет как правило избегать или отсрочивать решение в надежде получить возможность малыми активными операциями (minor operations), использованием благоприятных случаев и военной удачи или развертыванием новых сил изменить соотношение в свою пользу. Франция часто применяла подобный образ действий в войнах с нами, иногда правильно, но иногда доводила его до такой степени, что деморализовала свой флот. Ее опыт привел к поспешному выводу, что оборона на море даже для более слабой державы является несомненным злом. Подобное заключение чуждо основным принципам войны. Неразумно исключать возможность пользы выжидательного образа действия только потому, что сам по себе он не может вести к конечному успеху и потому, что примененный в крайней степени, он кончается деморализацией и потерей воли к нападению. Неправильное понимание происходит повидимому от настойчивого указания на отрицательные стороны обороны писателями, стремящимися убедить свою страну подготовить уже в мирное время морскую силу, достаточную для наступления с самого начала войны.

Определив основные принципы, на которых покоится идея господства на море, мы оказываемся перед необходимостью рассмотреть, каким образом устанавливается состав флотов, чтобы они соответствовали возлагаемым на них задачам.

Глава вторая.

Теория средств — состав флотов [1].

Во все эпохи морской войны проявлялась тенденция боевых кораблей диференцироваться в группы в соответствии с главной функцией, которую каждая группа или класс был предназначен выполнять. Эта группировка или классификация и представляет собой то, что понимается под составом флота (constitution of a fleet). Разделение кораблей на три рода: линейные корабли, крейсера, и легкие силы (flotilla), настолько долго доминировало в области военноморской мысли, что мы стали считать его нормальным и даже существенно необходимым. Это может быть и так, но подобная классификация ни в коем случае не была постоянной. Другие методы устанавливать состав флота не только существовали, но выдерживали испытания войны в течение долгих периодов, и было бы ненаучным и небезопасным пренебрегать подобными фактами, особенно, если мы желаем притти к обоснованной доктрине.

Верно то, что классы кораблей, составляющих флот, являются или должны являться материальными выразителями стратегических и тактических идей, которые преобладают в каждую данную эпоху, и что они следовательно изменялись не только с изменением идей, но также и с характером материального оборудования кораблей, бывшего тогда употребительным. Можно также сказать в более широком смысле, что они изменялись вместе с теорией войны, которая господствовала в области военноморской мысли с большей или меньшей определенностью. Правда, лишь в немногие годы теории войны создавались, и лишь в немногие годы определенно замечалось их влияние; но несмотря на это, подобные теории всегда существовали и представляется, что даже при их самом туманном и бесформенном виде они имели определенное влияние на состав флотов.

Возвращаясь назад к ранним дням новой истории, мы замечаем, что в начале XVI столетия, когда развитие галерной войны (galley warfare) достигло своего апогея, состав флота был также из кораблей трех родов и имел внешнюю аналогию с тем, который мы стали считать нормальным. Тогда имелись галеасы (galeasses) и тяжелые галеры, соответствовшие нашим линейным кораблям, легкие галеры (light galleys), соответствовавшие нашим крейсерам, в то время как легкие силы (flotilla) были представлены малыми фрегатами (frigates), бригантинами (brigantines) и подобными им судами, имевшими на веслах боевую команду, а не команду из рабов; по-

---

1 Theory of the means—the constitution of fleets.—Примечание переводчика.

добные вооруженые парусные суда тогда считались вспомогательными и составляли отдельную категорию, подобно брандерам (fireships) и бомбардирским судам (bomb-vessels) в парусный период и минным заградителям теперь. Но эту параллель нельзя переоценивать. Различие между функциями двух типов галер не было столь резко очерчено, как между более легкими силами и галерами; научная диференциация линейных кораблей и крейсеров тогда не была еще так определенно развита, как это было в более позднее время, и меньшие галеры обыкновенно занимали места в боевой линии.

С развитием парусного корабля в качестве типичного боевого корабля возник совершенно новый состав флота. Доминирующей стала классификация, делившая корабли на два рода. Это было разделение на суда зависимого движения, имевшие паруса, и суда свободного движения — с веслами. Именно на этих основаниях наш настоящий военный флот был впервые организован Генрихом VIII, авторитетом, бывшим в области военного искусства одним из наиболее передовых в Европе. В этом составе сказывается еще меньше представление о радикальном различии между линейными кораблями и крейсерами, чем в эпоху галер.

Практически все линейные корабли, как первоначально был организован флот Генриха, являлись парусными судами, хотя, правда, когда французы перебросили галеры из Средиземного моря, он дал наилучшим из них весла. Состав фактически предусматривал линейные корабли и легкие силы. Там не было никаких кораблей характера крейсеров, как мы их себе представляем. Корабельная разведка (fleet scouting) производилась «гребными барками» (row-barges) и вновь введенными пинасами (pinnaces); что же касается охраны торговли, то обычно коммерческие суда должны были заботиться о себе сами, наиболее же крупные из них вооружались как правило для своей собственной защиты.

Влияние этого «двухродового» состава продолжалось еще долго после того, как исчезли условия, вызвавшие его возникновение. Можно сказать, что в постепенно убывавшей степени это продолжалось в течение двух столетий. Во время голландских войн XVII века, в котором окончательно установилось господствующее положение парусных военных судов, практически все настоящие парусные суда, т. е. суда, не имевшие весел в качестве вспомогательного двигателя, занимали места в боевой линии. Фрегаты этого времени совсем не отличались от «больших кораблей» (great ships) по своим функциям, а только по типу. В начале XVIII столетия однако старая тенденция разделения кораблей на три рода начала вновь отвоевывать себе права, но лишь в половине столетия этот процесс развития можно считать закончившимся.

К концу войны за австрийское наследство — период, обыкновенно считающийся периодом явного упадка военноморского искусства, — классификация наших наибольших парусных судов была совершенно произвольной. «Ранги» («rates»), введенные в течение голландских войн, не имели никакой связи с какой-либо философской концепцией сложных обязанностей флота. В первом ранге были 100-пушечные корабли, во втором — 90-пушечные, все — трехпалубные. До этого система рангов была довольно разумной. Но когда

мы переходим к третьему рангу, мы находим в нем 80-пушечные корабли, так же трехдечные, в то время как большинство остальных были 70-пушечные, двухдечные. Четвертый ранг составляли корабли так же двухдечные, слабые боевые единицы с 60—50 пушками; это и был наиболее многочисленный класс. Все эти четыре ранга определялись как корабли боевой линии, — линейные корабли (ships of the line). Ниже их имелись корабли пятого ранга, которые хотя и использовались в качестве крейсеров, но не имели однако определенного названия класса. Они в действительности отличались от линейных кораблей только количеством пушек, так как были уменьшенными двухдечными с 44 и 40 пушками. Их нужно рассматривать — если они выражают какую-либо логическую идею морской войны—как предшественников промежуточного (intermediate) класса, представленного в последующие эпохи 50-пушечными кораблями, а в наше собственное время — броненосными крейсерами. Настоящие крейсера находились только в шестом ранге, который включал малые и слабо вооруженные 20-пушечные корабли; между ними и 40-пушечными («forties») не было ничего. Ниже их, но опять-таки без какой-либо ясной диференциации, шли не имевшие ранга шлюпы (sloops), представлявшие собой легкие силы (flotilla).

В подобной системе рангов не было логического различия ни между большими и малыми линейными кораблями, ни между линейными кораблями и крейсерами, ни между крейсерами и легкими силами (flotilla). Единственный отличительный перерыв имелся между 40-пушечными двухдечными и 20-пушечными крейсерами. Так как эти последние корабли, как и шлюпы, пользовались веслами в качестве вспомогательного двигателя, мы вынуждены сделать заключение, что единственной обоснованной классификацией была введенная Генрихом VIII, которая была разумна для его времени, но давно перестала иметь практическое значение при новых условиях морской войны.

Только в течение памятного управления Энсона (Anson) была принята научная система рангов, и флот получил наконец тот логически обоснованный состав, который удержался до наших дней. Вместо первых двух рангов появился класс флагманских кораблей (fleet flagships class) — трехдечные 100- и 90-пушечные корабли. Все меньшие трехдечные были упразднены. Вместо следующих двух рангов мы имеем класс и строй боевой линии — двухдечные линейные корабли увеличенного размера, а именно: 74-пушечные в третьем ранге и 64-пушечные в четвертом. Здесь однако оказывается легкий разрыв в проведении системы, ибо четвертый ранг также включал 50-пушечные двухдечные корабли, которые в течение Семилетней войны перестали рассматриваться как корабли боевой линии.

Военный опыт вел к упразднению малых линейных кораблей и вместе с тем вызвал появление кораблей промежуточного (intermediate) класса между линейными кораблями и крейсерами, с функциями которых мы и будем непосредственно иметь дело. Практически эти единицы вскоре составили самостоятельный класс, который поглотил 60-пушечные корабли на полвека позже. Но наиболее важной из всех энсоновских реформ было введение настоящего крейсера — уже не малого линейного корабля, но судна, специально приспособленного для своих определенных функций, и отличного

по типу одинаково как от линейных рангов кораблей, так и от кораблей флотилий.

Оба прежние типа — 40- и 20-пушечный — были упразднены и их место заняли два крейсерских ранга: пятый — состоявший из 32-пушечных фрегатов и шестой — из 28-пушечных фрегатов, на которые уже не возлагалось никаких боевых функций в строю. Наконец после очень большого промежутка шли не имевшие ранга шлюпы и меньшие суда, которые составляли флотилию для прибрежных операций (coastwise and inshore work), посыльной службы (despatch service) и других однородных этому обязанностей.

Реформы великого Первого Лорда состояли фактически в проведении ясно понятого трехродового состава, при котором различные группы были определенно специализированы в соответствии с функциями, выполнение которых каждой из них предполагалось. Специализация, нужно отметить, является показателем процесса развития. Мы не видим больше стремления приспособить флот к его многообразным обязанностям путем увеличения численности сравнительно слабого типа боевых кораблей, которые смогли бы действовать в линии и которых по числу было бы достаточно и для охраны торговли, но которые не были хорошо приспособлены для каждого из этих назначений в отдельности; вместо этого мы замечаем определенное признание принципа, что линейные корабли должны быть насколько возможно более мощными и что в целях их должного развития они должны быть освобождены от своих крейсерских функций — классом кораблей, специально предназначенных для их выполнения.

Вопрос, который мы должны рассмотреть, состоит в том, развивалась ли эта специализация, просуществовавшая до нашего времени, по правильному пути? Была ли она на деле правильным выражением потребностей, которые указываются теорией военноморской войны?

Под теорией морской войны, повторяем, мы не подразумеваем ничего другого кроме изложения фундаментальных принципов, лежащих в основе всех морских войн. Эти принципы, если мы их определим правильно, должны были бы оказать определяющее влияние не только на стратегию и тактику, но также и на материальную сторону, какие бы методы и средства морской войны ни применялись в каждый данный период времени; и обратно, если мы находим в стратегии, тактике или организации тенденцию повторения тех же форм при широко различных условиях метода и материальных, мы должны были бы быть в состоянии показать, что эти формы имеют постоянное определенное отношение к принципам, которые наша теория стремится выразить.

В энсоновской организации с разделением кораблей на три рода это отношение найти нетрудно, хотя оно затемнено двумя доктринами. Первая — что господство на море достигается посредством действий линейных кораблей («the command of the sea depends upon battleships») и другая, что «крейсера — глаза флота» («cruisers are the eyes of the fleet»).

Зло, присущее доктринам, состоит в том, что они имеют тенденцию быть истолкованными шире своего основного смысла. Обе приведенных выше доктрины выражают истину, но ни одна из них не

выражает всей истины. Ни по одной теории морской войны мы не можем рассчитывать господствовать на море при помощи одних линейных кораблей, как по теории коммуникаций мы не можем считать главной функцией крейсеров разведку для линейного флота; совершенная истина, что контроль зависит исключительно от линейного флота, если он оспаривается неприятельским линейным флотом, как это обычно и бывает. Так же правильно, что коль скоро необходимо, чтобы контроль был обеспечен линейным флотом, то мы должны снабдить последний «глазами» из наших крейсерских сил. Но из этого не следует, что это — главная функция крейсеров. Дело в том, что мы отнимаем их от их главной функции, чтобы выполнить для линейного флота задачу, которую тот не может выполнить для себя.

Очень трудно встретить в прошлом, чтобы разведка когда-либо рассматривалась наикрупнейшими авторитетами в качестве главной функции крейсеров, хотя это и хорошо выражено их названием — «глаза флота». В нельсоновской практике по крайней мере, их главной функцией было осуществление контроля (exercising control), который Нельсон сам обеспечивал своей линейной эскадрой. Ничто не является более известным военноморской истории, чем его непрерывные требования из Средиземного моря о присылке большего числа крейсеров, но значение этого требования оказалось затемнено. Его требования были вызваны не недостаточностью числа его крейсеров по сравнению с числом линейных кораблей — их наличие обыкновенно превосходило число последних почти вдвое, — но это было скорее потому, что он был так глубоко убежден в их истинном назначении, что использовал их для осуществления контроля в пределах, которые иногда сводили число крейсеров, находившихся при линейном флоте (fleet cruisers), ниже уровня самой ограниченной необходимости. Результатом этого, правда благодаря исключительному случаю, было то, что линейный флот противника ускользнул, но дальнейший результат был одинаково важен. Он состоял в том, что и уклонение флота противника все-таки не заставило Нельсона отказаться от того контроля, осуществление которого было ему поручено. Его суждение могло быть ошибочным, но стратегическое распределение его сил было неизменным в течение всего его командования в Средиземном море. Судя по его запискам, нет человека, который когда-либо понимал более ясно, чем он, что об'ектом морской войны является контроль коммуникаций, и если он видел, что не имеет достаточного числа крейсеров для осуществления этого контроля и одновременно для снабжения «глазами» своего флота, то он заставлял терпеть недостаток в крейсерах именно линейный флот, и конечно это в конце концов и является логичным взглядом. Если бы французы были готовы рискнуть для решения борьбы за контроль сражением главных сил, то положение было бы совсем иное. Нельсон тогда был бы вправе пожертвовать осуществлением контроля хотя бы на время, с целью обеспечить, чтобы бой состоялся и чтобы исход сражения был решительным в его пользу. Но он знал, что противник не склонен к такому риску, и не дал ему занятием чисто оборонительного положения дать отвлечь себя от той специальной задачи, выполнение которой было на него возложено.

Если об'ект морской войны есть контроль коммуникаций, тогда основное требование состоит в обеспечении средств для осуществления этого контроля. Поэтому логически, если противник отказывается от боя, мы должны поставить линейный флот на второй план, ибо средством осуществления контроля являются крейсера; линейный флот остается только средством предотвращения помехи к выполнению ими их задачи. Перенесем это для пробы в реальную обстановку. Ни в одном случае мы не можем осуществить контроль одними линейными кораблями: специализация сделала их неприспособленными для этого и слишком дорогим средством, чтобы они стали когда-нибудь достаточно многочисленны для осуществления контроля. Поэтому, даже если бы наш противник не имел линейных кораблей, мы не могли бы осуществить действительного контроля только линейными кораблями. Мы все-таки должны были бы еще иметь крейсера, специализированные для этой цели и в достаточном числе, чтобы сделать контроль действительным. Но обратное положение неверно. Мы могли бы осуществить контроль и одними крейсерами, если бы противник не имел линейного флота, чтобы помешать им.

Если мы теперь поищем формулу для правильного выражения практических результатов нашей теории, она примет приблизительно следующий вид: от крейсеров зависит осуществление (exercising) ними контроля, от линейного флота зависит обеспечение (security) контроля. Это есть логическое следствие наших принципов и оно показывает нам, что распространенная доктрина является завершением вполне логичного рассуждения, исходные точки которого не должны игнорироваться. То положение, что господство на море зависит от линейного флота, тогда совершенно верно, — если учитываются все другие факторы, от которых господство зависит. Истинная функция линейного флота — защищать (to protect) крейсера и легкие силы (flotilla) в их специальной работе. Лучшим средством выполнения этого является конечно уничтожение способности противника мешать этому. Таким образом доктрина уничтожения вооруженных сил неприятеля как главная цель вновь получает подтверждение и настолько сильное, что допускает для наиболее практических случаев даже грубое обобщение в виде формулы, что господство зависит от линейного флота.

Какая же польза, могут нас спросить, от всего этого спора о пустяках? Почему не оставить нетронутым убеждение, что наша первая и наиболее важная задача — сокрушить линейный флот противника и что к этой цели должны быть направлены все наши усилия? Ответ — в дилемме Нельсона. Это была дилемма, которую в золотой век морской войны каждый адмирал должен был решать самостоятельно; и это было всегда наибольшей трудностью всякого оперативного плана. Если мы хотим обеспечить действительность операций линейного флота, придав ему большее число крейсеров, то тем самым мы ослабим действительность и непрерывность осуществления контроля. Если мы хотим сделать этот контроль более действительным путем назначения большего числа крейсеров для его осуществления, мы этим заведомо уменьшим шансы войти в соприкосновение с противником и разбить его линейный флот;

что является единственным средством для достижения более совершенного контроля.

Правильное решение дилеммы будет конечно зависеть от условий в каждом отдельном случае, главным образом от относительной силы и дееспособности линейного флота противника и его вероятных намерений. Но как бы полно мы ни учитывали все относящееся к этому фактору, мы никогда не можем надеяться притти к разумному решению без точного учета всех элементов, от которых зависит господство, и без оценки их сравнительной важности. Это и только это одно окончательно разрешит жизненный вопрос о правильной пропорции, в которой наша крейсерская сила должна быть придана линейному флоту.

Если доктрина об осуществлении контроля крейсерами правильна, тогда каждый крейсер, приданный линейному флоту, отрывается от своего настоящего назначения. Подобный отрыв крейсеров неизбежен. Эскадра линейных кораблей — несовершенный организм, неспособный выполнять свою задачу без помощи крейсеров, но коль скоро выполнение ею этой работы существенно важно для свободы действий крейсеров, часть крейсеров должна быть принесена в жертву. В какой же пропорции? Если мы примем, что господство зависит от линейного флота, тогда мы обязаны придать такое число, какое командующий считает необходимым для того, чтобы абсолютно наверняка войти в соприкосновение с противником и окружить себя непроницаемой завесой. Если мы знаем, что противник ищет сражения, как и мы сами, подобное мнение должно считаться правильным. Но нормально положение таково, что если мы ищем сражения, то потому, что имеем определенную надежду на успех, и следовательно противник будет стараться избежать боя на наших условиях. На деле это означает, что если мы в совершенстве все подготовили для уничтожения главных сил его флота, противник их не подставит, пока не найдет благоприятного для себя момента. Каков же будет результат? Он останется в оборонительном положении, и теоретически весь последующий период бездеятельности будет иметь тенденцию пасть на его чашку весов. Без выхода из порта его флот будет выполнять свою задачу. Чем больше он будет вынуждать нас сосредоточивать нашу крейсерскую силу перед его линейным флотом, тем более он, освобождая от нее море, будет обеспечивать продолжение своей торговли и подвергать нашу своим крейсерским набегам.

Опыт и теория одинаково диктуют в качестве общего принципа, что крейсера должны считаться предназначенными главным образом для активного занятия коммуникаций и что назначение их для нужд флота должно быть сокращено до наименьшего предела, допускаемого разумным риском. Каков именно должен быть этот предел, может быть решено только в зависимости от условий в каждом отдельном случае и от личных качеств командования действующими силами. Нельсоновский образ действий состоял в доведении числа крейсеров при флоте до наименьшего, чем быть может у всякого другого командующего. В самом деле, он их оставил настолько мало, что в кампанию, уже упоминавшуюся нами, в период наибольшей зрелости его суждения, когда благодаря одному неудачному обстоятельству — случайной выдаче его позиции нейтральным — он

вынужден был изменить принятое решение, — флот противника ускользнул.

Итак мы приходим к общему заключению: объект морской войны есть контроль морских коммуникаций[1]. Для осуществления действительного контроля мы должны иметь многочисленный класс кораблей, специально предназначенных для преследования судов. Но возможность осуществления этими кораблями контроля зависит от степени господства, т. е. от нашей способности предотвратить нарушение их операций противником[1]. Их собственные силы сопротивляемости находятся в обратной зависимости от их способности осуществления контроля. Это означает, что чем они многочисленнее и лучше приспособлены для захвата транспортов и борьбы с морской торговлей, тем слабее будет их индивидуальная боевая сила. Мы не можем дать им в полной мере способности противодействия нарушению их деятельности со стороны противника без того, чтобы не уменьшить их способности осуществления контроля.

Решение, принятое в течение великого периода школы Энсона в отношении этой трудной проблемы, состояло в обеспечении для этих кораблей прикрывающей силы из боевых единиц, специально приспособленных для боя. Но здесь опять-таки возникает трудность. Коль скоро мы даем нашим боевым единицам более сильные боевые качества, мы лишаем их свойств, необходимых для разведывательных действий, а разведка весьма существенна для успешности их операций. Линейный флот должен иметь «глаза»; корабли, приспособленные для контроля коммуникаций, оказываются также хорошо приспособленными для выполнения роли «глаз флота»; поэтому на практике производится выделение из числа кораблей, выполняющих операции по осуществлению контроля, достаточного числа единиц, чтобы сделать линейный флот способным действительным образом прикрывать операции тех, которые продолжают осуществлять контроль.

Таковы были широко разработанные принципы, на основе которых должна была всегда разрешаться неизбежная дилемма и на которых была основана организация, введенная Энсоном. Они вытекают естественным образом из коммуникационной теории войны на море, и эта именно теория доминировала затем в области военно-морской мысли, что проявляется отчасти в пользовании в специальном военноморском языке таким выражением, как «линии плавания и коммуникаций» (lines of passage and communication).

Оперативные планы великих стратегов после Энсона и Бархэма (Barham) могут быть всегда расчленены на эти простые элементы, и когда адмиралтейство теряло ориентировку в последних, оно приходило в замешательство и совершало ненужные промахи, как например в американской войне за независимость. В этой борьбе кардинальная ошибка плохого руководства состояла в том, что мы позволили линейному флоту противника притти и занять жизненные «линии плавания и коммуникации» без того, чтобы сначала вы-

---

[1] Разрядка переводчика.

нудить его к бою, — ошибка, совершонная отчасти благодаря нерешительности плохого руководства, отчасти вследствие неудовлетворительной дислокации крейсеров для обеспечения соприкосновения в нужных пунктах.

Итак до этих пор принципы, на основе которых создавалось наше морское превосходство, ясны. По крайней мере нашими врагами, с которыми мы имели дело, система Энсона была удивительно хорошо понята. И Испания и Франция, одинаково, придерживались коммуникационной теории настолько твердо, что они были готовы считать за успех возможность систематического нарушения нашего контроля без какой-либо серьезной попытки обеспечить его в своих целях. Для противодействия подобной политике установленный Энсоном состав флота и стратегия, этим составом подразумевавшаяся, были очень хорошо приспособлены и легко используемы. Но из этого вовсе не следует, что его принципы являются последним словом. Даже в его время начали появляться осложнения, которые вели к затруднениям в применении его системы. В кульминационный год Трафальгара появились признаки ее устаревания, а использование американцами в 1812 г. новых методов и материальных средств вызвало возникновение в ней серьезной трещины. Эти затруднения в дальнейшем продолжали развиваться и потому необходимо рассмотреть, насколько серьезно они осложнили проблему состава флота.

Во-первых было общепризнано и всегда очевидно для нас самих, что наиболее энергичным, экономичным и действительным средством обеспечения контроля является уничтожение средств, которыми располагает противник для его нарушения. В нашей собственной практике эта идея «сокрушения» всегда имела тенденцию заявлять о себе настолько веско, что иногда средства для ее осуществления становились на время более важными, чем цель; иначе говоря, обстоятельства бывали таковы, что при случае признавалось разумным пожертвовать на время осуществлением контроля, чтобы быстро и окончательно лишить противника всех средств его нарушения. Когда имелись значительные надежды, что противник рискнет на бой, это соображение пересиливало все другие, но когда, как в нельсоновском случае на Средиземном море, надежда на бой была мала, осуществление контроля занимало главенствующее место.

Следующее осложнение возникло из того факта, что как бы ни было сильно наше прикрытие из линейных кораблей, невозможно абсолютно обеспечить осуществление контроля крейсерами от нарушения его посредством спорадических атак. Отдельные крупные корабли, используя возможные преимущества обстановки на море, могли прорвать даже сильнейшую блокаду, и один такой корабль, если бы ему удалось достигнуть линии коммуникации, мог парализовать операции нескольких более слабых единиц. Они должны были или разбегаться или сосредоточиваться, и в любом случае контроль оказывался нарушенным. Если нарушала контроль эскадра крупных кораблей, то против нее обычно снаряжалась дивизия из состава прикрывавшего линейного флота. Но было очевидно в высшей степени неприемлемым и противоречащим всей идее, на которой была основана конституция флота, чтобы каждая легкая

опасность для контроля, выполнявшегося крейсерами, нарушала цельность главного флота.

Поэтому было необходимо дать линии крейсеров некоторую силу сопротивляемости. Но коль скоро эта необходимость была признана, было весьма трудно установить, где именно следовало остановиться на пути увеличения боевой силы крейсеров, и рано или поздно, пока не были бы найдены средства разрешения этого вопроса, различие между крейсерами и линейными кораблями практически исчезло бы. Такое средство было найдено в создании типа корабля, который может быть назван «промежуточным» («intermediate»). Фактические фрегаты продолжали увеличивать свои размеры и боевые качества в течение всего остального периода эпохи парусного флота, но сила сопротивляемости была достигнута не только одним этим способом. Отрицательные результаты этого увеличения были предотвращены введением типа кораблей поддержки (supporting ship), средних между фрегатами и настоящими кораблями боевой линии (ship of the line). Причислявшийся иногда к классу линейных кораблей и занимавший их место в линии 50-пушечный корабль стал преимущественно типом корабля, использовавшегося для усиления крейсерских эскадр. Корабли этого типа чаще всего служили как флагманские корабли командующих крейсерами (cruiser commodores) или были стационерами в районах окончаний или в узлах морских путей, где спорадические крейсерские рейды были всего вероятнее и наиболее опасны. Стратегический результат наличия подобных кораблей в составе крейсерской линии состоял в том, что сила «промежуточного» корабля становилась присущей до некоторой степени всей линии, так как всякому неприятельскому крейсеру, старавшемуся ее расстроить, пришлось бы иметь дело с кораблем поддержки, фрегаты же и 50-пушечные корабли, соединившись, могли явиться достаточно сильным противником даже для небольшого линейного корабля.

В дни парусного флота конечно значение корабля поддержки было слабо благодаря несовершенствам средств связи на больших расстояниях между кораблями в море и отсутствию средств для связи за пределами наибольшей видимости. Но с развитием радиотелеграфа совершенно естественно ожидать, что стратегическая ценность корабля поддержки, или промежуточного, будет больше, чем она была когда-либо в дни парусного флота, и что для противодействия спорадическим нарушениям появится стремление доводить силу сопротивляемости крейсерской линии до мощности ее наиболее сильных единиц.

Для службы с флотом сила сопротивляемости крейсера едва ли менее ценна, так как, хотя мы говорим о крейсерах флота, как о его «глазах», но их назначение также и в том, чтобы «закрыть глаза противнику» (to blindfold the enemy). Их обязанность не только в том, чтобы раскрыть движение противника, но также действовать как завеса для скрытия нашего собственного. Это сильнее всего проявилось в блокадах, где старые 50-пушечные корабли почти всегда находились с прибрежной крейсерской эскадрой, предотвращая прорыв ее линии фрегатами-разведчиками.

Хотя важность этой силы сопротивляемости завес была велика уже в старые дни, она стала теперь в десять раз больше, а отсюда

возникла и соответственная трудность — бо́льшая чем когда-либо — сохранять крейсера отличными от линейных кораблей. Причину этого лучше всего разобрать в качестве третьего и наиболее серьезного осложнения.

Третья причина осложнения есть приобретение легкими силами (flotilla) боевых качеств. Эта черта морской силы совсем нова[1]. Для каких-либо практических целей она не получила значения до полного развития самодвижущейся торпеды. Брандер в том виде, как он был первоначально задуман, рассматривался как имеющий некоторую боевую силу. В продолжение голландских войн, в период расцвета его применения, приписывавшаяся ему сила была действительно использована в некоторых случаях, как например при сожжении флагманского корабля Лорда Сандвича (Lord Sandwich) в сражении у Сольбэй и при уничтожении Дюкеном (Duquesne) испано-голландского флота у Палермо. Но так как по мере совершенствования морского дела и кораблестроения подвижность больших кораблей увеличивалась, то брандер перестал иметь какое-либо значение в качестве боевого средства, тем более, что флот на якоре тщательно защищался своими дозорными кораблями (picket-boats). Действительно, к середине XVIII столетия случаи использования брандера по его специальному назначению считались совершенно исключительными, и хотя тип сохранился до конца столетия, однако его нормальные функции почти совсем не отличались от функций легких сил (flotilla), в состав которых он тогда входил.

Эти последние функции, как мы видели, явились выражением крейсерской идеи в ее наиболее чистом виде. Скорее необходимость большого числа и большой подвижности определили тип легких сил (flotilla), чем вооружение, мореходность и район действия. Их главным назначением было осуществление контроля коммуникаций в водах метрополии и колоний против слабо вооруженных приватиров.

Этот тип, определявшийся такими обязанностями, был пригоден для использования также для второстепенных надобностей в прибрежном районе и для посыльной службы при флоте. Больше того, благодаря вездесущности кораблей этого типа вследствие их многочисленности и их способности действовать против невооруженных или легко вооруженных судов, им была доверена первая линия обороны против вторжения. Эти последние обязанности конечно были исключением, и Navy List[2] не включал как правило достаточного числа их для этого назначения. Но исключительная ценность кораблей этого класса была та, что они были способны быстро и почти безгранично увеличиваться в числе за счет торгового флота. Всякое судно, которое было способно нести пушку, могло быть использовано, и в период наполеоновской угрозы численность оборонительной флотилии возрастала в общем значительно более тысячи единиц.

---

[1] Но не без аналогичных прецедентов. В последний период средних веков на малые корабли возлагалась в сражении задача пытаться повредить рули больших кораблей или пробить в их борту отверстия в районе ватерлинии (см. Fighting Instructions, Navy Record Society, p. 12).

[2] Список личного состава и кораблей английского флота, издающийся периодически адмиралтейством. Прим. ред.

Какими грозными и дееспособными ни были легкие силы этого типа в области своих задач, они очевидно ни в какой мере не могли увеличить безопасность линейного флота. Но с тех пор как они приобрели боевую мощь, все положение изменилось, и старые принципы постройки крейсеров и их распределения разлетелись вдребезги. Линейный флот стал более несовершенным организмом, чем когда-либо. Первоначально только его наступательная сила требовала усиления. Новые же условия означали, что без помощи он не может больше обеспечить свою собственную защиту. Теперь он требовал завесы не только от наблюдения, но также от атак легких сил. Теоретическая слабость приостановленного наступления получила такую практическую и конкретную иллюстрацию, какую война едва ли когда-нибудь знала. Наши наиболее сильно ценившиеся стратегические традиции были потрясены до основания. «Настоящее место» («the proper place») нашего линейного флота всегда было «у берегов неприятеля» («on the enemy's coasts»), а теперь оно стало там, где противник хотел его видеть. Что оставалось делать? Такая прекрасная традиция не могла быть легко оставлена, но зато попытка сохранить ее вела нас еще дальше к заблуждениям. Жизненной, наиболее трудной и наиболее глубокой проблемой стало не то, как увеличить силу линейного флота для наступления, — что является сравнительно простой вещью, — но как защитить его. Так как наступательная мощь легких сил развивалась, то проблема требовала решения с неотложностью, почти вызывавшей замешательство. По мере увеличения скорости и мореходности торпедных сил (torpedo craft), проблема создания охранной завесы вырастала более определенно. Чтобы держать неприятельские легкие силы за пределами их ночного радиуса действия, охранная завеса должна была становиться все шире и шире, а это означало необходимость отрывать все большее и большее число крейсеров от их главного назначения. И не только это. Охранение должно было быть не только бо́льшим по ширине занятого им района, но оно должно было быть как можно более непроницаемым. Другими словами его собственная сила сопротивляемости должна была быть увеличена по всей длине его линии. Все эскадры броненосных крейсеров должны были быть приданы линейному флоту для поддержки более слабых единиц охранения. Вопиющая нужда в этом типе вызвала быстрое движение в сторону увеличения их боевой силы, а вместе с тем с одинаковой быстротой исчезла экономическая возможность дать классу крейсеров существенно необходимую численность.

В качестве неизбежного результата мы оказались вынужденными сделать попытку одновременно восстановить в легких силах некоторые прежние качества крейсеров посредством снабжения их артиллерийским вооружением, придания большей мореходности и оборудования средствами дальней связи,—все это ценой их «крейсерской» специализации и необходимой экономичности в стоимости постройки и содержания. В соответствии с прошлым опытом типам крейсеров стало необходимым придание еще некоторых средств, все увеличивавшихся в числе, но оставалось неясным однако, каким образом возможно обеспечить полностью эти потребности на кораблях ранга действительных крейсеров. Не было найдено предела, на котором следовало остановить тенденцию роста этого класса кораб-

лей в размере и стоимости возвратить его к выполнению той стратегической роли, которую этот класс обычно выполнял. Но линейная эскадра стала настолько необеспечена, настолько стала она несовершенна в отношении обслуживания себя своим собственным оружием, что ее потребности преодолели старый порядок вещей, и осуществление контроля под прикрытием линейного флота перестало быть главной функцией кораблей крейсерского назначения. Линейный флот теперь требует крейсерской охраны, и то, в чем нуждается линейный флот, считается первой необходимостью.

С точки зрения практики морских войн старого времени положение, которое должно таким образом установиться, является аномалией. Но все военноморское искусство претерпело революцию, вышедшую за пределы всего предыдущего опыта, и возможно, что старая практика не является больше хорошим путеводителем. Под давлением тех же неизбежных необходимостей каждая морская держава следует по тому же пути. Он может быть правилен, может быть ложен, но никто по крайней мере кроме невежественного или легкомысленного человека не решится вынести категорическое суждение. Лучшее, что мы можем сделать, это стремиться учесть реальное положение, к которому, несмотря на все сомнения, мы были приведены силой обстоятельств, и определить его соотношение с предшествовавшим процессом развития.

Это несомненно трудная задача. Как мы видели в вопросе о составе флота, в разные времена были преобладающими несколько различных методов выражения требований морской войны. Нынешняя система отличается от всех их. С одной стороны мы имеем тот факт, что развитие крейсерской силы в последний период окончательно сглаживает все логические различия между крейсерами и линейными кораблями, и в результате мы оказываемся по соседству с конституцией флота времен старых голландских войн. С другой стороны однако мы имеем броненосные крейсера, организованные в эскадры и приданные линейным флотам не только для стратегических целей, но также с еще не вполне определившейся тактической функцией в бою. Здесь мы вплотную подошли к последнему развитию парусной эпохи, когда «передовые» («advanced») или «легкие» («light») эскадры появились в организации линейных флотов.

Система возникла в конце XVIII столетия в Средиземном море, где условия контроля требовали такого широкого рассредоточения крейсеров и такого большого их числа, что было почти неизбежным для линейной эскадры в этом море обслуживать себя в более или менее значительной степени собственной разведкой. По-видимому для этой именно цели наиболее быстроходные и легкие линейные корабли были сведены в отдельное соединение, и первое назначение, полученное им, было служить «эскадрой наблюдения» («observation squadron»). В дальнейшем Нельсон имел намерение возложить на них тактические функции, но его идея не была осуществлена ни им, ни его преемниками.

Бок-о-бок с этим новым тактическим соединением в организации линейного флота, которое возможно лучше всего назвать «легкая дивизия» («light division»), мы имеем другой знаменательный факт. Она не только не всегда была составлена из «кораблей боевой линии» («ships of the line»), особенно у французов, но в 1805 г., в год

-- полного развития, мы видим Ричарда Страшана (Richard Strachan) использующим тяжелые фрегаты, приданные к его линейной эскадре, в качестве «легкой дивизии» и назначающим им определенную тактическую функцию. Кризис французского флота остановит дальнейшее развитие этой идеи. Мы не можем сказать, куда бы оно привело. Но невозможно закрывать глаза на эти признаки усиления тенденции развития в сторону существующей в настоящее время системы. Наконец трудно игнорировать тот факт, что оба, и Нельсон и Страшан, в этот год достижения флотом своего высшего развития, под влиянием требований военной действительности нашли, что в составе флота не хватает чего-то, и это было тем, что он содержит теперь. Нельсон думал ни о чем ином, как о линейном корабле с крейсерской скоростью. Страшан желал иметь крейсер, который смог бы вместе с флотом принять участие в бою с тактическим назначением. Мы имеем и то и другое, но с каким результатом? Энсоновская специализация типов почти исчезла, и наша современная конструкция флота едва отличается от таковой XVII столетия. Мы сохраняем названия трех родов кораблей, но система сама по себе в действительности изменилась. Линейные корабли частично превратились в броненосные крейсера, броненосные крейсера — в «защищенные» крейсера («protected» cruisers). Исключая деление кораблей на два рода, мы едва можем найти какие-либо действительные различия между судами, главное оружие которых — артиллерия, и судами, главное оружие которых — торпеда. Но даже здесь существование типа крейсеров, предназначенных для действий с торпедными силами, нарушает схему, так как наряду с этим, как мы видим, наибольшие единицы легких сил (flotilla) приближаются к типу крейсера.

Таким образом мы находимся лицом к лицу с положением, которое имеет близкое сходство с имевшим место во флоте XVII столетия, лишенном четкой структуры. Что военноморская мысль почти повторила путь, пройденный в течение двух веков, достаточно удивительно, но это покажется еще более удивительным, когда мы рассмотрим, насколько сильно отличаются причины положения, создавшегося тогда, и положения в наше время. Обстановка, вызвавшая нынешнее положение, обязана двум причинам. Одна — сильное развитие типа промежуточного корабля, первоначально предназначавшегося для охраны морской торговли (commerce protection) и возникшего под влиянием угрозы, которую научил нас уважать опыт американской войны. Другая — появление торпеды и соответственное увеличение уязвимости линейных эскадр в случае отсутствия достаточной охранной завесы. Ничто подобное не имело влияния на состав флота XVII столетия. Но если мы поищем глубже, мы найдем менее очевидное соображение, слишком однако важное, чтобы можно было его игнорировать.

Выше было высказано мнение, что конституция флотов имеет в большей или меньшей степени заметную связь с преобладающей теорией войны. Исходя из этого, мы можем, несмотря на все окружающие нас неопределенности, заключить с достаточной уверенностью, что теория, которая господствует теперь, имеет величайшее сходство с теорией, доминировавшей среди адмиралов из сухопутных генералов в голландской войне: то была теория «сокрушения»

(overthrow theory) — твердая уверенность, которую они принесли с собой на море с полей брани Новой армии, что решительное сражение — ключ к решению всех стратегических проблем. В первой войне, по крайней мере, охрана торговли должна была уступить необходимости бросить в бой все, что только могло повлиять на его исход. Такой образ действий не был конечно продиктован какой бы то ни было ясно сознававшейся теорией абсолютной войны. Он был применен скорее вследствие того, что благодаря географическим условиям все попытки охранять пути сообщения были бесполезны без господства в водах метрополии в Северном море, и это получило свое подтверждение в проявившемся стремлении Британии к действительному господству на окружающих ее морях. Это была действительно война, напоминавшая скорее континентальное завоевание территории, чем военноморскую борьбу, характеризовавшую наше соперничество с Францией.

Возможно ли в таком случае, как бы мы ни возражали против указания на преданность традициям XVIII столетия, чтобы под'ем новой морской державы на месте Голландии мог заставить нас вернуться к энергичным, но примитивным методам голландских войн и перешагнуть через проникнутую ясной идеей систему Энсона? Это ли искушало нас относиться с недоверием ко всякому типу корабля, который не мог быть брошен в бой? Возрождение грозного соперничества на Северном море не было конечно главной причиной реакции. Она началась прежде, чем выросла угроза. Однако и угроза без сомнения усилила ее развитие и, если даже она не является причиной, то может служить во всяком случае оправданием.

Глава третья.

Теория метода—сосредоточение и рассредоточение сил [1].

В качестве метода, которым достигаются цели войны, стратегия часто определяется как искусство собирания наибольших сил в нужное время в нужном месте; этот метод зовется «сосредоточением» («concentration»).

С первого взгляда термин кажется простым и достаточно выразительным, но при его анализе оказывается, что он заключает в себе несколько различных принципов, и однако для всех их применяется одинаково. В результате этого он является источником заблуждений даже для наиболее ясных писателей. «Слово сосредоточение, — говорит один из наиболее недавних из них, — вызывает представление об идее группирования сил. Мы действительно уверены, что не можем вести войну без группирования (grouping) кораблей в эскадры и эскадр во флоты» [2].

Здесь в одной фразе нашим термином подразумевается два понятия: организация (formation) флотов и их стратегическое распределение (distribution). Подобное смешение будет спутывать изучающего предмет на каждом шагу. В одном месте он встретит использование этого слова для обозначения того, что противоположно разделению (division) и рассредоточению (dispersal) сил; в другом — для обозначения стратегического развертывания (deployment), которое включает так же разделение в большей или меньшей степени. Он встретится с его применением для обозначения процесса собирания сил так же, как и состояния сил, когда этот процесс закончен. Все дело в том, что термин, являющийся одним из наиболее общеупотребительных и наиболее необходимых в стратегии, никогда не приобретал особенно точного значения, и этот недостаток точности есть одна из самых обычных причин различия в мнениях и спорных суждений. Между тем нет другого стратегического термина, который так настоятельно требовал бы более ясного определения содержания, в нем заключающегося.

[illegible] терминологии, из которой взято это слово, употребляет «сосредоточение» в трех значениях. Им пользуются для обозначения собирания войсковых частей армии после их мобилизации. В этом смысле сосредоточение — по преимуществу административный процесс: он означает завершение процесса мобилизации, при котором армия получает свою военную организацию и приобре-

[1] Theory of the method—concentration and dispersal of force. — Примечание переводчика.

[2] Daveluy. „L'ésprit de la guerre navale", vol. I, стр. 26. примечание.

тает готовность к выступлению в поход. Второй смысл, в котором им пользуются, это для обозначения процесса движения армии, уже сформированной или находящейся в процессе формирования, к тем местностям, из которых лучше всего могут быть начаты операции. Это — уже настоящая стратегическая ступень, и она завершается тем, что известно под названием «стратегическое развертывание» (deployment). Наконец им пользуются для обозначения последней ступени, когда армия, будучи развернута таким образом, вышла на определенную операционную линию в полной готовности для тактического развертывания, т. е. собрана для нанесения сосредоточенного удара.

Хотя эта терминология повидимому хорошо служит на суше, где перечисленные процессы имеют стремление перекрывать один другой, требуется нечто более точное, если мы хотим просто распространить ее на море. Иначе такое распространение приведет к ошибкам на каждом шагу, и правильное мышление окажется крайне затрудненным. Если даже мы не будем использовать первого значения, означающего заключительную ступень мобилизации, у нас остается еще два других, которые в значительной мере взаимно противоречат. Существенные отличительные черты стратегического развертывания, которое рассматривает дислокацию с точки зрения выбора необходимых комбинаций, состоит в сохранении гибкости (flexibility) и свободы движения. Характерной же чертой армии, стянутой для удара, является отсутствие гибкости (rigidity) и ограниченная подвижность. В одном смысле под сосредоточением мы подразумеваем осуществление расположения сил, которое скроет наше намерение от противника и позволит нам приспособить наши передвижения к оперативному плану, развитием которого они являются. В другом — стратегическая скрытность отсутствует. Мы уже сделали выбор и предприняли определенную операцию. Ясно таким образом, что если мы захотим применить принцип сухопутного сосредоточения к морской войне, то должны будем установить, какую из указанных двух фаз мы подразумеваем под этим термином.

Какое же значение более тесно связано с обыденным использованием этого слова? Словари определяют сосредоточение как «состояние собранности к одной общей точке или центру», и это совпадает очень точно с той ступенью осуществления плана войны, которая располагается между выполнением мобилизации и окончательным стягиванием сил или развертыванием их для сражения. Это является незаконченным и продолжающимся актом. Его окончательным результатом является стянутая и сформированная масса войск (mass). Это есть метод обеспечения массирования (стягивания массы) войск в нужное время, в нужном месте. Как мы видели, сущность состояния стратегического развертывания, к которой и сводится его смысл, это — гибкость. В войне на выбор времени и места будут всегда влиять диспозиция противника и его передвижения или наше желание нанести ему неожиданный удар. Достоинство сосредоточения с этой точки зрения в том, что оно позволяет нам собрать массу войск, сформированную для удара, во-время в одной из многочисленных точек, где эта масса может потребоваться.

Специально для обозначения этой именно стадии самые последние руководства по стратегии и склоняются применять термин «со-

средоточение», квалифицируя его, как «стратегическое сосредоточение» (strategic concentration). Но даже это определение не вполне разрешает вопрос, ибо последующий процесс собирания армии в исходное положение для тактического развертывания есть также стратегическое сосредоточение. Требуется некоторая дальнейшая специализация термина. Аналитическое различие между этими процессами состоит в том, что первый является действием из области большой стратегии, а второй — из области малой и, если они должны быть полностью различны, мы должны обременить себя такими терминами, как «большое стратегическое» и «малое стратегическое сосредоточение» («major and minor strategic concentration»).

Пользование этой терминологией затрудняется ее громоздкостью. Она может служить только для того, чтобы оттенить, что промежуточная ступень логически отличается от третьей настолько же сильно, насколько и от первой. На практике это приводит к следующему. Если мы намереваемся пользоваться термином «сосредоточение» в его естественном смысле, мы должны рассматривать сосредоточение как нечто начинающееся после завершения мобилизации и оканчивающееся перед самым формированием массы войск для нанесения удара (formation of mass).

В морской войне, по крайней мере, это различие между сосредоточением и стягиванием (mass) весьма существенно для ясного понимания. Оно ведет нас к заключениям, имеющим первостепенную важность. Например, когда стягивание массы сил закончено (the mass is formed), скрытность и гибкость приходят к концу. Поэтому, чем дальше от окончания стягивания сил для их маскирования мы можем остановить процесс сосредоточения, тем лучше. Чем меньше мы связываем себя каким бы то ни было частным стягиванием сил и чем меньше мы указываем, каковы наши стянутые силы и где они будут находиться, тем более угрожающие наше сосредоточение. Для сосредоточения поэтому идея разделения сил (division) столь же существенно важна, как и идея связности сил (connection). Это есть то представление о процессе сосредоточения, которое по крайней мере для морской войны авторитетный автор наиболее сильно подчеркивал. «Таково, — говорит он, — сосредоточение, разумно понятое: (корабли. — Ред.) не согнанные вместе, как стадо овец, но расположенные в соответствии с общим намерением и связанные вместе дееспособной энергией единой воли»[1]. Корабли в положении сосредоточения он сравнивает с веером, который открывается и закрывается. В этом изображении сосредоточение означает не сплошное однородное тело, но сложный организм, управляемый из общего центра и достаточно эластичный, чтобы иметь возможность занять широкий район без принесения в жертву взаимной поддержки его частей.

Если теперь мы исключим значение простого собирания и понятие стягивания сил, мы оставляем значение, которое выражает **связное размещение вокруг стратегического центра**[2], и это, как будет видно, дает для морской войны как раз такое действенное определение содержания термина, в каком мы

---

[1] Mahan,—War of 1812, I, стр. 316.
[2] Разрядка наша —Ред.

нуждаемся в качестве аналогичного термину «стратегическое развертывание» на суше. Целью морского сосредоточения, подобно цели сухопутного стратегического развертывания, будет занять возможно больший район и сохранить в то же самое время эластичное сцепление сил таким образом, чтобы обеспечить быстрое соединение всяких двух или более частей организма в любой части занятого района по воле управляющего организмом центра и кроме того чтобы обеспечить надежный и быстрый сбор всего целого у стратегического центра.

Более того, сосредоточение такого характера явится выражением оперативного плана, который, будучи всецело основан на централизованно стянутых силах (ultimate central mass), все же сохраняет возможность выполнения или отражения малых атак в любом направлении. Оно позволит нам осуществлять контроль над морем, пока мы ожидаем и стремимся создать благоприятную возможность для решительных действий, которые обеспечат контроль постоянным образом, и позволит это без ущерба для возможности введения в действие наибольших сил, когда момент для решения настанет. На деле сосредоточение подразумевает постоянное противоречие между связностью (cohesion) и протяженностью (reach), и правильное согласование для практических целей указанных двух моментов, сравнительное значение которых всегда меняется, составляет наиболее важную часть практической стратегии.

В морской войне степень сосредоточения имеет в развитии кампании особенное значение, которое присуще морю более, чем суше. Вследствие обширной величины современных армий, ограниченности их линий передвижения и их меньшей подвижности по сравнению с флотом, процессы собирания (assembly), сосредоточения и стягивания боевой массы войск переходят один в другой без имеющего какое-либо практическое значение разграничения. Армия часто достигает необходимой степени стратегического развертывания непосредственным движением ее войсковых частей из мобилизационных баз и в ряде известных случаев ее действительное сосредоточение имело место лишь на поле сражения. В континентальной войне таким образом меньше трудностей в пользовании термином, обозначающим все три процесса, так как они имеют тенденцию всегда взаимно перекрывать друг друга. Но на море, где коммуникации всегда свободны и не ограничены природными препятствиями и где подвижность сил велика, термины, обозначающие эти три процесса, нуждаются в более отчетливой диференциации. Нормально сбор флота происходит в порту; оттуда резко отличающимся от прочих действий переходом он следует к стратегическому центру и затем расходится отдельными отрядами, как это требуется обстановкой. Сосредоточение у этого центра может быть по характеру очень далеким от стягивания сил, и окончательное «формирование боевой массы»[1] не будет иметь сходства с предыдущими движениями, а будет вполне отличным от них.

Но как ни свободен флот от специфических факторов, связывающих на суше свободу действий армий, тем не менее на море всегда существуют свои особые условия «трения», связывающие свободу

[1] Кавычки переводчика.

выбора диспозиции. Одним источником этого трения является защита торговли. Как бы настоятельно наш оперативный план ни требовал тесного сосредоточения, надобность в защите торговли всегда будет вызывать необходимость рассредоточения сил (dispersal). Другой источник — особенная свобода и скрытность движений на море. Море не знает путей, которые предопределяли бы или указывали бы наши операционные линии, и так же мало оно говорит и об операционных линиях противника. Всегда необходимо иметь в виду, что наиболее удаленные и широко разбросанные пункты могут стать возможными об'ектами действий неприятеля. Если мы добавим к этому, что и два флота и более чем два могут действовать совместно из отдаленных одна от другой баз с гораздо большей уверенностью, чем это возможно для армий, то станет очевидным, что разнообразие оперативных комбинаций много больше на море, чем на суше, а это разнообразие комбинаций всегда находится в противоречии с состоянием централизованно стянутых сил (central mass).

Из этого следует, что пока флот противника разделен и таким образом сохраняет возможность как сосредоточенных, так и спорадических действий, наше распределение сил (distribution) будет определяться необходимостью быть в состоянии иметь дело с разнообразными комбинациями и защищать разнообразные об'екты действий неприятеля. Наше сосредоточение поэтому должно оставаться настолько широким (open) и гибким, насколько возможно. История показывает нам, что чем более обширен и свеж был наш опыт и чем увереннее было ведение нами войны, тем свободнее были наши сосредоточения. Идея стягивания сил как добродетель сама по себе есть пища для мирного времени, а не для военного. Она является показателем расслабляющей мысли, что на войне мы должны стремиться скорее избегать поражения, чем его нанести. Правда, защитники тесного стягивания сил подкрепляют себя благовидной концепцией, что их стремление — нанести сокрушающее поражение. Но это так же соображение для мирного времени. *Война совершенно исчерпывающе доказала, что победы не только выигрываются, но должны подготовляться*[1]: они должны быть подготовлены смелым стратегическим комбинированием, которое как правило связано по крайней мере с ясно проводимым рассредоточением; они могут быть достигнуты только, если идти на риск, а с самым большим, но наиболее действительным по результатам риском связано разделение сил (division).

Влияние продолжительного мира превращает сосредоточение в своего рода пробный камень, и проведение при нем разделения флота по большей части рассматривается как верный признак плохого руководства. Критики теряют из виду опыт прежних войн, показывающий, что без разделения сил невозможно никакое стратегическое комбинирование. В действительности оно всегда должно основываться на разделении сил. Разделение сил плохо лишь тогда, когда оно выходит за пределы хорошо слаженного развертывания: теоретически неправильно ставить часть флота в такое положение,

---

[1] Разрядка переводчика.

что она сможет быть оторвана от стратегического центра, если будет встречена превосходящей ее силой. Отступление в подобных случаях конечно не может быть выполнено всегда наверняка; оно всегда будет зависеть в некоторой мере от искусства и ресурсов неприятельских сил и от условий погоды, но на риск надо итти. Если мы ничем не будем рисковать, мы редко достигнем чего-нибудь. Великий вождь, это — тот человек, который может правильно оценить, до какой ширины развертывания он может растянуть свое сосредоточение. Эта способность смелого и верного согласования взаимной связанности сил и протяженности их расположения есть на деле высшая проба для того суждения (judgment), которое в практическом ведении войны занимает место стратегической теории.

В британской военноморской истории примеры ошибочного разделения сил нетрудно найти. Случай, обыкновенно приводимый в качестве примера, очень давний. Это было в 1666 г. во время второй голландской войны. Монк (Monk) и Руперт (Rupert) командовали главными силами флота, которые после выхода из своих мобилизационных баз в Темзе и Спитхэде были сосредоточены в Доунсе (карта 1). Там они ожидали выхода в море Де-Рюйтера (De Ruyter), находясь в положении, из которого они одинаково могли действовать против неприятеля как в случае, если его целью был бы набег против Темзы, так и при попытке соединиться с французами. Когда они находились в этом положении, до них дошли слухи, что тулонская эскадра была на пути к Английскому каналу для совместных действий с голландцами. На основании этого ложного осведомления флот был разделен, и Руперт отправился обратно в Портсмут для прикрытия позиции флота на случай, если бы она оказалась объектом действий французского флота. Де-Рюйтер немедленно вышел в море с флотом, значительно превосходившим отряд Монка. Последний однако, использовал появившийся тем временем туман, решил застать Де-Рюйтера врасплох на якоре и, полагая, что имеет тактические преимущества, стремительно атаковал его. В это время выяснилось, что французского флота не было, и Руперт был отозван. Ему удалось соединиться с Монком после того, как бой последнего с Де-Рюйтером уже длился три дня. В результате Монк очень серьезно пострадал, был принужден отступить в Темзу, и в общем считали, что только прибытие Руперта, хотя бы и запоздалое, спасло нас от истинного бедствия.

Стратегия в этом случае подвергается обычно немедленному осуждению и ей приписывается вся вина неудачи. Считают что Монк, который показал себя лучшим сухопутным стратегом своего времени, запутался вследствие совершенного незнания элементарных принципов. Полагают, что он должен был держать свой флот стянутым в одно целое (massed), но его критики забывают, что это — по крайней мере с точки зрения того времени — не соответствовало бы положению в данном случае. Если бы он держал весь свой флот соединенно для действий против Де-Рюйтера, то последний возможно не вышел бы в море, и тогда несомненно Портсмут и остров Уайт оказались бы беззащитными против французов, если бы те пришли. Если же он двинул бы все свои силы для действий против французов он открыл бы Темзу Де-Рюйтеру. Это было положение, которое не могло быть разрешено простым применением того,

что французы зовут «стянутой массой сил» (masse centrale). Единственным способом обеспечения обоих направлений от атаки было разделение флота, точно так же, как в 1801 г. Нельсон был принужден на этом же театре разделить свои оборонительные силы. Ни в одном из этих случаев разделение сил не было ошибкой, ибо оно было неизбежной необходимостью. Ошибка в случае с Монком и Рупертом была в том, что они увеличили протяженность своего расположения (reach) без достаточного обеспечения связности (cohesion). Тесная связь при посредстве крейсеров должна была бы поддерживаться между двумя отрядами, и Монк не должен был бы вводить все силы в бой, пока не почувствовал бы, что Руперт возле него. Это по дошедшим до нас сведениям было мнением и его флагманов. Они считали, что он не должен был вступать в бой в тот момент, когда он это сделал. Правильным образом действий по принципу Кемпенфельта (Kempenfelt) было бы нависнуть на отряде Де-Рюйтера так, чтобы связать его во всех его движениях, не давая ему сделать что-нибудь, и затем медленно отступать, увлекая голландцев за собой, пока потерянное сосредоточение не было бы восстановлено. Если бы Де-Рюйтер не последовал за ним через проливы, то было бы вполне достаточно времени для слияния флота. Если бы Де-Рюйтер последовал, то он мог бы быть вынужден к бою в таком положении, из которого не смог бы выйти невредимым. На деле имела место не стратегическая ошибка, но скорее ошибка тактического суждения (tactical judgment). Монк переоценил преимущества внезапности своей атаки и сравнительную боевую силу обоих флотов и считал, что нашел путь к достижению победы одними своими силами. Опасность разделения сил — в возможности быть захваченным неожиданно и быть вынужденным сражаться с превосходящими силами противника. Не это было в случае с Монком. Он не был захвачен врасплох и легко мог бы избежать сражения, если бы этого хотел. Разбор этого случая, пользуясь принципом сосредоточения как «пробным камнем», может только повести к установлению такого же сварливого образа мыслей, как тот, который осудил самое известное разделение сил, применявшееся во время кризиса в кампании 1805 г. и которое мы исследуем позже.

Если в общем опасно пользоваться понятиями или принципами подобным образом, то очевидно это тем более неразумно в отношении сосредоточения и разделения сил. Общепринятое правило состоит в том, что разделение сил вредно, если мы не имеем большого превосходства; однако было много случаев, когда в войне с более слабым противником главным затруднением для нас было то, что он держал флот разделенным и был способен таким образом устроить что-нибудь подобное мертвой хватке. Главной целью наших морских операций тогда было преодолеть это разделение. Вынуждение более слабого противника сосредоточить свои силы есть действительно почти неизбежное предварительное условие обеспечения одной из тех сокрушительных побед, к которым мы должны всегда стремиться, но которые так редко достигаются.

Принуждая противника к сосредоточению, мы получаем путем умелого распределения сил благоприятный случай сокрушить его флот по частям. Побуждая его к стягиванию сил, мы упрощаем нашу проблему и принуждаем его выбирать между предоставлением нам

использования господства на море и решением спора о господстве генеральным сражением.

Защитники тесного сосредоточения (close concentration) ответят, что это достаточно верно. Мы часто стараемся принудить противника к сосредоточению, но это не доказывает, что оно иногда становится недостатком, ибо мы сами должны провести тесное сосредоточение, чтобы вынудить противника ко тому же. Действительно, правило, что сосредоточение рождает сосредоточение, становится общепризнанным, но не будет сказано слишком сильно, что это правило, которое историей решительно опровергается. Если противник решается все поставить на карту в бою, тогда это верно. Но если мы имеем слишком большое превосходство или наше сосредоточение слишком хорошо проведено, чтобы он мог надеяться на победу, тогда сосредоточение нами сил почти всегда имеет результатом принуждение противника к рассредоточению сил (dispersal) для спорадических операций. Это результат настолько определенный, что в наших прошлых войнах, в которых мы обыкновенно имели превосходство, мы всегда применяли возможно более широкое сосредоточение, чтобы предотвратить переход неприятеля к спорадическим операциям. Правда, тенденцию Франции применять такой способ ведения войны обыкновенно считают некоторой врожденной несообразностью, находящейся за пределами стратегии как науки, но этот взгляд является скорее результатом раздражения, которое вызывал у нас этот метод, чем трезвого рассуждения. Для сравнительно слабого воюющего спорадическая операция лучше, чем ничего, и кроме нее для него был только один другой выбор — играть в нашу пользу, пытаясь рисковать решительным сражением, добиться которого было нашим главным намерением. Одни спорадические операции никогда не могли бы дать неприятелю господства на море, но они могли бы принести нам вред и спутать наши планы, а при этом у противника всегда была надежда, что наше сосредоточение может настолько нарушиться, что даст ему прекрасный шанс добиться ряда малых успехов.

Возьмем теперь типичный случай 1805 г. В эту кампанию распределение сил было очень широким и имело в своей основе несколько сосредоточений. Первое имело свой центр в Даунсе и простиралось не только в сторону линии перехода вторгающейся армии, но также на все Северное море с целью предотвращения нарушения нашей торговли или нашей системы береговой обороны как голландцами от Текселя, так и французскими силами с севера (карта 1). Второе, которое было известно под названием западной эскадры, имело центр у Уэссана и простиралось на весь Бискайский залив посредством расположения передовых эскадр перед Ферролем и Рошфором; при помощи еще одной эскадры, находившейся у берегов Ирландии, оно могло также расшириться далеко в Атлантику для охраны нашей торговли. Оно держало под наблюдением фактически не только французские военные порты, но также подходы к Английскому каналу, где находились конечные пункты главных южных и западных торговых путей. Третье сосредоточение было в Средиземном море, центр которого под командой Нельсона был в Сардинии. Оно имело внешние подцентры на Мальте и в Гибралтаре и захватывало весь район от мыса св. Винцента за Гибралтарским проли-

ом до Тулона, Триеста и Дарданелл. Когда началась война с Испанией в 1804 г., нашли целесообразным разделить район этого командования, и испанские воды за Гибралтарским проливом образовали четвертое сосредоточение, центр которого был у Кадикса и северным пределом которого был мыс Финистерре, где оно соединялось с сосредоточением у Уэссана. По причинам скорее персональным, чем стратегическим, эта организация не была сохранена надолго, тем более что в ней не стало такой же надобности уже через несколько месяцев, ибо тулонская эскадра сменила свою базу на Кадикс. При этой обширной системе все европейские воды находились под контролем как в отношении военных, так и торговых целей. В удаленных крайних районах, как Ост-Индия и Вест-Индия, были образованы «ячейки сосредоточения» (nucleus concentrations) с необходимым постоянным аппаратом поддержания связи и, чтобы сделать их дееспособными, были предусмотрены мероприятия, обеспечивавшие переброску европейскими эскадрами отрядов для доведения состава этих ячеек до любой силы, которая могла бы оказаться необходимой в связи с передвижениями сил противника.

Каким широким ни было это распределение сил и как велико ни было его протяжение, однако не только между силами каждого сосредоточения, но и между самими сосредоточениями поддерживалась тесная связность (cohesion). Посредством крейсерского центра у Норманских островов[1] силы сосредоточения Доунса и Уэссана могли быстро связаться. Подобно этому и кадикское сосредоточение было связано с уэссанским у Финистерре и, несмотря на личные трения и неприязнь, связность сил средиземноморского и кадикского сосредоточений была одинаково крепка. Наконец были приняты меры и сделано распоряжение силам всех сосредоточений стягиваться в одно большое соединение (mass) на скрещении путей у Уэссана, прежде чем там вследствие какого бы то ни было поддававшегося учету случая могли бы собраться неприятельские силы.

Для лучших наполеоновских адмиралов, которые знали «силы моря», британский флот, развернутый таким образом, был в состоянии сосредоточения, разбить которое могла только случайность судьбы, не поддающаяся разумному учету. Декре (Decrès) и Брюи (Bruix) не сомневались в этом, а сознание этого подавило Вильнёва (Villeneuve), когда настал критический момент. После того как он выполнил сосредоточение, намеченное Наполеоном и состоявшее в том, чтобы иметь три отряда соединенными в Ферроле, он узнал, что внешние части нашей западной эскадры исчезли с места своего пребывания перед Ферролем и Рошфором. Он знал так же хорошо, как и британское адмиралтейство, что эта эскадра, несмотря на то, что она была расположена на пространстве всего Бискайского залива, была всегда в состоянии сосредоточения. Но не это было причиной, заставившей дрогнуть его сердце; причиной были известия, что Нельсон вновь появился у Гибралтара и что его видели шедшим на север. Это означало для него, что весь европейский флот противника был в состоянии сосредоточения. «Их сосредоточение сил, писал он впоследствии,— было тогда более серьезным, чем при всех

---

[1] Channel Islands — Чаннел Эйлэндс — острова Канала. — Прим. Ред.

предыдущих диспозициях, и было таково, что они могли встретить превосходными силами об'единенные силы Бреста и Ферроля», и по этой именно причине, как он об'яснял, он считал игру проигранной. Но Наполеон своими не имевшими практики в вопросах морской обстановки глазами не мог видеть, с чем ему предстояло иметь дело, оценивая степень эластичности распределения британских морских сил по примеру армии, громоздкой и имевшей ограниченную подвижность; он рассматривал его как опрометчивое и не пригодное для боевых надобностей рассредоточение. Растянутость распределения сил указывала, как ему казалось, на настолько большую чувствительность в отношении удаленных об'ектов, которые были открыты для его разбросанных эскадр, что он считал возможным посредством лишь демонстрации спорадических действий добиться еще большего рассредоточения нашего флота, чтобы затем, проведя тесное сосредоточение своих сил, разгромить по частям значительную его часть. Это был характерный пример того, как противник своим рассредоточением вынуждал нас к широкому сосредоточению, и что наше сравнительно растянутое распределение сил вызвало попытку неприятеля сосредоточить свои силы и рискнуть пойти на решительное сражение. Нельзя сказать, что мы преднамеренно вынудили его роковое движение, скорее это было закономерной стратегической неизбежностью, вызванной нашим смелым распределением сил. Мы были убеждены, что угроза вторжения, как бы велика она ни была, не может принудить нас к такому тесному сосредоточению, которое оставит наши широко простирающиеся интересы незащищенными от его атак. Также нельзя сказать, что нашим первым намерением было предотвратить попытки противника к сосредоточению. Каждый из его военных портов был под наблюдением отряда наших сил, но было признано, что это не предотвратит его попыток сосредоточить свои силы. Прорыв одной эскадры свободно мог нарушить цепь наблюдения. Но это соображение не меняло дела. Распределение наших сил перед его военными портами имело существенное значение для предотвращения его спорадических операций. Оно было продиктовано необходимостью защиты торговли, а также колониальной и союзнической территории, иначе говоря, — необходимостью применять необеспеченное господство, даже если мы и не могли обеспечить его, уничтожив силы противника.

Вся нельсоновская переписка этого периода показывает, что его главным об'ектом была охрана нашей средиземноморской торговли и защита территорий, неаполитанской и турецкой. Когда Вильнёв прорвался мимо него, его возбуждение было вызвано не предвидением французского сосредоточения, которое его не беспокоило, ибо он знал, что на этот случай были предусмотрены контрсосредоточения. Оно было скорее вызвано потерей благоприятного случая, который ему представлялся благодаря неприятельской попытке сосредоточения. Он последовал за Вильнёвом в Вест-Индию не для предотвращения сосредоточения, но во-первых для защиты местной торговли и Ямайки и во-вторых в надежде на другой благоприятный случай для нанесения удара, возможность которого он пропустил. Лорд Бархэм стал на точно такую же точку зрения. Когда по получении известий о возвращении Вильнёва из Вест-Индии он

двинул три отряда «западной эскадры», т. е. уэссанского сосредоточения, чтобы встретить противника, он весьма ясно заявил ему, что его целью было предотвращение сосредоточения, но что его было — помешать попыткам спорадических операций со стороны французов. «Перехватить флот, о котором идет речь, — писал он по его возвращении в Европу, — было бы наиболее важной целью, чем всякая другая, которую я знаю. Это могло бы пресечь все будущие экспедиции и показало бы Европе, что может быть разумно ослабить систему блокады со специальной целью захватить их в благоприятствующей нам обстановке».

На деле мы действительно не имели надобности в предотвращении сосредоточения сил неприятеля. Оно было для нас наилучшей возможностью разрешить действительным образом положение, с которым мы встретились. Наша истинная политика состояла в обеспечении постоянного господства большим морским сражением. Пока силы противника оставались разделенными, нельзя было рассчитывать на подобное решение. Фактически, пока он не попытался бы сосредоточиться, и последняя ступень сосредоточения не была бы достигнута, мы не были бы хозяевами положения. Сложная проблема, за разрешение которой мы боролись, упростилась, потребовав лишь сосредоточения наших сил возле стратегического центра у Уэссана. Но во время его последней стадии противник не смог решиться иметь дело с грозной позицией, которой мы обладали. Его сосредоточение было остановлено. Вильнёв ушел обратно в Кадикс, и проблема вновь начала приобретать для нас прежнюю сложность. Пока мы держали силы стянутыми у Уэссана, в результате нашего громадного сосредоточения мы были в безопасности от вторжения. Но этого было недостаточно. Это оставляло моря открытыми для спорадических операций из испанских портов. В море находились конвои из Ост- и Вест-Индии, под угрозой находилась наша экспедиция в Средиземном море и другая на пути из Корка. Ни Бархэм в Адмиралтействе, ни Корнуэлс (Cornwallis), командовавший в Уэссане, не колебались ни минуты. Они оба одновременно пришли к решению, что силы должны быть разделены. Сосредоточение должно было вновь стать широким, и это было сделано. Наполеон назвал этот маневр insigne bêtise, но это был тот маневр, который побил его и должен был его побить несмотря ни на какое искусство его адмиралов, ибо обе эскадры никогда не теряли соприкосновения. Он сам оказался в безнадежном положении. Его флот не был ни сосредоточен для решительного удара, ни рассеян для спорадических операций. Он только упростил проблему для своего противника. Наше положение было вернее, чем когда-либо, и в отчаянной попытке выпутаться он был принужден подставить свой флот для окончательного решения, которого мы искали.

Вся кампания служит хорошим показателем того, что понималось под сосредоточением в больших морских войнах. Для лорда Бархэма и для опытных адмиралов, которые проводили в жизнь его планы, это означало возможность стягивания сил (massing) в нужное время в нужном месте. Это означает в близкой аналогии со стратегическим развертыванием на суше расположение эскадр у стратегического центра, откуда отряды флота могли бы стягиваться для действий с участием всех сил (to condense for massed action) в любом

требуемом направлении и к которому они могли бы отступать в случае неблагоприятной обстановки. В данном случае важнейшим центром была узость Английского канала, переправиться через который была готова наполеоновская армия, но стягивания сил к этому центру все же не было. Такое примитивное распределение сил означало бы чисто оборонительное положение. Оно означало бы ожидание удара вместо искания возможности нанести удар, а подобная линия поведения была архиересью для наших старых мастеров войны.

До сих пор мы рассматривали сосредоточение только в применении к тем войнам, в которых мы имели превосходство в морской силе, но принципы были почти в равной мере действительны и в тех случаях, когда мы были слабее коалиций. Типичным случаем является кампания в водах метрополии в 1782 г. Она протекала при строго оборонительной линии нашего поведения. Наша информация гласила, что Франция и Испания намереваются закончить войну громадным комбинированным ударом против наших Вест-индских островов и в частности Ямайки. Было признано, что встретить угрозу следовало сосредоточением для наступательной операции в Карибском море всех сил кроме безусловно необходимых для обороны метрополии. Поэтому вместо того, чтобы пытаться быть достаточно сильными для проведения наступательного образа действий в обоих районах, было решено обеспечить район, который был наиболее угрожаемым; для выполнения этого флот метрополии должен был быть уменьшен настолько сильно по сравнению с тем, что противник имел в европейских водах, что о наступлении не могло быть речи.

В то время как Родней принял руководство в районе наступательных действий, лорду Хоу (How) был дан другой. Его задачей было предотвратить достижение коалицией такого господства в водах метрополии, которое отдало бы наше побережье и торговлю в ее власть, и эта задача была не из легких. Мы знали, что планом врага было комбинировать свое наступление на Вест-Индию с попыткой контроля Северного моря и возможно Дуврского пролива голландской эскадрой в составе от 12 до 15 линейных кораблей, в то время как соединенный франко-испанский флот по крайней мере в 40 вымпелов занял бы устье Английского канала. Было также возможным, что обе эти силы попытаются соединиться. Во всяком случае целью соединенных операций было парализовать нашу торговлю и тревожить наше побережье, заставив нас таким способом пренебречь вест-индским районом и двумя испанскими об'ектами наших действий — Миноркой и Гибралтаром. Мы имеем в общей сложности только около тридцати кораблей боевой линии в районе морской станции метрополии, и хотя большая часть их была трехдечные корабли, многие из них не могли быть готовы к выходу в море раньше лета.

Но как ни слабы были наличные силы, мысли о чисто пассивной обороне не было. Она не была пригодна в данном случае. Необходимо было сделать что-то, что могло бы помешать наступательным операциям союзников в Вест-Индии и против Гибралтара, иначе они достигли бы цели своей кампании в европейских водах.

Было решено производить с этой целью малые контрудары (minor counter-strokes) против их коммуникации в районе, простирающемся до крайних пределов досягаемости сил нашей обороны. Это означало значительное растяжение нашего сосредоточения, но мы решили сделать все, чтобы помешать отправлению подкреплений из Бреста в Вест-Индию, мешать французской торговле насколько позволят обстоятельства и наконец ценой почти любого риска освободить Гибралтар.

В таких условиях оборонительное сосредоточение имело в основе централизованно стянутые силы или резерв в Спитхэде, одну эскадру в Доунсе для наблюдения за Тесселем с целью обеспечения торговли на Северном море, другую на западе для наблюдения за Брестом и для перерыва его трансатлантических коммуникаций. Кемпенфельт, командовавший последней эскадрой, показал, чего можно достигнуть — своим крупным успехом захвата большого конвоя Гишена (Guichen) с военными и морскими запасами для Вест-Индии. Ранней весной он был сменен Баррингтоном (Barrington), который отправился 5 апреля для занятия вновь позиции у Уэссана. Он имел инструкции не вступать в бой с превосходящим его противником иначе как при благоприятных условиях, а отходить к Спитхэду. Он пробыл там три недели и возвратился с французским ост-индским конвоем с войсками и снаряжением, а также двумя линейными кораблями, составлявшими эскорт.

До этого времени не наблюдалось непосредственных признаков больших передвижений сил с юга. Франко-испанский флот, собравшийся в Кадиксе, был занят мало действительными попытками перехватить небольшие подкрепления, направлявшиеся в Гибралтар, и прикрыть свою собственную торговлю с метрополией. Голландцы однако стали активными, и наступало время, когда торговый караван из Балтики должен был возвратиться в метрополию. Росс (Ross) в Северном море имел всего 4 корабля в строю для наблюдения Тесселя и был неспособен предотвратить опасность. Вследствие этого в начале мая главные силы сосредоточения метрополии были переброшены в Северное море. 10 мая Хоу вышел с Баррингтоном и с большей частью флота на соединение с Россом в Доунс, в то время как Кемпенфельт занял снова позицию у Уэссана. Только около половины брестской эскадры ушло на юг на соединение с испанцами в Кадиксе, и Кемпенфельту было указано, что его первая задача состоит в том, чтобы перехватить остальную часть этой эскадры в случае попытки выйти в море, но так же, как и в инструкциях Баррингтону, предусматривалось, что если он встретит превосходящую его силы эскадру, то должен отойти к северу по Каналу к английскому берегу и соединиться с Хоу. Несмотря на инфлуэнцу, свирепствовавшую во флоте, ему удалось сдержать экспансию французов. Хоу, имевший такие же основания, имел тот же успех. Голландцы вышли в море, но немедленно возвратились, как только узнали о его передвижении, и он, крейсируя у Тесселя, удерживал их там и сохранил полное господство на Северном море, пока наши торговые суда из Балтийского моря не прибыли в метрополию.

Это было в конце мая и, так как разведка доносила, что ожидавшееся большое передвижение сил из Кадикса готово было начаться, Хоу, которому была предоставлена известная свобода действий, ре-

чил, что настало время перенести центр тяжести на другое крыло и соединиться с Кемпенфельтом. Однако правительство казалось считало, что он должен был бы иметь возможность использовать свое положение для наступательных действий против голландской торговли, но по мнению адмирала это вело к нарушению общего плана и к слишком большой потере связности в расположении флота. Он уведомил, что считает нецелесообразным выделение для борьбы против торговли отрядов из своей эскадры, так как она не знает, насколько внезапно она или по крайней мере большая часть ее может быть потребована на запад. Поэтому в соответствии с общими имевшимися у него инструкциями он оставит у Росса сильную эскадру из 9 кораблей, достаточную, чтобы задержать и даже «захватить и уничтожить» сравнительно слабые корабли голландцев, а с остальной частью сил возвратится на запад[1]. Его намерением было — проследовать со всей возможной скоростью на соединение с Кемпенфельтом у побережья Франции, но благодаря опустошениям, произведенным инфлуэнцей среди личного состава, он оказался не в состоянии это сделать. Кемпенфельт был вынужден зайти в свои порты, и соединение произошло 5 июня в Спитхэде.

В продолжение трех недель эпидемия была настолько тяжелой, что они не могли двигаться. Затем пришли известия, что кадикский флот под командой Лангара (Langara) вышел в море в день прибытия Хоу в Спитхэд, и он решил броситься со всеми кораблями, способными итти в море, чтобы отрезать того от Бреста. Он однако опоздал. Прежде чем он смог занять свою позицию, соединение Лангары и брестской эскадры уже произошло, и полным составом своих сил союзники заняли устье Канала. С добавлением брестских кораблей соединенный флот насчитывал сорок кораблей, в то время как все, что мог собрать Хоу, было двадцать два, хотя между ними было семь трехдечных и три 80-пушечных, и он мог быть скоро усилен: три россовских наименьших корабля были вызваны, пять других были почти готовы, но их Хоу не мог ожидать. Конвой из Ямайки был на пути в метрополию и должен был быть спасен во что бы то ни стало.

Что нужно было делать? Как только он увидел противника, он понял, что об успешном бое не могло быть и речи. Рано утром 12 июля, «находясь в 15 лигах[2] на SSO от Силли» он видел Лангара с 35 кораблями в направлении на запад. «Коль скоро, — писал Хоу, — их силы были определены, я считал более правильным избежать вступления с ними в бой при имевших место обстоятельствах и поэтому продолжал итти на север, чтобы пройти между Силли и Лэндс-Энд. Моим намерением было выйти на запад от противника как для охраны ямайкского конвоя, так и для получения преимущества в положении при вынуждении противника к бою, чего требовало различие в нашей численности».

Благодаря блестящему проявлению морского искусства опасный маневр был ночью благополучно выполнен, и он имел полный успех.

---

[1] Считали, что голландцы имеют шестнадцать линейных кораблей: 1—74,7—68—и остальные менее чем 60-пушечные. У Росса были 1 трехдечный и два 80-пушечных.

[2] Лига—старинная английская морская мера=3 морских мили=5,6 *км*.—Прим. ред.

Пока Хоу не был встречен и разбит, союзники не рискнули бы войти в Канал, и таким образом маневр благодаря его беспримерной хитрости действительно оттеснил их. Предполагая естественно, что Хоу прошел у них в тылу на юг, они искали его в южном направлении в течение месяца, рыская туда и сюда в безуспешных поисках. Тем временем Хоу, послав свои крейсера вперед на рандеву с конвоем у юго-западного берега Исландии, пришел со всем своим флотом на 200 миль к западу от Скеллиг-Рокс для встречи его. Северные ветры помешали ему достигнуть нужной широты во-время, но это имело мало значения. Конвой прошел между ним и южной Ирландией и, так как противник направился на юг к Уэссану, он смог войти в Канал благополучно, не видя ни одного паруса неприятеля. Не зная о том, что произошло, Хоу продолжал крейсировать неделю, практикуя корабли «в совместном маневрировании, настолько необходимом в настоящих условиях». Затем со своим флотом в полной готовности к проведению превентивных операций в соответствии с хорошо известным кемпенфельтовским принципом [1] он возвратился для отыскания противника на восток, чтобы попробовать выманить его из стоянки у Силли и освободить Канал. По дороге он выяснил, что конвой прошел, и, избавившись от заботы о нем, он продолжал путь к мысу Лизард, где его ожидали подкрепления. Там он узнал, что Канал был свободен: из-за недостатка снабжения противник был вынужден отступить в порт и, он возвратился в Спитхэд для того, чтобы подготовиться к освобождению Гибралтара. Во время выполнения этого эскадра Северного моря была вновь усилена, чтобы дать ей возможность возобновить блокаду Тесселя и прикрыть прибытие осеннего конвоя из Балтики. Это было проведено с полным успехом. Ни один корабль не попал в руки неприятеля, и кампания, а в действительности — война, закончилась большим походом всех сил Хоу к Гибралтару и выполнением им замечательного маневра — освобождения Гибралтара в непосредственной близости испанской эскадры. Для показания значения и возможных успехов хорошо разработанного сосредоточения не может быть лучшего примера.

Если мы теперь попробуем найти, исходя из вышеприведенных и подобных им примеров, принципы, которые служили бы нам руководством для выбора между сосредоточением сил и их рассредоточением, мы найдем во-первых следующий: разсредоточение, потребующееся нам пропорционально числу военных портов, базируясь на которые, неприятель может действовать против наших морских интересов, и протяжению побережья, на котором эти порты расположены. Это принцип, вытекающий из сути той нашей старой традиции, что мы всегда должны стремиться не только предотвратить удар противника, направленный в наше сердце, но нанести ему удар в тот момент, когда он пытается сделать что-нибудь. Мы должны использовать каждую его попытку к действию как благоприятный случай для контрудара. Распределение сил, вызываемое таким образом действий, значительно изменяется в зависимости от того, каков неприятель. В наших войнах с Францией, и особенно

[1] См. дальше стр. 158—159.

когда Испания и Голландия бывали в союзе с ней, число портов, с которыми нужно было иметь дело, являлось очень значительным, и их расположение было очень широким. С другой стороны в наших войнах только с одними голландцами число портов и растянутость их дислокации были сравнительно ограничены, и в этом случае наше сосредоточение было всегда сжатым (close). Эта оценка необходимого распределения сил однако никогда не будет единственной. Сосредоточение будет зависеть не от одного только числа и расположения военных портов противника. Оно будет зависеть и от того, в какой мере операционные линии, начинающиеся у этих портов, пересекают наши собственные воды метрополии. Причина ясна. Каков бы ни был противостоящий нам противник и каков бы ни был характер войны, мы должны всегда иметь флот в водах метрополии. При всяких обстоятельствах это существенно важно для защиты конечных районов торговых путей в наших водах метрополии и этот флот имеет существенное значение центрального резерва, из которого могут быть переброшены отряды для усиления защиты отдельных пунктов и для использования благоприятных случаев для контрударов. «Это — главная пружина, — как писал Бархэм, — от которой должны происходить все наступательные операции». После того как эта эскадра постоянным образом организована и установлена в качестве основания всей нашей системы, ясно, что если, как в войнах с французами, операционные линии противника не пересекают вод нашей метрополии, тесное сосредоточение вокруг нее не будет отвечать нашим надобностям. Если с другой стороны, как в голландских войнах, линии пересекают воды метрополии, сосредоточение в последних есть то, что нам потребуется. Наше рассредоточение сил будет тогда определяться размерами нашего превосходства и тем, в какой мере мы считаем возможным выделение эскадр для наступательных операций против отдаленных об'ектов морских интересов неприятеля, без ущерба для господства над исходными пунктами его операционных линий в водах его метрополии, а также для нашей способности нанесения удара сразу, как только он двинется. Эти замечания конечно относятся к главным операциям флота. Если такой противник имеет отдаленные колониальные базы, из которых он может вредить нашей торговле, малые сосредоточения естественно должны быть образованы в этих районах.

Следующий принцип, который мы должны отметить, это тот, что если неприятельские эскадры распределены широко (widely distributed) в многочисленных базах, мы не всегда можем упростить проблему, оставляя некоторые из этих баз открытыми, чтобы вызвать противника на сосредоточение и уменьшить число портов, находящихся под наблюдением. Ибо если мы это сделаем, то дадим эскадрам, находящимся без наблюдения, свободу спорадических действий. Пока мы не будем уверены, что противник намеревается сосредоточиться в целях решительного боя, единственным средством упрощения положения с нашей стороны явится достаточно тесное наблюдение каждого порта для осуществления действительной помехи спорадическим операциям. Тогда, поскольку для противника будут сделаны невозможными спорадические действия, ему останется или ничего не делать или сосредоточивать силы.

Наконец третий принцип — гибкость. Сосредоточение должно быть проведено таким образом, чтобы две любые части сил могли свободно соединиться и чтобы все силы могли быстро стянуться в одно целое в любой точке района сосредоточения. Целью, ради которой необходимо воздерживаться от преждевременного образования одного целого, является лишение неприятеля данных о нашем истинном развертывании и его замысле в каждый данный момент и одновременное обеспечение того, чтобы развертывание могло противостоять всякому опасному движению противника, возможностью которого он располагает. Далее нашей целью должно быть не только предотвратить возможность нанесения поражения какой-либо части наших сил превосходными силами неприятеля, но рассматривать каждую отделяемую эскадру как ловушку, с помощью которой можно разбить противника. Таким образом идеальное сосредоточение, говоря кратко, есть кажущаяся слабость, прикрывающая реальную мощь.

Часть III.

Ведение морской войны.

Глава первая.

Вступительная.

1. Природные различия в условиях войны на суше и на море.

Прежде чем пытаться применить окончательным образом вышеприведенные общие принципы к ведению морской войны, необходимо устранить некоторые явные препятствия к правильному рассуждению. Мы должны помнить, что последовательное изложение теории войны явилось почти целиком работой сухопутных военных авторов, но так как результаты их работы были изумительны, а примененный ими метод философским и всеоб'емлющим, то вполне естественно, что появилась тенденция считать их широко обоснованные заключения имеющими универсальное значение. Никто не будет отрицать, что основные направления, которые они наметили, таковы, что в известном смысле должны управлять всей стратегией. Они были действительными пионерами в своей области, и их методы должны быть в основном и нашими методами, но мы должны помнить, что область, которую исследуем мы, коренным образом отличается от той, в которой они приобрели свое искусство.

Даже беглое ознакомление покажет, насколько различия велики и чреваты последствиями. Зададим себе вопрос, каковы главнейшие идеи, на которых основаны все военные знания. Грубо говоря, можно принять, что общих принципов три: во-первых — идея сосредоточения сил, или идея сокрушения главных сил противника посредством направления против него наибольшего скопления сил и энергии, которые вам доступны при ваших средствах; во-вторых— что стратегия есть главным образом вопрос обладания определенными линиями коммуникаций и в-третьих — идея сосредоточения напряжения (concentration of effort), которая означает, что об'ектом ваших действий необходимо иметь только силу, которую вы хотите сокрушить, не отвлекаясь на последующие об'екты. Если мы теперь исследуем условия, которые создают такую твердую почву для этих принципов на суше, мы найдем, что во всех трех случаях они отличаются от условий на море и отличаются существенно.

Возьмем первый принцип, являющийся вопреки всем выводам, которые мы должны сделать из него в случаях ограниченных войн, доминирующим. Основное положение, которое он выражает, со-

стоит в том, что главным об'ектом наших действий должны являться главные силы противника. В современной[1] военноморской литературе этот принцип применяется к морю примерно в следующем виде: «Основная задача нашего линейного флота есть отыскание и уничтожение линейного флота противника». На первый взгляд ничто не может выглядеть разумнее, но каковы условия, сопровождающие применение того и другого принципа в отдельности, соответственно на суше и на море?

Практическая ценность военносухопутного принципа основывается на том факте, что в сухопутной войне теоретически всегда возможно нанести удар армии врага, если вы имеете достаточные силы и волю для преодоления препятствий и готовы к риску. Но на море это не так. В морской войне мы встречаем обстоятельство, имеющее громадное значение и совершенно неизвестное на суше. Это попросту то, что ваш противник имеет возможность снять свой флот целиком с карты. Он может отвести свой флот в защищенный порт, где тот будет совершенно вне пределов вашей досягаемости, если вы не будете располагать помощью армии. Никакой размер морской силы и никакая воля к наступлению не смогут помочь вам. Вывод тот, что в морской войне заявляет о своем существовании трудная для разрешения проблема: если вы имеете превосходство над противником, которое дает вам основания для энергичного наступления и побуждает вас искать неприятельские силы, имея в виду добиться решения, то может случиться, что вы найдете его в таком положении, что не сможете его тронуть. Ваше наступление приостановлено, и вы оказываетесь, по крайней мере теоретически, в наиболее слабом положении, из всех известных на войне.

Это одно из наших давних открытий в области стратегии. Оно следовало немедленно и поистине неизбежно вслед за нашим открытием, что наиболее энергичным путем ведения войны является сосредоточение всего напряжения против вооруженных сил неприятеля. При разборе теории войны в общем виде уже было высказано предостережение против слишком общераспространенного представления, что этот метод был открытием Наполеона или Фридриха или что он во всяком случае появился из-за границы. По мнению по крайней мере наших собственных военных историков эта идея родилась в нашей гражданской войне во времена Кромвеля и Новой армии (New Model army). Этот метод был особенностью, существенно отличавшей нашу гражданскую войну от всех предыдущих войн нового времени. Его успех был настолько удивительным, как это отметили и иностранные исследователи, что он естественно был применен на море нашими адмиралами из генералов тотчас, как началась война с Голландией. Независимо от того, каковы могли бы быть притязания кромвелевских генералов на открытие в отношении сухопутной войны того, что считается за границей основной характерной чертой наполеоновского метода, несомненно, что заслуживает безусловного признания факт применения ими впервые этого метода на море. Все три войны с Голландией имели об'ектом торговлю, но, несмотря на это, даже после первой кампании основ-

[1] Труд издан в 1911 г.—Примечание переводчика.

ное намерение никогда не состояло в том, чтобы сделать торговлю неприятеля главным об'ектом наших действий.

Место торговли противника в этом отношении занимали все время его линейные силы, и под руководством Монка и Руперта, по крайней мере, действия были направлены против этих об'ектов с чисто наполеоновскими упорством — в смысле единства избранной цели — и настойчивой горячностью. Но в последующих стадиях борьбы, когда мы начали достигать преобладания, было обнаружено, что метод перестал оказывать свое действие. Попытка отыскать противника с целью решительного боя снова и снова оказывалась тщетной, ибо противник отступал к своим берегам, где-либо он был для нас недосягаем, либо его возможности отступления делали достижение решительного результата невозможным.

Он занимал фактически оборонительное положение, против которого мы были бессильны, и в соответствии с правильным пониманием сущности обороны выходил время от времени из этого положения для нанесения нам контрударов, когда видел благоприятствовавшую этому возможность.

Скоро было понято, что единственным действительным образом действий при таком положении является проведение каких-либо мер для вынуждения выхода противника в море и для принуждения его к бою, которого мы искали. Наиболее верным средством, которым мы располагали, была угроза его торговле. Поэтому вместо того, чтобы пытаться прямо искать встречи с его флотом, наш собственный флот должен был занять позицию на главных путях морской торговли его метрополии, на Доггер-банке или где-нибудь еще, создав таким образом положение, которое, как надеялись, стоило бы противнику либо его торговли, либо боевого флота, либо возможно и того и другого. Итак, несмотря на то, что по мере увеличения нашего преобладания мы больше чем когда-либо стремились к решению путем боя, мы оказывались вынужденными обратиться к вспомогательным операциям последующего характера в стратегическом отношении. Это удивительный парадокс, являющийся однако врожденной чертой самой природы морской войны, — что вооруженная сила может быть целиком снята с карты.

Вторая отличительная черта морской войны, относящаяся к коммуникационной теории, не так отчетлива, но едва ли менее важна. Нужно напомнить, что эта характерная черта связана с линиями коммуникаций в такой мере, в какой последние предопределяют направление операционных линий. Это простой вопрос влияния возможных путей движения вооруженных сил и внешних препятствий. В сухопутной войне мы можем определить с известной достоверностью границы и направления возможных движений нашего противника. Мы знаем, что они должны определяться влиянием расположения путей и внешних препятствий. Но на воде не существует ни путей, ни этих препятствий. На поверхности моря нет ничего, подобного им, что помогло бы нам в определении местонахождения и движения противника. Правда в дни парусов его передвижения в некоторой степени были ограничены преобладающими ветрами и невозможностью пользоваться некоторыми курсами, но с появлением пара даже эти определяющие факторы исчезли, и практически нет ничего, что ограничивало бы свободу его движения, исключая

потребности в топливе. Следовательно при попытках отыскания нашего противника для нанесения ему удара вероятность потерять с ним соприкосновение значительно больше на море, чем на суше, и шансы, что противник, которого мы ищем для боя, уклонится от встречи с нами, становятся настолько серьезными, грозя неудачей нашим наступательным действиям, что принуждают нас применять доктрину «отыскания флота противника» с большой осторожностью.

Трудность проявилась сама по себе с самого момента возникновения этой доктрины. Ее можно проследить в прошлом — по крайней мере поскольку дело касается современной войны — со времени знаменитого донесения Френсиса Дрэка в год Армады. Это памятное донесение было написано, когда возникло резкое разногласие в мнениях о том, что лучше — держать ли наш флот в водах метрополии или послать его вперед к берегам Испании.

Данные о главнейших намерениях противника были очень неопределенны. Мы не могли сказать, будет ли направлен удар против Канала, против Ирландии или против Шотландии, положение же осложнялось готовностью испанской армии переправиться с фламандского берега для вторжения и возможностью совместных действий Гизов из Франции. Дрэк стоял за решение проблемы путем расположения флота на подходах к порту отправления Армады и, вполне отдавая себе отчет в риске, связанном с таким маневром, подкреплял свои чисто стратегические доводы соображениями большей важности о значении морального фактора в этой операции. Но правительство не было убеждено в целесообразности этого не из простой боязливости или из-за недостатка стратегической прозорливости, как обыкновенно считали, но потому, что шансы потери Дрэком соприкосновения с Армадой были слишком велики в том случае, если бы она вышла в море раньше, чем наш собственный флот смог бы занять свою позицию.

Нашим третьим основным принципом является идея сосредоточения напряжения, и третья характерная черта морской войны, которая сталкивается с этим принципом, состоит в том, что на флотах сверх и помимо обязанностей выигрывать сражения лежит обязанность защиты торговли. В сухопутной войне, по крайней мере с того момента, как занятие обширной незащищенной части страны противника перестало быть главной стратегической операцией, нет соответствующего отклонения от чисто военных операций. Бесполезно заявление со стороны пуристов, что обращение к осуществлению защиты торговли не должно отвлекать нас от нашей главной цели. Мы имеем дело с реальными фактами войны, и опыт говорит нам, что уже из одних экономических соображений, не говоря уже о давлении общественного мнения, никто не находил когда-либо возможным игнорировать целиком необходимость этого отклонения. Значение финансов в войне в действительности настолько велико, что скорее часто, чем наоборот, поддержание нормального хода торговли считалось главнейшей задачей. Даже в лучшие дни наших голландских войн, когда все наши планы были основаны на пренебрежении торговлей противника как об'ектом наших действий, мы по временам оказывались вынужденными охранять нашу собственную торговлю с очень значительными нарушениями планов.

Не больше пользы от заявлений, что единственным правильным путем защиты торговли является уничтожение флота противника. Как провозглашение принципа, это трюизм, — ибо никто не станет его оспаривать. Как канон практической стратегии это неверно, ибо первое из приведенных нами различий в условиях войны на суше и на море тотчас заявляет о себе. Что вы будете делать, если противник не позволяет вам уничтожить его флот? Вы не можете подставить вашу торговлю под удары набегов эскадр и крейсеров, пока вы ожидаете вашего благоприятного случая, и чем больше вы сосредоточиваете ваши силы и напряжение для обеспечения желаемого решения, тем больше вы будете подставлять вашу торговлю спорадическим атакам. Факт тот, что вы не всегда свободно можете принять тот план, который лучше рассчитан на приведение неприятеля к решительному бою. Вы можете оказаться вынужденными занять не лучшие позиции, а такие, которые дадут вам хороший шанс на получение соприкосновения в благоприятных условиях и в то же самое время создадут прикрытие для вашей торговли. Отсюда вытекает принцип, что берега противника должны быть нашей границей. Это не принцип чисто военносухопутного характера, подобно принципу отыскания флота противника, хотя они оба часто употребляются так, как будто они взаимно заменяют один другого. Наше обычное расположение сил у берегов неприятеля было продиктовано настолько же сильно требованиями защиты торговли, насколько и возможными стратегическими соображениями. Поддержание тщательного наблюдения вплотную у портов противника никогда не было наилучшим путем для приведения его к решительному сражению, — мы имеем по этому поводу хорошо известное заявление Нельсона; но это было лучшим и часто единственным путем поддержания моря свободным для продолжения нашей собственной торговли и для операций наших крейсеров против торговли неприятеля.

В данный момент все эти важные вопросы не нуждаются в дальнейшей проработке. По мере того как мы будем иметь дело с методами морской войны, они приобретут убедительность и ясность. Достаточно было сказано, чтобы указать мели и предупредить, что как бы замечательна ни была система, которой сухопутные стратеги снабдили нас, мы должны быть осторожны в нашем плавании.

Но прежде чем перейти к дальнейшему, необходимо упростить предмет, лежащий перед нами, попытавшись систематизировать сложное разнообразие морских операций в целях удобства обращения с ними.

2. Типические формы морских операций.

Все операции, имеющие место при ведении морской войны, как мы увидим, относятся к двум обширным классам об'ектов: один — обеспечение или оспаривание господства на море и другой—использование такого контроля коммуникаций, какой мы имеем, независимо от того, обеспечено полное господство или нет.

На логическом и практическом различии между этими родами морских об'ектов, как мы видели, основывалось образование состава флотов в период наивысшего развития парусного флота, когда войны на море были почти беспрерывными и являлись выражением

процесса оформления устанавливавшегося распределения мощи между странами мира. В течение во всяком случае этого периода указанная концепция лежит в основе методов морской войны и морской политики, и так как она является логическим следствием теории войны, мы можем без опасений принять ее за основу нашего анализа вопроса о ведении морских операций.

Практически конечно редко можно категорически утверждать, что какая-нибудь операция имеет только один вполне определенный об'ект. Эскадры линейных кораблей, основной функцией которых являлось обеспечение господства, мы часто располагали таким образом, чтобы они были в состоянии осуществлять контроль; и, vice versa, крейсерская цепь, предназначавшаяся главным образом для осуществления контроля на торговых путях, рассматривалась как передовой пост линейного флота для предупреждения последнего о движениях неприятельских эскадр. Так Корнуэлс в течение боевой блокады Бреста иногда должен был ослаблять свое наблюдение, чтобы иметь возможность прикрыть прибытие конвоев от рейдов неприятельских эскадр, и так же, когда Нельсон был запрошен Бархэмом о его точке зрения на линии патрулей крейсеров (cruiser patrol lines), он высказался следующим образом: «Корабли этого назначения должны не только предупреждать грабежи приватиров, но быть готовыми наблюдать всякую эскадру противника, если она появится на их пути... Таким образом данные разведки будут быстро переданы, и неприятель никогда, я думаю, не будет потерян из виду»[1]. В этом смысле Бархэмом были изданы инструкции соответствующим командующим крейсерами. В обоих случаях, как мы видим, оба класса операций переплетаются. Однако все же для надобностей анализа различие между этими классами будет полезно для получения ясного представления по нашему вопросу.

Возьмем в первую очередь методы обеспечения господства, под которым мы понимаем лишение противника возможности существенным образом использовать обычные коммуникации или препятствовать нам пользоваться ими. Мы найдем, что применяемых методов два: достижение решения боем и блокада. Первый из двух доступен более редко, но британская военноморская служба всегда предпочитала именно его. Вполне естественно, что это было так, ибо нормально мы находились в положении превосходства над нашим противником и, поскольку проводилась политика сохранения превосходства, этому методу должно было отдаваться предпочтение. Но больше того, — идея происходит повидимому из старейших традиций нашего флота. Как мы видели, убеждение нашей военноморской службы, что ведение войны есть преимущественно вопрос боя и что бой, раз начатый на более или менее равных условиях, должен продолжаться до последнего вздоха, — таково, что ему нечему учиться у более поздних континентальных открытий. Кромвелевские адмиралы передали нам память о битвах, длившихся три и даже четыре дня. Их догма заключалась в правиле энергичного ведения войны, в соответствии с которым Бинг (Byng) и Калдер (Cal-

[1] Нельсон—Бархэму, 29 августа 1805 г.

der) были осуждены, а с апофеозом Нельсона военноморская служба поклоняется идее боя.

Правда, что были периоды, когда идея казалось теряла свою четкость, но, несмотря на это, она так твердо внедрилась в британскую концепцию морской войны, что нечего было бы говорить о ней, если бы не ее неизбежное видоизменение, с которым мы можем смешать доктрину «сокрушения»: «Пользуйтесь этим средством, — сказал ее хорошо известный защитник, — когда вы можете и когда вы должны». Как бы мы ни были преданы вере в бой, не всегда возможно и мудро действовать на основании ее. Если мы сильны, мы добиваемся решительного боя. пока можем. Если мы слабы, мы не допускаем решения боем, пока не вынуждены сделать это. Если обстоятельства нам благоприятствуют, мы все же не всегда можем добиться решения боем; если же они не благоприятны, мы не всегда обязательно должны сражаться. Таким образом мы видим, что совершенно простая доктрина боя почти всегда была сплетена с двумя наиболее трудными проблемами, смущавшими наших адмиралов старого времени. Наиболее тернистые вопросы, которые они должны были решать, состояли в следующем: нормально. когда мы были сильны, вопрос был не в том, как разбить противника, но как принудить его к сражению; и в отдельных случаях, когда мы временно были слабы, вопрос состоял не в том, как продать свою жизнь подороже, но в том, как проводить активный образ действий при оборонительном положении так, чтобы одновременно лишить противника возможности привести к решению боем, которого он ищет, и предотвратить достижение им последующего об'екта.

Из этих рассуждений следует, что мы можем сгруппировать морские операции примерно следующим образом. Во-первых в предположении, что мы можем себе позволить начать с превосходства в силах или с преимущества, мы берем методы обеспечения господства. Эти методы в свою очередь распадаются на два рода. Во-первых имеются операции для обеспечения решения путем боя, при рассмотрении которых, как было об'яснено, мы будем заняты методами приведения к бою противника, не желающего этого, и значением для достижения этой цели принципа «отыскания флота противника». Во-вторых имеются в виду операции, которые становятся необходимыми, когда нет возможности добиться решения и наши оперативные планы требуют немедленного контроля коммуникаций. Под этим родом операций будет целесообразно рассмотреть все формы блокады как военной, так и блокады торговли, хотя, как мы увидим, некоторые формы не только военной блокады, но даже и блокады торговли преимущественно связаны с принуждением противника к бою.

Наша вторая основная группа подразумевает операции, к которым мы должны обратиться, когда наша сравнительная сила недостаточна для любого вида операций, направленных на обеспечение господства. В этих условиях мы вынуждены удовольствоваться стремлением оспаривать господство (to hold the command in dispute), иначе говоря, мы стараемся активными оборонительными операциями предотвратить как обеспечение, так и осуществление контроля противником для целей, которые он имеет в виду. Это —

операции, которые подразумеваются правильным пониманием концепции «a fleet in being» [1]. Вместе с этой группой должны быть рассмотрены те новые формы малых активных операций, которые возникли и попали в область ведения стратегии со времени появления самодвижущейся торпеды и активных постановок мин заграждения.

В третьей основной группе мы будем иметь дело с методами осуществления контроля коммуникаций и плавания (exercising control of passage and communications) в условиях необеспеченного господства. Эти операции изменяются по своему характеру в соответствии с различными целями, для которых контроль желателен, и принимают три главных формы: во-первых — контроля линий перехода вторгающейся армии; во-вторых — контроля торговых путей и их окончаний для действий против торговли противника и для защиты своей и в-третьих — контроля путей перехода и коммуникаций наших собственных заморских экспедиций и контроля соответствующего района об'екта их действий для активной поддержки их операций.

Для ясности мы можем суммировать результаты нашего анализа в виде таблицы следующим образом:

1. Методы обеспечения господства (methods of securing commn ad):
   а) путем решительного боя (by obtaining a decision);
   б) путем блокады (by blockade).
2. Методы оспаривания господства (methods of disputing command):
   а) принцип „the fleet in being“;
   б) малые активные операции (minor counter-attacks).
3. Методы операций в условиях необеспеченного господства (methods of exercising command):
   а) оборона против вторжения (defence against invasion);
   б) действия против торговли противника и защита своей торговли (attack and defence of commerce);
   в) действия против военных (десантных) экспедиций противника, защита и поддержка своих экспедиций (attack, defence and support of military expeditions).

---

[1] Fleet in beeng в английской концепции—„флот в готовности“, а не „в существовании“, как неверно у нас переводят.—Примечание переводчика.

Глава вторая.

Методы обеспечения господства на море.

1. Путем решительного боя.

Независимо от характера войны, в которой мы участвуем, — ограниченная ли она или неограниченная,—постоянное и общее господство на море является предварительным условием окончательного успеха. Единственным способом обеспечения подобного господства военноморскими средствами является достижение решения путем боя с флотом неприятеля. Рано или поздно это должно быть сделано, и чем раньше, тем лучше. Таков был старый британский символ веры. Он до сих пор таков и не нуждается в переработке. Никто не станет его оспаривать, никто не станет даже обсуждать его, и потому мы переходим с уверенностью к заключению, что первой обязанностью нашего флота является отыскание флота противника и его уничтожение.

Нет другого принципа, который так же полно выражал бы самый дух британского метода ведения войны на море, и мы не должны позволять посягать на неприкосновенность этого духа. Должна казаться опасной самая проверка того, насколько основательно его притязание считаться логическим заключением нашей теории войны. Но ничто так не опасно в изучении войны, как допущение замены рассуждения доктринами. Проверим поэтому размеры доверия, которыми этот принцип был облечен, и прежде всего подвергнем его испытанию на двух современных примерах.

Оба они, нужно заметить, являются примерами ограниченной войны, — наиболее обычной формы нашей собственной военной деятельности и единственной, к которой наша военная организация с ее существенным превосходством элемента морских боевых средств когда-либо действительно была приспособлена. Первый пример — испано-американская война и второй — русско-японская.

В первом случае американцы взялись за оружие, чтобы освободить Кубу от испанского владычества — цель строго ограниченная. Не вполне очевидно, был ли характер войны сколько-нибудь ясно определен которой-нибудь из сторон, но в точном соответствии с общей политической обстановкой американские оперативные планы имели целью обеспечить с открытием военных действий занятие территориального об'екта. Они намеревались как можно раньше утвердиться в западной части Кубы для поддержки колониальных инсургентов (карта 3). Все зависело от решительного и быстрого захвата в свои руки инициативы. Ее важность как в моральном, так и в физическом отношении оправдывала крайний риск операции, а географическое расположение района моря, который американская

армия должна была пересечь, было таково, что строго оборонительная или прикрывающая позиция их флота могла превратить риск почти в обеспеченность. Но американцы настолько безрассудно руководились в своих действиях вновь созданными недавно доктринами, что когда накануне выполнения важного маневра они услышали в совершении испанской эскадрой перехода через Атлантический океан, их собственные силы прикрытия были сняты с их оборонительной позиции и посланы «отыскать флот противника и уничтожить его».

Порто-Рико являлся пунктом, где с наибольшей вероятностью неприятель мог быть встречен, и адмиралу Сэмпсону было разрешено итти туда, вопреки той элементарной истине, что в случаях, когда что-нибудь очевидно для вас, то же самое обыкновенно очевидно и для вашего противника. Следствием этого было не только то, что американцам не удалось войти в соприкосновение с неприятелем, но что они также оставили неприкрытыми пути перехода своей собственной армии и парализовали ее начальное движение. В результате только случай позволил им исправить сделанную ошибку. Если бы испанская эскадра пошла в один из портов Кубы, имевших железнодорожное сообщение с главной роялистской армией, как например в Сиэнфуэгос или Гавану, вместо того, чтобы спешить в Сант-Яго, вся кампания была бы проиграна. «Теперь ясно, — писал Мэхэн в своих «Уроках войны с Испанией» [1], — что поход гаванской дивизии на восток был не только неудачным, но что нужно было сразу считать его ошибкой, так как он не согласовался с общепризнанным принципом ведения войны, несоблюдение которого не было вынуждено условиями. Принцип этот осуждает эксцентрические движения. Благодаря пренебрежению этим правилом в данном случае мы оставили неприкрытыми как Гавану, так и Сиэнфуэгос, закрыть доступ к которым отряду противника было нашей целью.

Независимо от того, считаем ли мы освещение ошибки адмиралом Мэхэном соответствующим действительно тому принципу, который был нарушен, или нет, но движение в самом деле было не только эксцентрическим, но и ненужным. Если бы американцы удовольствовались оставлением своего флота сосредоточенным в его настоящем оборонительном положении, они не только прикрыли бы путь перехода армии и блокаду территориального об'екта своих операций, но имели бы наилучший шанс принудить противника к бою. Испанцы были бы вынуждены либо притти к ним, либо оставаться вне района операций, не имея возможности каким-либо образом повлиять на исход войны иначе, чем подорвав дух собственного гарнизона Кубы. Этот случай — пример очевидного пренебрежения смыслом из-за соблюдения буквы, пример того, как привлекательной доктрине было позволено закрыть дверь здравому суждению.

Стратегическое наступление в этом случае не было наилучшей обороной. «Отыскание флота противника» свелось почти к удару по воздуху, не только не давшему какого-либо положительного результата в смысле наступления, но которому могло оказаться при-

---

1 Lessons of the War with Spain.—Примечание переводчика.

несенным в жертву выполнение главной оборонительной задачи оперативного плана американцев, являвшейся основой успеха их наступления. Считать такое движение только эксцентрическим — значит довольствоваться очень смягченной критикой.

В русско-японской войне мы имеем обратный пример, — пренебрежения здравого суждения данным принципом. Правда, в течение ранней стадии развития морских операций японцы искали в известном смысле флот противника, поскольку они приблизили свою базу вплотную к Порт-Артуру, но это было сделано не с какимнибудь определенным намерением уничтожить русский флот — было мало надежды на выполнение этого в море, — а скорее потому, что не было других средств прикрыть линию переброски армии морем, обеспечение которой являлось задачей флота, ибо действительные наступательные операции происходили на суше. Ни разу — за исключением одного случая исполнения особого приказа из Токио — ни адмирал Того, ни Камимура не проводили таких наступательных движений, при которых подвергалось бы опасности выполнение превентивной задачи, возложенной на них оперативным планом. Еще меньше в более поздней стадии войны, когда все зависело от уничтожения Балтийского флота [1], «отыскивал» адмирал Того флот противника. Он удовольствовался — как должны бы были удовольствоваться американцы — тем, что создал положение, при котором неприятель должен был притти и его разрушить, если вообще хотел повлиять на исход войны. В такой оборонительной позиции Того ожидал, уверенный, что противник должен притти к нему, и тем самым сделал настолько верно, насколько это на войне вообще может быть, что когда пришел момент тактического наступления, его удар был надежным и внезапным, полным сокрушительной силы сосредоточения, и таким решительным по своим результатам, как ни один бой до сих пор.

Итак ясно, что доктрине «отыскания противника», несмотря на всю присущую ей моральную силу и на всю ее ценность как отражения сильного и здорового боевого духа, нельзя позволять замещать здравое суждение. Будучи хорошим слугой, она может оказаться плохим руководителем, как это было в случае с американцами, с серьезной для них опасностью. И все-таки мы инстинктивно чувствуем, что она выражает так, как ни один другой принцип, секрет британских успехов на море. Мы не можем действовать без нее, но в то же время мы не можем применять ее буквально, без разбора. Постараемся облечь ее в форму, соответствующую ее истинному смыслу, истинным принципам, которые она подразумевает. Постараемся определить материал, из которого она создана, а лучшим путем для этого будет проследить ее постепенное развитие, начиная с тех дней, когда она возникла из примитивного и мужественного инстинкта наших ранних мастеров военноморского дела.

Ее зародыши находятся в уже упоминавшемся донесении, написанном Дрэком из Плимута в конце марта 1588 г. Приведенные им аргументы не были чисто военноморскими, ибо подлежавшая разре-

---

[1] Части Балтийского флота, отправленные ввиде 2-й и 3-й Тихоокеанских эскадр на Дальний Восток.—Прим. ред.

шению проблема была комбинированная — проблема защиты против вторжения. Он хотел убедить правительство в том, что центром положения была не столько армия герцога Пармского, находившаяся во Фландрии в готовности к вторжению, сколько флот, готовившийся в Испании для обеспечения пути ее перехода морем. Правительство повидимому было намерено действовать противоположным образом. Хоуорд (Howard) с большей частью флота был в базе в Медуэй на расстоянии, допускавшем оказание поддержки легкой эскадре, блокировавшей фламандские порты совместно с голландцами. Дрэк сам с другой легкой эскадрой был послан на запад с несколько неопределенной целью служить «наблюдающей эскадрой» (observation squadron) или быть использованным в духе средневекового метода, для эксцентрического контрудара (eccentric counter-stroke). Когда его пригласили высказать свое мнение о диспозиции, он заявил, что она непригодна. По его мнению требовалось наступательное движение против главных сил неприятеля. «Если бы можно было, — указывал он, — какими бы то ни было средствами остановить или задержать этот флот в Испании так, чтобы они не могли пройти по морю как завоеватели, тогда перед герцогом Пармским было бы создано такое препятствие, что и он был бы задержан». Он имел в виду, как это ясно, не столько решение открытым боем, сколько нарушение незаконченной мобилизации противника, подобное тому, которое он столь блестяще выполнил в предыдущем году, так как дальше он говорит: «По воле провидения преимущества времени и места будут единственными и главными средствами для нашего благополучия, почему я должен смиренно умолять вас следовать тому, как вы начали, так как с пятьюдесятью кораблями мы сделаем значительно больше у их собственных берегов, чем с гораздо бо́льшим количеством можно сделать здесь, дома; и чем скорее мы пойдем, тем скорее мы удержим (impeach) их». Он не говорит «уничтожить» (destroy); удержать (impeach) — значит предупредить (prevent).

Таким образом ясно, что то, о чем он думал, было повторением стратегии предыдущего года, применяя которую, он смог нарушить испанскую мобилизацию и удержать Армаду от выхода. Он даже не просил о сосредоточении всего флота для этой цели, а только об усилении своей собственной эскадры, насколько считалось возможным. Главнейшие доводы, приведенные им в подтверждение своего совета, были чисто морального порядка, так как он настаивал на глубине действия первого удара и на атаке вместо ожидания атаки. «Страна, — продолжал он, — может быть убеждена, что провидение пошлет королеве и народу мужество и смелость не бояться вторжения, а искать врагов там, где они могут быть найдены».

Здесь зародыш доктрины, о которой идет речь. Следствием его донесения было заседание Совета. Совещание последовало не полумере, которую он решился посоветовать в своем донесении, но замыслу, воплотившему в себе более полное выражение его общей идеи и близко походившему на то, что впоследствии стало нашей обычной диспозицией в подобных случаях. Все главные силы флота, исключая эскадру, наблюдавшую у фламандского побережья, были стянуты на запад для прикрытия блокады транспортов гер-

цога Пармского, но позиция, назначенная для них, была внутри Канала, а не вне его, что тактически было плохо, ибо это было почти безусловным предоставлением преимуществ Армаде в погоде. Никакого движения к берегам Испании не было разрешено, и нужно запомнить, что не из боязливости или непонимания идеи Дрэка, но из опасения, что как мы видели в предыдущем случае с американцами, движение вперед могло оказаться ударом по воздуху и открыть жизненно-важный район без приведения неприятеля к бою.

Так как однако отплытие Армады продолжало задерживаться, Дрэк возобновил свои настойчивые обращения, будучи поддержан Хоуордом и всеми его коллегами. Это привело в конце концов к желаемому разрешению. Флот отплыл к Ла-Корунье, где, как было известно, находилась Армада после прерванного свежей погодой перехода из Лиссабона, и далее случилось нечто весьма похожее на то, чего боялось правительство. Прежде чем флот смог достигнуть места своего назначения, он встретил южный шторм; его наступательные возможности истощились, и он должен был вернуться в Плимут, оказавшись бессильным для немедленных действий, когда Армада в конце концов вышла в море. Когда испанцы появились, он все еще находился в порту, пополняя запасы и готовясь к выходу. Только благодаря проявленному исключительному морскому искусству положение было спасено, и Хоуорд смог вновь занять правильную позицию мористее противника.

Таким образом правильность осторожного стремления правительства придерживаться общего оборонительного образа действий вместо отыскания флота противника получила подтверждение, но нужно иметь в виду, что то, на чем сначала настаивал Дрэк, было вопросом времени и места. Если бы правительство разрешило маневр, когда он был впервые предложен, то имеются значительные основания полагать, что мобилизация испанцев не смогла бы быть закончена в том году, и отдельные отряды Армады не смогли бы собраться в единый флот. Но информация о ее состоянии в то время была весьма недостоверной, а ввиду предполагавшихся переговоров имелись к тому же веские политические соображения за то, чтобы не предпринимать слишком энергичных наступательных действий при наличии возможности разумного выбора другой линии поведения.

Итак принципы, которые мы можем вывести из этого первоначального случая применения доктрины «отыскания противника», это во-первых — моральная ценность захвата в свои руки инициативы и во-вторых — важность нанесения удара, прежде чем закончена неприятельская мобилизация. Идеи сокрушения в сражении посредством удара большим флотом в этом еще нет, и мы находим ее, хотя и неясно формулированной, у елизаветинских адмиралов в идее нанесения удара флоту, когда он деморализован — как это было с Армадой после ее первой попытки к сопротивлению — или сразу же после оставления им порта, прежде чем он успеет выстроиться.

В нашей следующей морской борьбе с голландцами во второй половине XVII столетия принцип «сокрушения», как мы видели, получил свое полное развитие. Он явился основой стратегии, которая в это время возникла, и условия, вызвавшие его признание, также

выдвинули и принципы «отыскания» и «уничтожения» (destroying). Это была чисто морская борьба, во время которой не было военно-сухопутных моментов, влиявших на морскую (naval) стратегию. Больше того, это была борьба за тесный морской район, отделяющий Британские острова от Европы (Narrow seas), и риск потери соприкосновения с противником, смущавший елизаветинских деятелей в отношении океанского театра, являлся несущественным фактором. Однако и в этом случае возникли новые препятствия к использованию принципа «отыскания» в качестве стратегической панацеи. Первая война началась без какого-либо следа применения нового принципа. Первая кампания была целиком построена наподобие старого способа проведения операций против торговли и ее защиты, и те, не имевшие решающего значения сражения, которые произошли, были только случайностью по отношению ко всему процессу борьбы.

Никто кажется не понимал ошибочности этого метода за исключением пожалуй Тромпа (Tromp). Общие инструкции, полученные им, состояли в том, что «первой и главной целью было нанесение как можно большего вреда англичанам», и для этой цели «ему был дан флот, который должен отправиться для наступления и нанесения урона английскому флоту, а также для конвоирования торговли на запад». Сразу увидев несовместимость двух возлагавшихся на него функций, он попросил более определенных инструкций. Что например должен он был делать, если бы нашел случай для блокады главного английского флота в его базе? Мог ли он посвятить себя блокаде и «оставить весь торговый флот на расхищение эскадры быстроходных фрегатов» или же он должен был продолжать службу эскортирования? Хотя он считал необходимым иметь дело с главным флотом неприятеля, но был приведен в замешательство той практической трудностью, слишком часто забываемой, что само по себе преобладание вооруженной силы противника не разрешает проблемы контроля моря. Новых инструкций для раз'яснения его запутанного положения не последовало, и он мог только протестовать снова. «Я хотел бы, — писал он, — быть настолько счастливым, чтобы иметь только одну из этих двух обязанностей: отыскать противника или предоставлять охрану конвоями, — так как выполнение обеих задач связано с громадными трудностями».

Нерешительная кампания, которая последовала в качестве естественного результата этого недостатка стратегического замысла и сосредоточения напряжения против определенного об'екта, закончилась нанесением Тромпом частичного поражения Блэку (Blake) возле Денджeнеса 30 ноября 1652 г. (карта 1). Хотя, вопреки протестам Тромпа, ему был поручен и обширный конвой, голландский адмирал отослал его обратно в Остенде, когда получил известие, что Блэк был в Доунсе и затем, свободный от всех привходящих обязанностей, вышел искать своего противника. Впечатление, произведенное этим неожиданным ударом на кромвелевское правительство, обладавшее большой военной предусмотрительностью, имело своим результатом те знаменитые реформы, которые сделали последовавшую зиму таким хорошо памятным поворотным пунктом британской военноморской истории. Монк, наиболее законченный профессио-

нал-«солдат» английской службы, и Дин (Deane), другой генерал, были привлечены к совместному командованию с Блэком и вдохнули в военноморской флот высокий военный дух Новой Армии (New Model Army). Этой зиме мы обязаны не только уставами, создавшими основу дисциплины, и первой попыткой формулировать боевые наставления, в которых была заложена последовательная тактическая система, но также двумя другими концепциями, положившими начало современной идее морской войны. Одна — представляла собой убеждение, что война на море означает ведение операций против вооруженного флота (armed fleet) неприятеля с целью уничтожения его силы сопротивляемости на море, отличное от проведения операций по захвату его торговли, и другая — что такое ведение войны требует для достижения действительных результатов флота, составленного из кораблей, принадлежащих государству и специально приспособленных для войны, при насколько возможно меньшем участии частновладельческих судов. Нет ничего неестественного в том, что все четыре идеи соединились в одно целое, так как они тесно связаны одна с другой. Цель определяет средства. Дисциплина, тактика флота и флот, состоящий из военных кораблей (a navy of warships), были неизбежно необходимыми для ведения войны в соответствовавшем эпохе понимании этого слова.

Результаты реформ сказались в трех больших сражениях следующей весной; первое — под командой трех генералов и два других — под командой одного Монка. В последних он проводил новую идею настолько далеко, что запретил завладевать кораблями, потерявшими способность управляться, чтобы ничто не могло задерживать работу по уничтожению. Все должно было потопляться с такой беспощадностью в отношении человеческой жизни, какую только могло вызвать последовательное проведение этого уничтожения.

Подобным же образом вторая война характеризовалась тремя большими морскими сражениями, одно из которых после возобновления командования Монка продолжалось не менее чем четыре дня. Новая доктрина была действительно доведена до преувеличения. Военноморская мысль была настолько направлена на действия линейных флотов, что не было предусмотрено никаких мероприятий для осуществления контроля. С нашей стороны по крайней мере стягивание сил для наступательных действий было проведено в такой степени, что не было даже намека на организацию замены сил резервными. Следствием было то, что наша наступательная сила испытывала временами периоды истощения, в течение которых флот должен был возвращаться в свои базы, и голландцы получали достаточную свободу не только для обеспечения своей торговли, но и для нанесения серьезных ударов нашей. Их контрудары получили свое высшее развитие в знаменитой атаке на Ширнесс и Чатам. Тот факт, что подобный благоприятный случай мог им представиться, должен быть прямо отнесен на счет преувеличения новой доктрины. В представлении британского правительства С.-Джэмская битва, последняя из трех сражений, решила вопрос господства. Были начаты переговоры о мире, и правительство намеревалось пожать плоды великих сражений в добыче за счет голландской торговли. Так как считалось, что линейный флот сделал свое дело, то его значительная часть была по финансовым соображениям поставлена в

резерв, и голландцы воспользовались благоприятным случаем. продемонстрировав бесполезность искаженной доктрины. Это было уроком, которого мы никогда не забывали, но его ценность будет наполовину утрачена, если мы припишем неудачу в большей степени недостатку понимания «доктрины боевого флота» (battle fleet doctrine), чем преувеличению его возможностей.

Суть дела в том, что мы не достигли победы, достаточно решительной в смысле уничтожения флота противника. Наиболее ценным уроком войны был вытекавший из опыта вывод, что подобные победы требуют особой подготовки и особенно в тех случаях, когда воюющие противостоят один другому на противоположных берегах тесного морского района. В подобных условиях, как показала действительность, благодаря легкости отступления и ограниченным возможностям преследования нельзя рассчитывать на полное решение без специальной стратегической подготовки. Новая доктрина действительно дала стратегии то новое направление, о котором уже говорилось. Вопрос был уже не в том, избрать ли торговлю противника или его флот главным об'ектом своих действий, но в том, как добиться соприкосновения с его флотом таким путем, чтобы привести к решительному сражению. Примитивное отыскание неприятеля у его собственных берегов означало приведение к тому, что решительного боя не будет. Должны были быть приняты меры, чтобы принудить его выйти в море и отойти от его собственных баз. Излюбленным способом стало проведение организованных стратегических операций против его торговли вместо прежних спорадических атак; флот занимал позицию, рассчитанную на полное прекращение его торговли не только у его берегов, но и далеко в море. на главных путях. Операции не были успешными из-за недостаточности мер, которые дали бы возможность флоту путем организации систематической смены кораблей удерживать свои позиции; но, несмотря на это, здесь был зародыш системы, которая позднее, при более зрелой организации, показала себя такой действительной и привела к таким сражениям, как «славное Первое июня» («Glorious First of June»).

В третьей войне, после того как применение этого метода снова и снова оказывалось неудачным, был испробован новый. Это была собственная мысль Карла II. Его идея состояла в том, чтобы использовать угрозу военной экспедицией. Около 15 000 чел. на транспортах было переброшено в Ярмут в надежде, что голландцы выйдут для преграждения перехода экспедиции через Северное море и дадут таким образом возможность нашему флоту отрезать их. В проведении этого замысла однако не было достигнуто должного согласования действий двух родов вооруженных сил, и проект не удался.

Этот метод обеспечения решения не был потерян из виду: Энсон попробовал использовать его в Семилетней войне. В течение двух лет попытка «отыскать» флот противника не вела ни к чему другому кроме истощения нашего собственного флота. Но когда Питт начал свои набеги против французского побережья, Энсон, мало веривший в их значение для военносухопутных целей, увидел в них определенные возможности для военного флота. Поэтому, когда в 1758 г. он был поставлен во главе флота Канала, имевшего задачей

9*

прикрытие экспедиции против Сен-Мало, он снял блокаду Бреста и занял позицию неподалеку от острова Батц, между главным флотом противника и линией перехода армии. Однако брестский флот не был в состоянии выйти, и поэтому результата снова не последовало. Явного примера успеха этого метода не встречается до 1805 г., но и тогда он не был использован полностью. Это была соединенная англо-русская экспедиция в Средиземное море, которая вынудила Наполеона отдать неправильный приказ Вильнёву выйти в море из Кадикса и таким образом дать возможность разрешить проблему, для которой Нельсон не видел исхода. Сражение при Лиссе может быть приведено в качестве аналогичного примера, но там итальянцы, рассматривая действия против территории как действительное наступление, вместо того чтобы считать их стратегическим приемом, пострадали сами, будучи захвачены врасплох австрийским флотом и разбиты.

Этот пример (Семилетней войны. — Р е д.) дает возможность установить тот важный факт, что хотя наши собственные военные экспедиции редко удавались в смысле приведения к решению на море, обратное было почти всегда верно. Попытки противника использовать свою армию против нашей территории были наиболее плодоносным источником наших великих морских побед. Намерения нашего противника вторгнуться на наше побережье или предпринять какую-нибудь серьезную экспедицию против наших заморских доминионов или интересов должны были бы всегда приветствоваться. Пока история не противоречит себе, мы знаем, что подобные попытки были вернейшим средством обеспечения того, чего мы хотели; мы имеем память о Ла-Гаг, Кибероне и Нэйле, которая убеждает нас, что рано или поздно они должны привести к морскому сражению, а возможность действительного решения — это все, чего мы можем требовать от фортуны войны.

Итак было достаточно сказано, чтобы показать, насколько «отыскание флота противника» само по себе недостаточно для обеспечения решения. В действительности доктрина указывает лишь то, что мы должны с самого начала стараться обеспечить соприкосновение в условиях наилучшей позиции для достижения полного решения в нашу пользу, если это позволяют другие элементы наших оперативных планов — военные или политические. Если главное наступление происходит на суше, как было в примере с Японией и с Америкой, тогда если возможно, усилия для обеспечения подобного контроля должны быть подчинены движению армии, иначе мы даем преимущество обороне перед наступлением. Если однако сухопутное наступление не может быть обеспечено, пока не выполнены морские оборонительные задачи, как например в том случае, когда противник может довести свой флот до линии перехода морем нашей армии, тогда нашим первым движением должно быть обеспечение встречи на море.

Недостатки противоположного образа действий очевидны. Если мы принимаем за принцип, что первой обязанностью нашего флота является отыскание неприятельского флота где бы он ни был, это попросту означает, что мы только подчиняем себя диспозициям и движениям противника. При таких условиях он свободно может вести нас туда, куда захочет. Одно из заблуждений, заключавшееся

во всех наполеоновских морских комбинациях, состояло в уверенности, что наши испытанные адмиралы будут действовать таким простодушным образом. Ничто не было таким далеким от их истинных намерений. Мы знаем характерный приказ Корнуэлса, служащий хорошим показателем их взглядов. Это был приказ, данный им адмиралу Коттону (Cotton), своему заместителю, второму флагману, в июле 1804 г. при передаче ему своих обязанностей по «западной эскадре» у Уэссана: «Если французы выйдут в море, — говорит он, — так, что ни один из ваших кораблей не увидит их, не следуйте за ними, пока вы не будете абсолютно уверены в курсе, на который они легли. Если вы оставите вход в Канал без защиты, противник сможет использовать это и поможет вторжению, угрожающему владениям его величества, охрана которых есть ваша главная задача».

Существует общераспространенное мнение, что Нельсон никогда не допускал для себя другой задачи, как преследование флота врага, и что, пренебрегая предосторожностью, на которую указывал Коттону Корнуэлс, он сам попался в эту ловушку. Но нужно иметь в виду, что он никогда не позволял себе предпринимать преследование неприятельского флота, уходя с позиции, удержание которой ему было поручено, не обеспечив надежности этой позиции после его ухода. Его знаменитое преследование в Вест-Индию является случаем, приведшим к неверным выводам по этому вопросу вследствие недостаточной оценки окружающей обстановки. Нельсон не преследовал Вильнева с единственной и даже главной целью привести его к сражению: его доминирующей целью было оградить Ямайку от захвата. Если бы преследование велось только с целью получения соприкосновения, он конечно считал бы себя в более надежной позиции, ожидая возвращения Вильнёва у мыса С.-Винцента или подойдя вплотную к стратегическому центру у Уэссана. Дальше нужно заметить, что Нельсон не открывал своим преследованием того, что он должен был оборонять. Средиземноморская позиция была целиком обеспечена, прежде чем он решился на свой эксцентрический маневр. Наконец мы имеем тот важный факт, что, хотя моральный эффект нельсоновского неуклонного упорства и быстроты имел неоценимое значение, однако невозможно доказать, чтобы он как исключительно стратегический маневр имел какое-либо влияние на течение кампании. Его появление в Вест-Индии могло спасти один или два маленьких острова от выкупа и значительную часть торговли от захвата. Он мог также ускорить возвращение Вильнёва на несколько дней, но это было не в нашу пользу. Вернись тот на неделю позже, не было бы нужды снимать блокаду Рошфора. Бархэм имел бы достаточно кораблей под своим командованием, чтобы сохранить всю свою блокаду, как он и предполагал сделать, пока весть, доставленная «Curieux», о стремительном возвращении Вильнёва не потребовала его сил, прежде чем он был готов к этому.

Если мы хотим найти типичный пример применения старыми мастерами доктрины отыскания противника, его можно найти не в знаменитой погоне Нельсона, но в сдержанной смелости бархэмовских приказов Корнуэлсу и Калдеру. Данные им инструкции об отыскании Вильнёва состояли из указаний о движении по двум путям его возможного приближения в такое время и на такое рас-

стояние, которые делали решительное сражение почти неизбежным и которые в то же время, если бы соприкосновение было потеряно, обеспечивали сохранение жизненно важных оборонительных позиций. Бархэм был слишком проницателен, чтобы играть в пользу Наполеона и слепым преследованием своего противника дать привести себя к тому, чтобы пожертвовать позицией, против которой противник хотел себя обеспечить. Если наша доктрина заменит собой искушенное знанием суждение, то в результате она приведет нас почти неизбежно к такого рода ошибкам, каких избежал Бархэм.

2. Блокада.

Под термином «блокада» мы подразумеваем ряд операций, широко отличающихся по своему характеру и по стратегическому замыслу. Во-первых блокада может быть военной (naval) или блокадой торговли (commercial). Военной блокадой мы стремимся или воспрепятствовать вооруженной силе неприятеля покинуть порт или обеспечить приведение ее к сражению прежде, чем она выполнит конечную цель, ради которой выходит в море. Эта вооруженная сила может быть чисто военноморская или может состоять целиком или частью из военной (десантной) экспедиции (military expedition). Если она чисто военноморская, то наша блокада является методом обеспечения господства (method of securing command). Если она состоит из военной экспедиции, то блокада является методом применения необеспеченного господства (method of exercising command), и как таковую мы будем ее рассматривать, когда подойдем к разбору защиты против вторжения. Но поскольку военные экспедиции нормально сопровождаются эскортом морских сил, операции по воспрепятствованию их переходу морем не являются относящимися всецело только к использованию господства. Военная блокада поэтому может рассматриваться для практических целей как метод обеспечения господства и как функция линейных эскадр. Блокада же торговли есть по существу метод применения необеспеченного господства и является главным образом делом крейсеров. Ее непосредственная цель — прекращение морской торговли противника — независимо от того, под чьим флагом, его собственным или нейтральным, она производится — путем лишения его возможности пользоваться торговыми путями.

Поэтому с точки зрения ведения войны мы имеем две хорошо различающихся категории блокад: блокаду военную и блокаду торговли. Но наша классификация должна итти дальше, ибо военные блокады в свою очередь также отличаются по замыслу и должны быть подразделены. Строго говоря, термин подразумевает намерение закрыть данный порт и предотвратить выход противника в море. Но не всегда только это было целью. Так же часто нашим желанием было, чтобы противник вышел в море, дабы мы могли привести его к бою, и чтобы сделать это прежде, чем он достигнет своей цели, мы должны были держать порт под наблюдением флота, более или менее тесным. Для этой операции не имелось специального названия. Как сильно ни отличалась она по своей цели от первой, она обыкновенно так же называлась блокадой, и протест Нельсона против происходившего из-за этого смешения понятий

хорошо известен. «Моим намерением не является, — сказал он, тесное наблюдение за Тулоном»; и снова — «Моя система совершенно противоположна блокаде. Противнику предоставляется использовать всякий благоприятный случай для выхода в море». Поэтому желательно ввести термины для различия указанных двух форм. «Тесная» («close») и «открытая» («open») выражают их противоположное назначение, выраженное в письме Нельсона, и эти два термина служат достаточно хорошо для обозначения характерных черт каждой из этих операций. Правда «тесная» блокада, как ее прежде представляли себе, считается теперь в общем неприменимой, но противоположные идеи, которые заключаются в двух формах блокады, никогда не смогут быть из'яты из стратегических рассуждений, и стратегия военной блокады будет всегда иметь своим предметом главным образом соотношение этих двух форм, независимо от того, какой вид они могут принять в будущем.

Что касается блокады торговли, то в строгом анализе нужно было бы исключить ее из исследования, касающегося методов обеспечения господства, и отнести ее к той части исследования методов применения необеспеченного господства, которая имеет дело с действиями против торговли и ее защитой. Однако необходимо рассмотреть некоторые ее виды в связи с военной блокадой по двум причинам: одна — та, что как правило военная блокада неразделимо соединена с подчиненной ей блокадой торговли, и другая — что блокада торговли, хотя ее непосредственной целью является осуществление контроля, почти неизменно имеет последующий об'ект, связанный с обеспечением контроля; иначе говоря, в то время как ее непосредственная цель — держать закрытыми торговые порты неприятеля, ее последующей целью является вынуждение выхода флота противника в море.

Блокада торговли имеет поэтому тесную связь с военной блокадой в ее открытой форме. Мы применяем эту форму, когда мы желаем принудить флот противника выйти в море, а блокада торговли — обыкновенно наиболее действительное средство для вынуждения его к этому движению, возможность выполнения которого мы ему предоставляем. Закрытием торговых портов неприятеля мы применяем наибольшую силу уязвления его, которую может дать нам господство на море. Мы подавляем жизнедеятельность нации на море таким же образом, как занятием войсками территории мы подавляем ее на суше. Противник должен поэтому или сразу смиренно подчиниться худшему из того, что могло бы принести ему поражение его морской силы, или же должен сражаться для своего освобождения. Он может избрать тот или другой путь, но во всяком случае одной морской силой мы не можем сделать больше этого, чтобы навязать ему нашу волю.

При большой продолжительности энергичная и беспрерывная блокада почти наверняка истощит неприятеля раньше, чем истощит нас, но цель будет достигнута не скоро и дорогой ценой. Мы нашли поэтому, что как правило в тех случаях, когда мы имели значительное превосходство, наш противник предпочитал подчиниться блокаде торговли в надежде, что благодаря случайностям войны или развертыванию свежих сил он сможет в дальнейшем оказаться в лучшем положении для выхода в открытое море. На-

ним желанием почти всегда являлось, чтобы он вышел в море и попытался искать решения в бою, и было очевидным, что слишком энергичная военная блокада не всегда могла служить путем к достижению желаемого конца или стратегического результата, которого мы могли бы ожидать от прекращения его торговли. Поэтому в тех случаях, когда желание решительного боя на море не пересиливалось более важными военными соображениями, как например в случае неизбежного, или когда мы сами имели в действии важную экспедицию, в наших интересах было склонить неприятеля в сторону более смелого выбора.

Средство состояло в создании у него надежды на успех или в приведении его к убеждению, что блокирующая сила меньше, чем в действительности, или в отведении последней на такое расстояние, которое дало бы ему основание пытаться избежать ее, — или и то и другое вместе. Типичным примером подобной открытой блокады была нельсоновская диспозиция флота у Кадикса, когда он стремился принудить Вильнёва к бою в 1805 г. Но одно только оставление порта открытым не осуществляет идеи открытой блокады, и в этом примере к созданию видимости благоприятного случая и к искушению возможностью успеха Нельсон добавил давление посредством блокады торговли у смежных портов, в надежде принудить Вильнёва к выходу в море.

Наконец при общем сравнении двух форм мы должны отметить, что тесная блокада является характерным методом обеспечения местного и временного господства. Ее главенствующим назначением будет обыкновенно предотвращение действий флота противника в определенном районе и для определенной цели, тогда как открытая блокада по своей цели уничтожения морской силы неприятеля есть определенная ступень к обеспечению постоянного господства.

Сказанного достаточно, чтобы показать чрезвычайную сложность вопроса выбора между тесной и открытой блокадой. В нашей военноморской литературе старых мастеров обычно разделяют по их отношению к данному вопросу на две школы, в том предположении, что одни из них предпочитали всегда тесную форму, а другие — открытую. Нас уверяли даже, что выбор зависел от боевого духа данного начальника. Если его боевой дух был высок, он выбирал тесную и более решительную форму; если же — наоборот, то он довольствовался открытой и менее требовательной формой. Правда, нам говорили, что люди последней школы основывали свои возражения против тесной блокады на чрезмерном изнашивании и изматывании флота, которые она за собой влечет, но при этом слишком часто указывается, что этот взгляд лишь маскировал недостаточность боевого духа. Редко — если это вообще когда-нибудь случалось — нас приглашали сравнить их решения с соответствующими стратегическими намерениями, с риском, который оправдывался данной обстановкой, или с расходом энергии, которого законно мог потребовать желаемый результат. Между тем все эти соображения должны учитываться при выборе, и при ближайшем исследовании главнейших примеров станет ясным, что они имеют явное и почти постоянное отношение к характеру применявшейся блокады.

При разборе открытой блокады необходимо иметь в виду три постулата.

Во-первых, коль скоро нашей целью является вызвать выход неприятеля в море, наша позиция должна быть такой, чтобы дать ему благоприятный случай это сделать. Во-вторых, раз мы желаем войти с ним в соприкосновение для решительного боя, эта позиция должна быть не дальше от его порта, чем это совместимо с необходимостью приведения его к сражению, прежде чем он сможет выполнить свою задачу. В-третьих должна учитываться экономичность метода, т. е. необходимость принятия метода, наименее истощающего наш флот и наилучшим образом сохраняющего его боевую готовность. Наибольшие различия в мнениях существуют по последнему вопросу. Тесная блокада всегда имеет тенденцию вести к истощению флота, и так и должно быть всегда. Но с другой стороны это оспаривалось с указанием на то, что истощение компенсируется более высоким моральным состоянием и моральным превосходством, вызываемым в хорошем флоте поддержанием тесной блокады, в то время как сравнительная легкость отдаленного и безопасного наблюдения ведет к их упадку. Прежде чем разбирать эти противоположные взгляды, необходимо сделать одно предостережение. Обыкновенно считается, что другим выбором кроме тесной блокады является наблюдение за противником (watching the enemy) из одного из наших портов, но разница несущественна. Что требуется, так это внутренняя (interior) и, если можно, скрытая позиция, которая обеспечит соприкосновение и при современном развитии средств связи на далекое расстояние подобную позицию обычно легче найти в море, чем в порту. Позиция для наблюдения (watching position) фактически сможет быть найдена вне пределов навигационных опасностей и постоянной возможности атак без ущерба для морской подготовки. Учитывая это весьма практическое соображение, мы можем перейти к рассмотрению преимуществ обеих форм с точки зрения отвлеченных принципов.

Всегда было ясным, что тесная военная блокада является одной из слабейших и наименее желательных форм ведения войны. Здесь опять-таки, когда мы говорим «слабейшая», мы имеем в виду не «наименее действительная», но «более истощающая» и имеющая тенденцию требовать больших сил, чем те, против которых она направлена. Такая тенденция имела место не потому, что блокирующий флот, бодрый и закаленный несением своего наблюдения и с большим преимуществом своей тактической позиции, не мог бы успешно сражаться с флотом равной силы, только что вышедшим из порта, но потому, что для поддержания его дееспособности требовались большие резервы для смены. Изнашивание и изматывание одинаково и людей и кораблей оказывалось настолько серьезным, что даже наиболее сильные защитники этого метода считали необходимым посменное пополнение запасов и выполнение ремонта по крайней мере одной пятой частью сил и в каждом случае — наличие двух флагманов для смены один другого. В 1794 г. один из величайших авторитетов военноморской службы утверждал, что для поддержания действенной тесной блокады Бре-

ста требуется два полных комплекта флагманов и что не менее чем одна четверть эскадры поочередно должна быть всегда в порту [1].

Эти слабые стороны, присущие тесной блокаде, неизбежно влияли на определение ее ценности. Значение возражения, основанного на них, правда уменьшается по мере развития военноморского дела, организации и материальной части флота, но оно все же всегда оставалось фактором, имевшим определенное значение. Правильно также, что оно, казалось, имело большее значение при одних людях, чем при других, но будет одинаково верно сказать, если мы хотим проследить развитие мнений по данному вопросу, что оно далеко не было единственным определяющим моментом.

В Семилетнюю войну, во время управления Энсона, продолжительная и тесная блокада впервые применялась систематически, но происхождение ее связано с именем Хаука. В течение первых трех кампаний была в ходу прежняя система наблюдения флотом Бреста из одного из британских западных портов, но она дважды потерпела неудачу в смысле предотвращения французского сосредоточения на имевшем жизненное значение канадском театре. Весною 1759 г. Хаука командовал флотом Канала; имея обычные инструкции о ведении наблюдения, но, будучи направлен для несения наблюдения с другой стороны Канала, он указал на свое намерение, пока не получит противоположных приказаний, остаться перед портом вместо того, чтобы возвращаться в Торбэй (карта 1). Поводом к этому послужило то, что он нашел в Бресте эскадру, намеревавшуюся по его мнению отправиться в Вест-Индию, и поэтому считал, что лучше всего предотвратить ее выход, чем позволить ей выйти и затем пытаться поймать ее. Другими словами, он доказывал, что ни один из обычно служивших для наблюдения западных портов не являлся расположенным в районе обычного французского пути из Бреста в Вест-Индию.

С тех пор как стали носиться слухи о вторжении, было очевидно лучшим способом иметь дело против неприятельских эскадр в водах метрополии и избегать распыления флота при отыскании неприятеля. Поэтому, невзирая на исключительно неблагоприятную погоду, ему было разрешено действовать так, как он советовал. С тех пор им была установлена новая система блокады с Боскауэном (Boscawen) в виде подсмены и проводилась с полным успехом. Но нужно заметить, что этот успех был достигнут скорее благодаря тому факту, что французы не делали в дальнейшем попыток пересечь Атлантический океан, чем благодаря достаточной надежности блокады, поддерживавшейся для предотвращения этого. В ряде случаев вследствие плохой погоды наш флот был принужден снимать блокаду и укрываться в Торбэй или в Плимут. Подобные временные переходы к открытой форме блокады почти всегда предоставляли французам благоприятный случай для выхода на юг с преимуществом в два или три дня. Однако против всякой попытки итти на восток или на север для оспаривания господства

[1] Кэптэн Филипп Паттон (Patton) сэру Чарльзу Мидльтон (Middleton) 2 июня 1794 г. Barham papers, II, 393. Паттон имел вероятно наибольший боевой опыт из всех офицеров того времени. Его считали обладающим исключительным знанием личного состава, и в 1804 г. при Бархэме он стал 2-м Морским Лордом.

в Канале или в других районах вод метрополии система была вполне действительной и не нарушалась интервалами несения блокады открытой формы.

Возможно, что именно эти соображения могли побудить во время американской войны за независимость такого прекрасного морского начальника, как Хоу, твердо стоять за возвращение к старой системе. Театр военных действий был снова по другую сторону Атлантического океана, и серьезных приготовлений к вторжению не было. Необходимо также при противопоставлении действий Хоу и Хаука иметь в виду, что в Семилетнюю войну мы обладали таким превосходством на море, которое позволяло иметь обширные резервы для поддержания тесной блокады, в то время как в продолжение американской войны за независимость мы были численно слабее враждебной коалиции. Так как мы не могли воспрепятствовать переходам французов в Вест-Индию и Северную Америку, если бы они решили это сделать, то наша линия поведения состояла в следовании за ними равным по силе флотом, с таким уменьшением сил метрополии, которого требовала эта линия поведения, и которое было совместимо с разумной степенью безопасности метрополии. Флот, требовавшийся для обеспечения безопасности, вполне мог быть меньше флота противника, так как было ясно, что все покушения на Канал были бы сделаны ограниченной и неоднородной по составу силой, образованной из испанских и французских единиц.

По мнению Хоу, это своеобразное положение нельзя было разрешить попыткой закрыть Брест, но ничто не может быть более ошибочным, чем распространение подобного мнения на условия, выходящие за пределы той обстановки, к которой оно относилось. Он считал, что не в его силах было запереть порт. Неприятель, полагал он, всегда мог быть в готовности прорваться после шторма, которым блокирующая эскадра была бы отнесена или рассеяна, корабли — сильно повреждены, а противник ободрен возможностью успеха. «Неприятель, — сказал он, — не может удерживаться от выхода в море посредством расположения перед портом едва превосходящей его эскадры». Опыт 1805 г. как будто противоречит ему. Тогда едва превосходившая силы неприятеля эскадра оказалась в состоянии предотвратить выход Гантома (Ganteaume), но в действительности, хотя она была едва превосходящей, однако имела обширный резерв флота для своевременного поддержания достаточной численности. Более того, только короткое время она действовала против реальных попыток к прорыву. После 20 мая Гантому было запрещено выходить в море. Но в течение этой знаменитой блокады было несомненно много случаев, когда он мог прорваться на юг, если бы Наполеон пожелал этого.

Итак этот пример не может служить основанием для осуждения мнения Хоу. Его специальным назначением в оперативном плане было предотвращение силами, уменьшенными до оборонительной силы, достижения неприятелем господства в водах метрополии. Конечно он не был обязан предпринимать операции, для проведения которых численность его сил была недостаточна. Его первой обязанностью было поддержание их в готовности (to keep it in being) для выполнения их главной задачи. Ради этой цели он решил не

рейти к открытой блокаде, имея общий резерв в Спитхэде или на рейде св. Елены[1], где он мог снабжать свои корабли и тренировать рекрутов, одновременно охраняя нашу торговлю и коммуникации и действуя против таковых неприятеля. Кемпенфельт, которому тогда не было равного по горячности защитника активности, целиком одобрил этот образ действий, по крайней мере на зимние месяцы, и в этом случае не найдется никого, кто бы заявил, что идея была порождением недостатка боевого духа и следствием склонности к покою.

В течение лета бывало очень мало разногласий в мнениях по поводу того, следует ли держать флот в море или нет, ибо морское обучение в течение лета более чем компенсировало ущерб в материальной части, причинявшийся периодическими повторениями свежих погод. Даже в течение зимы оба образа действий свелись почти вполне к одному и тому же. Так во время блокады в конце 1759 г. Хаук в течение критического месяца с половины октября до половины ноября был не в состоянии держаться на своей позиции почти половину времени, и когда он добился соприкосновения с Конфланом (Conflan), то достиг этого из Торбэй, а не от Уэссана. И все же можно сомневаться, что без уверенной смелости, воспитанной его энергичной бдительностью, киберонский бой был бы тем же, чем он был в действительности.

Со всем этим опытом, свежим в его памяти, Кемпенфельт открыто защищал пребывание флота в порту в течение зимы. «Предположите даже, — писал он из Торбэй в ноябре 1779 г., — что противник вышел бы в море со своим флотом (из Бреста) — вещь очень желательная для нас, — нам следует действовать мудро и оставить наш флот в порту. Предоставьте их на милость длинных ночей и тяжелых штормов, которые сделают в нашу пользу больше, чем сможет наш флот». Он думал, что значительно лучше использовать зиму для подготовки флота к следующей кампании, так, чтобы иметь «преимущество быть первыми на поле сражения». «Нам следует, — заключил он, — держать сильную эскадру в западной части района, готовую следовать движениям неприятеля. Я не имею в виду держать ее в море, ослабляя ее в борьбе с ветрами, но в Торбэй, готовую действовать, как только это потребуется в связи с донесениями разведки»[2]. Поэтому ясно, что решение, считающее тесную блокаду лучшим средством сделать флот наиболее способным к выполнению возлагавшихся на него функций, не должно быть принято слишком поспешно. Соображения, которые привели Хоу и Кемпенфельта к предпочтению открытой блокады, были основаны главным образом именно на этих важных моментах. При имевших место условиях по их мнению, — имевшему за собой высокую степень опытности, — тщательная подготовка зимой и тактические эволюции летом были вернейшим путем к боевой готовности морской силы, которой мы располагали.

С другой стороны, правда, мы имеем тот факт, что в течение американской войны за независимость система открытой блокады

[1] У восточной оконечности о. Уайт. — Прим. ред.

[2] Barham Papers, I,302.

была не вполне успешной. Но, прежде чем тотчас же осудить ее, необходимо вспомнить, что не все причины неудачи ее применения присущи ее свойствами. Во-первых необходимость освобождения Гибралтара время от времени препятствовала «западной эскадре» посвятить себя целиком своему наблюдению. Во-вторых, вследствие плохого управления флотом, зимы не использовались с достаточной энергией для проведения такой подготовки, чтобы он был весной первым на поле сражения. Наконец мы должны признать, что недостаточная успешность произошла не столько от допущения перехода французов через Атлантический океан, сколько от недостаточно энергичных действий против них, когда было достигнуто соприкосновение у места их назначения. Очевидно здесь нет ничего, что можно было бы сказать как в пользу политики «отыскания», так и против политики предотвращения выхода, пока не принято решения уничтожить или быть уничтоженными. Именно здесь недоставало Роднея и его коллег. Система потерпела неудачу как от плохого выполнения, так и от плохого замысла.

В следующую войну Хоу был все еще у власти и командовал флотом Канала. Он сохранил свою систему. Оставляя Брест открытым, он принудил французов операциями против их торговли выйти в море и был вознагражден боем Первого июня. В течение следующей зимы не было сделано попыток поддерживать тесную блокаду. Французам была предоставлена возможность плавать, и их злополучный поход в январе 1795 г. целиком подтвердил предсказания Кемпенфельта. Понесенный ими урон был так велик, что они оставили всякую мысль об использовании своего флота как одного целого. Система Хоу была применена и в дальнейшем, но уже не с таким полным успехом. В 1796 г. французы смогли совершить нападение на Ирландию, и Хоу был подвергнут жесточайшему осуждению. Его метод пренебрежительно противопоставляют тому, который Ст.-Винцент[1] принял четыре года позже, при чем совершенно не учитывают обстановки, с которой может встретиться каждый адмирал, — и опять-таки основываясь на том мнении, что закрытие Бреста разрешило бы эту проблему так же хорошо, как оно разрешило другую.

В 1796 г. мы не придерживались оборонительного образа действий, как в 1800 г. Французский флот практически был уничтожен. Вторжение не угрожало. В целях вынуждения мира наша линия поведения состояла в наступательных действиях против французской торговли и территории, чтобы посредством общего давления подкрепить принятие наших предложений о соглашении. Эта политика может быть была ошибочной, но дело не в этом. Вопрос в том, соответствовала ли стратегия политике. Мы были, следует это помнить, в войне с Голландией и в ожидании войны с Испанией, принуждавшем нас иметь в виду возможную необходимость обороны Португалии. При этих обстоятельствах ничто не было бы так далеко от нашего желания, как удержание остатков брестского флота в порту: мы надеялись наступательными действиями против французских морских интересов принудить его принять на себя их

[1] Адмирал Джон Джервис, граф Сен-Винцент (Earl St. Vincent). - Прим. ред.

оборону. Возложить на наш флот задачу закрытия Бреста значило бы ослабить его для наступательных действий и играть в пользу врага. Действующая диспозиция флота метрополии была намечена так, чтобы сохранить его наступательную деятельность и в то же самое время обеспечить превосходство в любой части вод метрополии, в которой неприятель мог бы попытаться нанести нам контрудар.

По этой диспозиции флот был распределен в три действующих эскадры; одну — в Северном море, одну — перед Брестом и одну — крейсировавшую в западной части театра с сильным резервом в Портсмуте (карта 1). Место расположения резерва часто подвергается критике, исходя из слишком поспешного предположения, что он был резервом исключительно эскадры, находившейся перед Брестом, тогда как в действительности он был общим резервом, предназначенным действовать в Северном море так же, как и везде, где могло понадобиться. В то же время он служил учебной эскадрой и депо для усиления нашей силы на море в виду возможности присоединения испанского флота к морским силам Наполеона. Истощение сил нашего флота на предотвращение набегов из Бреста, которые так же легко могли производиться и из Тесселя или из Дюнкерка, было как раз тем, чего хотел бы наш противник. Диспозиция в действительности была хорошим примером сосредоточения, т. е. расположения сил у стратегического центра, с целью сохранения гибкости для наступления без риска оборонительными нуждами — и однако именно наиболее ревностными защитниками сосредоточения и наступления эти диспозиции Хоу были осуждены с особенной легкостью.

В конечном итоге диспозиция потерпела неудачу в предотвращении высадки части неприятельских сил, предназначавшихся в Ирландию, но она сделала это предприятие настолько трудным, что его пришлось задержать до середины зимы, и тогда погода, создавшая возможность прорыва, заставила прервать экспедицию и лишила ее каких-либо шансов на серьезный успех. Это было другим примером действительности мысли Кемпенфельта относительно зимней погоды. С точки зрения морской обороны диспозиция дала все, что требовалось. Экспедиция в Ирландию была замечена нашей прибрежной крейсерской эскадрой, когда покидала Брест. Об этом донесли Колпойсу (Colpoys), имевшему линейную эскадру мористее, и только густота тумана дала возможность экспедиции проскользнуть. Фактически это было не более как прорывом небольшой силы крейсерского назначения, — возможность, предотвращение которой никакая военноморская оборона не может определенно гарантировать, особенно зимой.

Совершенно иные условия имели место в конце 1800 г., когда была возобновлена система Хаука. Вступление С.-Винцента в управление флотом совпало с окончательным принятием на себя Наполеоном руководства судьбами Франции. Наш великий поединок с ним начался. Мероприятия, принимавшиеся им, делали очевидным, что мы еще раз встретились со старой борьбой за военноморское первенство не на жизнь, а на смерть; нам открыто угрожало вторжение, мы же имели явное преобладание на море. Говоря коротко, мы должны признать, что методы Семилетней войны воскресли, ко-

гда проблемы и факторы этой войны появились вновь. Так как эти проблемы вырастали более интенсивно, чем это было после Амьенского мира, а угроза вторжения стала действительно грозной, то увеличилась и строгость тесной блокады. Она поддерживалась под командой Корнуэлса и Гарднера (Gardner) таким образом, чтобы устранить, насколько это было в пределах человеческих усилий, все возможности выхода неприятеля без сражения. В соответствии с важностью действовать против эскадр противника по частям, не рисковали ничем, чтобы привести Гантома к решительному сражению. Нашей первейшей необходимостью являлось абсолютное местное господство. Острота угрозы вторжения требовала, чтобы брестский флот удерживался в порту, и как только Гантом показывался, английский адмирал бросался на него и оттеснял его обратно. Один только раз в течение всего критического периода строгость блокады была ослаблена, и это было для действий, имевших цель величайшей важности. Она состояла в том, чтобы встретить Вильнёва при его возвращении из Вест-Индии, но даже тогда ослабление было так хорошо рассчитано, что Гантому не было дано времени использовать его.

Аналогия между условиями блокады, провозглашенной С.-Винцентом, и условиями блокады Семилетней войны станет еще более значительной, когда мы отметим, что тогда как Корнуэлс и Гарднер в районе вод метрополии довели тесную блокаду до крайнего предела строгости, Нельсон в Средиземном море совсем не применял ее, хотя его главной целью было так же предупреждение вторжения. Его главной обязанностью, как считали он и правительство, было предотвратить десант из южной Франции на неаполитанскую и левантийскую территории. Почему же тогда он не применял тесной блокады? Обыкновенно считают, что это было благодаря его доминировавшему стремлению принудить к бою тулонскую эскадру. Случайные выражения в его письмах дают некоторое основание этому взгляду, но его диспозиции показывают ясно, что желание принудить флот противника к бою находилось в теоретически-обоснованном подчинении оборонительной задаче, возложенной на него. Тесная блокада была наиболее действительным средством достижения цели, но в его положении отсутствовало одно из условий, которое, как мы нашли, всегда сопровождало успешную тесную блокаду. Он не имел такого превосходства в силе, которое дало бы ему возможность довести ее до предела совершенной беспрерывности. В этих условиях при имевшихся в его распоряжении наличных силах тесная форма блокады была бы или слишком слабой для противника или слишком истощающей для него.

Если бы этот случай и мог не считаться выражением взглядов Нельсона, мы имеем другое очень ясное подтверждение, вышедшее из-под его пера в 1801 г. Оно является особенно сильным доказательством, ибо ему была в это время действительно поручена оборона против вторжения в Англию.

С несколькими крейсерскими эскадрами он должен был предотвратить выход сил противника из ряда портов, расположенных на побережьи от Флиссингена до Диеппа, а он руководил операциями из Доунса. С приближением зимы он считал нецелесообразными попытки продолжать поддерживать тесную блокаду и писал адми-

лордству следующее: «Я держусь того мнения и предлагаю вашему высшему суждению, что необходимо принять меры, чтобы держать наши эскадры компактно и в хорошем состоянии у Денженеса как главной их станции... В хорошую погоду наши эскадры должны выходить и показывать себя, но никогда не рисковать быть разбитыми или оттесненными в Северное море; так мы будем всегда уверены в дееспособности наших сил, готовых к бою, когда этого потребует момент»[1].

Правда, пример подходит не вполне точно, ибо он связан с вопросом прямого сопротивления вторжению, а не с вопросом обеспечения общего господства. Но его ценность в том, что он дает взгляды Нельсона на обширный вопрос взвешивания риска, т. е. сопоставления риска ослабления тесного наблюдения с риском ослабления дееспособности наших кораблей при поддержании слишком энергичного тесного наблюдения.

Независимо от такого взгляда Нельсона, неудивительно, что даже в 1804 г. мнение военноморских кругов по вопросу сравнительных преимуществ тесной и открытой блокады, даже в случае угрозы вторжения, не было вполне установившимся. Как раз за год до Трафальгарского боя Корнуэлс требовал от адмиралтейства больших сил, чтобы быть в состоянии поддерживать действительную блокаду. Лорд Мельвиль (Melville), который имел в это время Бархэма своим помощником, отвечая рекомендовал «политику ослабления строгости блокады по сравнению с первоначально установленной». Он возражал, считая наличные средства недостаточными для «удержания морской силой района необходимой протяженности, раз наши корабли могут быть разбиты вдребезги в вечной борьбе со стихиями в бурные месяцы зимы». Мельвиль настойчиво желал решительного сражения, чтобы покончить с крайне напряженным положением. «Позвольте мне напомнить вам, — добавил он, — что случаи, когда мы приводили противника к бою, а наш флот к победе, обыкновенно были такие, когда мы находились на известном расстоянии от блокируемой базы». В конце концов, как мы знаем, Корнуэлс поступил по-своему, и приговор истории оправдал его решение хотя бы только за его моральный результат. Подобные разногласия будут всегда неизбежно возникать[2].

«Война, — как сказал ген. Уолф, — является выбором среди трудностей», и выбор должен склоняться в ту или другую сторону в зависимости от того, способствуют ли обстоятельства развитию соответствующих преимуществ той или другой формы. Мы никогда не можем сказать, что тесная блокада лучше, чем открытая, или наоборот. Решение этого вопроса всегда должно принадлежать суждению в каждом отдельном случае.

Но все же не имеется ли принципов, которые мы могли бы вывести из практики прошлого для подкрепления этого суждения? По крайней мере некоторые общие выводы для нашего руководства могут быть намечены. Главный вопрос будет состоять в том,

---

1 К Ивэн Нипен (Evan Nepean), 4 сентября 1801 г., донесение Нельсона IV, 484.

2 По поводу окончательного мнения Бархэма см. Barham Papers 1805 г., III 80—3.

в наших ли интересах при любых стратегических условиях держать противника взаперти и вынуждать его к выходу в море для боя?

Можно предполагать, что нашим желанием всегда будет добиться решения, как можно скорее. Однако это желание может быть пересилено необходимостью или особым преимуществом тесной блокады одной или более из его эскадр. Это положение может возникнуть двумя путями. Во-первых для нас может быть существенно важным обеспечить местное и временное господство в пределах определенного района операций, как например, когда в этом районе угрожает вторжение, или когда мы желаем направить через него военную экспедицию, или из особых потребностей в отношении действий против торговли или ее защиты. Во-вторых, даже когда мы ищем генерального сражения, мы можем тесно блокировать одну эскадру, чтобы вызвать бой в наиболее благоприятном для нас самих месте: иначе говоря, мы можем блокировать одну или более эскадр противника, чтобы понудить его попытаться другими эскадрами — одной или более — сломить нашу блокаду.

Таким образом мы можем привести его или к тому, чтобы он подставил себя для поражения по частям, или к сосредоточению там, где мы этого желаем. Исходя из каждого из этих соображений, мы можем решить, что лучшим путем достижения нашей цели является применение тесной блокады, — но вопрос этим не кончается. Мы еще должны взвесить: находится ли тесная блокада в пределах возможностей тех сил, которыми мы располагаем, и является ли она лучшим методом развертывания всей полноты их потенциальных возможностей. Тесная блокада, будучи более истощающей формой, потребует бо́льших сил; мы не можем поддерживать тесную блокаду любой продолжительности, не имея сил относительно превосходных; если же несением открытой блокады неприятельской эскадры мы позволяем ей выйти в море, обеспечив соприкосновение с ней, мы знаем, что даже с немного меньшими, чем у противника, силами мы можем действовать так, что предотвратим получение им местного контроля, достаточного для уничтожения флотилии нашей подвижной обороны (mobile flotilla defense) или для серьезного нарушения нашей торговли.

Наконец должен быть решен вопрос риска. В старые времена до развития свободного передвижения при помощи механических двигателей, до появления радиотелеграфа и до приобретения легкими силами (flotilla) боевой мощи всегда существовал тот риск, что окажется невозможным установить во-время соприкосновение с неприятелем, дабы предотвратить нанесение нам вреда. Это соображение имело особенное значение, когда неприятель имел эскадру в пределах или вблизи критического района операций. Поэтому, в случаях когда угрожало вторжение, нашей установившейся политикой была тесная блокада Бреста ценой почти любых жертв. Всегда была смутная возможность, что неприятельская эскадра, находившаяся близко к линии перехода вторгавшейся армии, в результате прорыва или вследствие благоприятного ветра сможет получить временное господство в самом важном районе, прежде чем она будет принуждена к бою. Но это все же было возможностью, кото-

рая никогда не осуществлялась на морях, отделяющих Британию от Европы, а с тех пор, как подвижность флота и действие средств связи на далекое расстояние усилились в смысле дальности и надежности и сила сопротивляемости легких сил стала значительно больше, риск стал повидимому меньше, чем когда-либо, и возможность применения открытой блокады следовательно стала менее ограниченной [1].

Однако нет нужды принимать эти принципы в качестве неоспоримых. Даже если мы возьмем великую блокаду 1803—1805 гг., которая более значительно чем что-либо влияла на взгляды по этому вопросу, можно утверждать с известной долей правдоподобия, что положение могло быть разрешено более быстро и более действительно допущением выхода Гантома из Бреста в открытое море, по крайней мере в такой же степени, в какой адмирал Того был принужден допустить выход русского флота из Порт-Артура, хотя для него необходимость удержания неприятеля в порту была даже сильнее, чем для нас в 1805 г. Но во всяком случае все направление хода событий в морских войнах с очевидностью не допускает сомнений в слабости, присущей тесной блокаде как методу ведения войны. Насколько несомненно, что при современном развитии техники возможности открытой блокады увеличились, настолько же верно, что трудности и опасности тесной блокады конечно не уменьшились. Очень вероятно также, что некоторые преимущества, которые в эпоху парусов компенсировали ее слабость, потеряли много в своем значении. Парусный флот, заблокированный в порту, не только быстро терял свой боевой дух, но, будучи лишен возможности морской тренировки, не мог сохранять своей дееспособности, в то время как блокирующий флот быстро совершенствовал свои качества до высшего предела вследствие непрерывной бдительности и постоянных опасностей. Пока напряжение не переходило пределов человеческой выносливости, все шло ему на пользу. В старые дни, несмотря на очень умеренную подсмену кораблей, этот предел никогда не достигался, и жертвы, принесенные в виде этого истощающего бодрствования, вознаграждались сторицей уменьем и смелостью, проявлявшимися в день боя. Можем ли мы рассчитывать на подобную же компенсацию теперь? Сохранится ли равновесие силы и слабости, как это обыкновенно бывало? Перед лицом обширных перемен в условиях и в сложности опыта мы должны обратиться за ответом к общим принципам.

В чем, в самом деле, состоит слабость, присущая тесной блокаде? Теория стратегии ответит сразу, что это операция, которая связана «с приостановкой наступления», — т. е. с положением, которое обыкновенно приводится в качестве примера, чтобы показать происхождение всякого рода неудач. Тесная блокада есть по существу наступательная операция, хотя ее цель обыкновенно негативная; иначе говоря, она является движением вперед (forward movement) для предотвращения выполнения противником какой-нибудь наступательной операции либо самостоятельной, либо имеющей характер контрудара. Поэтому до этих пор распространенная тенденция смешения принципов «отыскания флота противника» и «превращения берега

---

[1] Со времени развития авиации еще более.—Примечание переводчика.

неприятеля в нашу границу» может быть оправдана. Но эти две операции совершенно различны тем, что имеют различные об'екты действий. При «отыскании» — об'ектом наших действий является вооруженная сила противника. При «превращении берега противника в нашу границу» — об'ект наших действий неотделим от конечного об'екта морской войны. В этом случае об'ект действий — общие морские пути сообщений. Устанавливая блокаду, мы действуем наступательно против этих путей. Мы занимаем их и затем мы больше ничего не можем сделать. Наше наступление приостановлено: мы не можем его продолжать для уничтожения флота противника. Мы должны ожидать в оборонительном положении, удерживая владение морскими путями, которое захватили, пока неприятель не решится на атаку, чтобы сломить наше владение, и в течение этого периода ожидания преимущество внезапности — наиболее важное преимущество на войне — переходит, по хорошо известному правилу, к нашему противнику. Мы на деле оказываемся в состоянии обороны, не располагая ни одним из существенных преимуществ последней. Остается преимущество инициативы, захваченной в наши руки, но это — все. Преимущество, которое мы таким образом выигрываем, будет конечно иметь подавляющее действие на заблокированный флот, подобно тому, как это было в старину, но едва ли в такой же сильной степени. Упадок в состоянии парового флота в результате стоянки в порту едва ли может происходить так же быстро и иметь результатом такое же расслабление, как в те времена, когда морское дело на девять десятых состояло в умелом обращении с парусами. Так же правильно, что для блокирующего флота влияние погоды, бывшее в прежнее время главной причиной изнашивания и изматывания, едва ли может быть теперь таким же жестоким. Но с другой стороны физическое напряжение для командного состава и команды, а также трудность снабжения будут гораздо бо́льшими, по крайней мере пока уголь останется главным топливом. Ветер больше не ограничивает движения неприятеля; поэтому в наше время уделом блокирующего флота, стремящегося предотвратить внезапность, является бдительность более неослабная, чем известная нашим предкам. Больше того, в прежнее время внезапность означала в худшем случае то, что противник мог ускользнуть; теперь это может означать уничтожение наших собственных сил минами или торпедами. Нет надобности останавливаться на раз'яснении этого вопроса. Слишком очевидно, что применение тесной блокады старого типа связано при современных условиях со всеми невыгодами «приостановленного наступления» в настолько сильной степени, что практически они препятствуют пользованию ею.

Итак, что же в таком случае следует делать? Должны ли мы удовлетворяться при всех положениях системой Хоу, применение которой иначе, чем в случаях крайней необходимости, более зрелый опыт осудил? Не может ли быть придана старой тесной блокаде современная форма? Конечно может. В прежнее время прибрежным пределом расположения блокирующего флота был район, прилегающий к границе дальности огня береговых батарей, и эту позицию флот удерживал постоянно посредством прибрежной эскадры (inshore squadron). В наши дни подвижной обороны этим пределом по аналогии является ночная дальность действий миноносцев и дневная

дальность действий подводных лодок, то есть половина расстояния, которую они могут пройти от наступления ночи до рассвета и соответственно, наоборот, если только в этих пределах их действий не сможет быть устроена база, обеспечивающая защиту от торпедного оружия. Блокада подобного характера будет соответствовать в принципе тесной блокаде старого типа, хотя на практике, как было подтверждено японской блокадой Порт-Артура, она и в частностях не будет отличаться существенно.

На первый взгляд кажется, что величина расстояния, на котором должна будет держаться линейная эскадра, исключает возможность надежного соприкосновения с неприятелем немедленно по его появлении, что является сущностью тесной блокады. Но на самом деле другие вновь возникшие факторы, уже отмеченные нами, соответственно уменьшат эту дистанцию. Более быстрые и более надежные средства связи между флагманом и его разведчиками, абсолютная свобода движения и возможность задержки самого выхода противника постановкой мин могут сделать многое в смысле приближения элементов блокады к старому соотношению. В Порт-Артуре это было полностью так. Если таким образом, как в этом случае, наша главная цель — удержание противника в базе, то пока нет причин, по которым мы не могли бы основывать наши диспозиции на принципе тесной блокады. Расстояния будут больше, но это все.

Нельзя также забывать, что расположение эскадры перед портом по прежнему способу не является обязательным единственным средством тесной блокады. Она может однако, по крайней мере временно, выполнить эту задачу при помощи вспомогательных минных судов или «блокадных судов» (block-ships) — «sinkers» [1], как их обычно называли. Последнее средство правда имело мало успеха при последних попытках его использования, но даже в русско-японской войне возможности его применения ни в коем случае не были исчерпаны. Мы поэтому должны притти к заключению, что в тех случаях, когда стратегические условия с очевидностью требуют тесной блокады, наш план операций должен быть разработан в этом направлении несколько иным образом, сообразно с новыми средствами, имеющимися в нашем распоряжении.

Если однако наша цель не так определенна и если несмотря на наше желание лишить противника возможности выхода в море мы готовы рискнуть на это, чтобы привести к решению, вопрос оказывается не таким ясным. Растянутость тесной блокады, вызываемая новыми условиями — увеличивающими интенсивность своего влияния, как это имеет место из года в год,— будет иметь тенденцию все больше и больше приблизить практически тесную блокаду к открытой. Поэтому вопрос представляется таким: не будет ли в большем соответствии с основными элементами и возможностями современной морской силы просто принять открытую блокаду для всех целей? Мы при этом заменили бы истинной оборонительной диспозицией «приостановленное наступление», а теоретически это

---

[1] „Sinkers“ не имеет точного перевода на русский язык, и обозначает корабли, которые затапливаются при входе в порт при заблокировании последнего.— Примечание переводчика.

само по себе есть уже большое преимущество. Практические выгоды, каковы бы ни были отрицательные стороны такого образа действий, одинаково ясны и не менее велики теперь, чем они представлялись Хоу и Кемпенфельту. Мы избегаем изнашивания машин, истощения людей и угольных запасов, а влияние этих факторов по крайней мере для необходимой завесы легких сил (flotilla screen) будет значительно бо́льшим, чем что бы то ни было другое в прежнее время. Мы имеем по крайней мере возможность занять позицию, обеспечивающую от неожиданностей и от постоянного поддержания флота в состоянии наибольшего боевого напряжения. Наконец, если принять, что географические условия дают возможность известного обеспечения соприкосновения, мы можем считать, что вероятность достижения быстрого решения, которого современная война требует со все большей настоятельностью, теперь стала больше. Однако при подобной диспозиции соприкосновение может быть конечно лишь редко надежным образом обеспечено. Противник, который в предположении своей блокады озабочен получением возможности избежания боя, всегда будет иметь шансы для уклонения, но это будет всегда так, даже если самая тесная блокада будет теперь возможна. Мы можем даже итти дальше и утверждать, что открытая блокада в благоприятных условиях может дать лучшие шансы для соприкосновения. Ибо, применяя принцип открытой блокады, мы будем в соответствии с теорией обороны иметь дальнейшие преимущества, располагая возможностью лучше скрыть наше расположение и следовательно устроить западни для нашего противника, подобные тем, какие Нельсон приготовил Вильнёву в Лионском заливе в 1805 г.

Возражение против подобного образа действий, которое представляется имеющим наибольший вес в современных условиях, является возражением, основанным на учете морального фактора и неотделимым от оборонительного образа действий при любом, даже произвольном его выборе. Оно состоит в том, что если наблюдающий флот остается в укрепленной базе в метрополии, то можно предполагать, что будет иметь место обычная деградация морального состояния. Но этот метод не влечет за собой обязательно бесславной стоянки в условиях обеспеченности в такой базе. Разумная позиция может быть найдена в районе подобном тому, который Того занял в ожидании эскадр Балтийского флота, и в этом случае не было заметной деградации какого бы то ни было рода. Нет также достаточных показаний, чтобы это возражение имело существенное значение для противников взгляда Хоу. Их возражение было чисто физического характера. Открытая блокада оставляла противнику слишком много свободы для набегов против наших торговых путей. Система наблюдения (watching system) могла быть достаточной, чтобы удерживать в порту линейный флот, не желавший боя, или, чтобы привести к бою флот более предприимчивый, но она не могла обеспечить контроля против крейсерских эскадр.

Именно это было возражением Бархэма. «Если, — писал он Питту в 1794 г., — французы возымели бы какое-либо намерение послать свой флот в море с этим восточным ветром, а лорд Хоу продолжал бы быть в Торбэй, наши средиземноморский и ямайский кон-

вои оказались бы в весьма критическом положении. Оба они в это время должны были бы приблизиться к Каналу и не смогли бы войти в него, пока держится восточный ветер». Эта опасность всегда существовала для нас, особенно в таких стесненных морских районах, как Северное море. На более открытых театрах трудность не так непреодолима, ибо при достаточном морском пространстве торговля может самостоятельно или по указаниям избирать такие курсы, которые будут прикрыты диспозицией нашего наблюдения. Так во время наблюдения Нельсона у Тулона его обычные позиции у берегов Сардинии действительным образом прикрывали путь нашей торговли с Левантом и Королевством Обеих Сицилий, который был единственным значительным, имевшимся там в то время.

Суть дела в том, что, намериваясь сделать выбор между открытой и тесной блокадой, мы встречаемся с теми специальными трудностями, которые так резко отличают морскую войну от войны на суше. Мы не можем решать вопрос, исходя из чисто военноморских соображений. В морской войне, как бы ни было велико наше желание сосредоточить наше напряжение против главных сил неприятеля, последующий об'ект всегда настойчиво заявит о себе. Мы должны с самого начала сделать все, что возможно, чтобы осуществлять контроль морских путей, и коль скоро эти пути обыкновенно общи, мы не можем воздержаться от занятия коммуникаций противника без того, чтобы в то же время не пренебречь нашими собственными и не подставить их неприятелю. Поэтому в случае с Брестом тесная блокада была всегда желательна и особенно в сезоны прохода конвоев, ибо все великие пути торговли, проходившие в пределах дистанции удара из этого порта, были общими, в то время как в районе Тулона главные пути не были общими, исключая шедших вдоль побережья Африки и южной Италии, а эти пути открытая блокада Нельсона достаточно обеспечивала.

Итак наше общее заключение таково, что как бы ни были вески чисто-военноморские и стратегические доводы за принятие открытой блокады как наилучшего средства обеспечения решения против флота противника, однако неизбежное влияние последующего об'екта в виде защиты торговли или обеспечения военных (десантных) экспедиций редко даст возможность вполне свободного применения открытого метода. На деле мы должны быть готовы встретить, по меньшей мере временно, необходимость применения формы блокады настолько близкой к старой тесной блокаде, насколько могут позволить изменившиеся условия.

Глава третья.

Методы оспаривания господства на море.

1. Оборонительные операции флота „a fleet in being“ [1].

Рассматривая вопрос о теории господства на море, мы обращали внимание на ошибочность представления, что если мы не можем выиграть господства, то оно уже потеряно. Было отмечено, что это предположение, слишком часто применяемое при стратегических обсуждениях, в действительности отрицает возможность такой вещи, как стратегическая оборона на море, и игнорирует тот факт, что во время войны нормально то положение, когда господство оспаривается. Теория и история согласны в этом вопросе. Вместе они подтверждают, что держава, слишком слабая, чтобы выиграть господство наступательными операциями, может еще успешно его оспаривать занятием общего оборонительного положения.

Что подобное положение само по себе не может повести к какому-либо позитивному результату на море, — само собой разумеется, но тем не менее оно может предотвратить даже на продолжительное время обеспечение позитивных результатов неприятелем и таким образом дать время другому воюющему овладеть положением путем обеспечения своих целей на суше.

Лишь очень редко мы бывали принуждены даже на время занять подобное положение, но наши противники делали это часто, причиняя нам серьезные затруднения и ущерб. В Семилетнюю войну например французы, избегая наступательных операций, которые могли бы повести к решению, и ограничиваясь активной обороной, оказались в состоянии в продолжение пяти кампаний препятствовать завоеванию Канады, являвшейся об'ектом войны. Рискни они пойти на большой бой флотов в первую кампанию и будь результат неблагоприятен для них, мы безусловно смогли бы достигнуть нашей цели в течение половины этого времени. В конце концов они естественно не смогли предотвратить завоевания, но в продолжение всего времени, пока катастрофа отсрочивалась, Франция имела много благоприятных случаев захватить где-либо путем наступления территорию, которая, как она во всяком случае была уверена, принудила бы нас отдать наше завоевание мирным путем.

Так же в нашей последней великой морской войне [2], Наполеон, избегая генерального сражения, был в состоянии оспаривать господство, пока союзами и другими способами он не собрал силу, которую он считал достаточной, чтобы обеспечить переход к наступлению.

[1] Дословный перевод: „флот в готовности“. — Примечание переводчика.
[2] Писалось до мировой войны. — Примечание переводчика.

События показали, что эта сила была недостаточной для выполнения этой задачи, но даже когда она потерпела неудачу и господство перешло к противнику, он имел время восстановить свою мощь настолько, что потеря его флота казалось едва повлияла на нее, и он еще в продолжение девяти лет был в состоянии продолжать борьбу.

Подобные примеры — а их имеется много — показывают, насколько серьезная вещь морская оборона в руках великой военносухопутной державы, располагающей другими средствами наступления. Они говорят нам, как трудно иметь с ней дело и как поэтому важно даже для сильнейшей морской державы тщательное ее изучение.

И не только по этой причине, но также потому, что сильнейшая военноморская держава в борьбе с коалицией может оказаться не в состоянии повести энергичное наступление в одном районе без предварительного уменьшения своей силы в каких-либо других районах до уровня настолько низкого, что он позволит вести там только оборону. Типичным случаем подобного хода дел, который мы теперь должны будет разобрать, было наше собственное положение в американской войне за независимость, когда, как мы видели, с целью обеспечения необходимого сосредоточения для наступления в Вест-Индии мы были вынуждены свести свой флот метрополии до оборонительного уровня.

Итак, что мы понимаем под обороной на море? Чтобы притти к правильному ответу, мы должны освободить свое мышление от всех смущающих теней, отбрасываемых случаями обороны на суше. Одинаково и на суше и на море оборона конечно означает принятие определенных мер для отсрочки решения, пока военные или политические события не изменят соотношение в силах в нашу пользу настолько, что мы окажемся в состоянии перейти к наступлению. В операциях армий наиболее часто используемое при обороне средство есть занятие позиций и принуждение превосходящего противника истощать свою силу в их атаке. Соответственно этому в идее военносухопутной обороны доминирует концепция траншейных позиций и крепостей.

В морской войне это не так. На море главная сущность обороны состоит в избежании решительного сражения путем стратегической или тактической активности, проявляемой таким образом, чтобы держать наш флот «в готовности» (in being), пока положение не изменится в нашу пользу. В золотой век нашего флота ключом обороны на море была подвижность (mobility), но не покой. Ее идея состояла в оспаривании контроля утомляющими противника операциями, в осуществлении контроля во всяком месте и во всякий момент, когда мы видели к этому возможность, и в предотвращении осуществления контроля противником, вопреки его превосходству, путем постоянного отвлечения его внимания. Идея исключительно сопротивления едва ли вообще существовала. Все было контратакой, либо— против вооруженных сил неприятеля, либо—против его морских коммуникаций. Конечно на суше подобные методы обороны хорошо известны, но они принадлежат скорее к партизанской войне (guerilla warfare), чем к систематическому ведению операций. При регулярной войне с регулярными армиями, как бы блестяще ни использо-

вались утомляющие противника операции и контратаки, основная концепция состоит в создании обороняемой или дающей возможность обороняться (defensible) позиции.

Подобно этому и на море, хотя сущностью обороны является подвижность и неутомимый боевой дух, а не покой или сопротивление, однако обороняемая или оборонительная позиции не исключаются. Но только ими пользуются как последним средством. Флот может отступить временно в воды трудно доступные, где он может быть атакован только с большим риском, или в укрепленную базу, когда он практически будет снят с карты и не сможет быть атакован одним флотом. Но случаи, когда подобные методы могут быть использованы на море, значительно реже, чем на суше. В действительности, как бы ни была велика их ценность на суше, они едва ли могут считаться приемлемыми на море иначе, чем для достижения наиболее временных целей. Причина проста. Флот, укрывающийся на подобной позиции, оставляет открытым для противника последующий об'ект, — контроль морских сообщений, в то время как на суше армия, занимающая хорошие позиции, даже на продолжительный период прикрывает последующий об'ект, которым является обыкновенно территория. Более того, армия на позициях всегда делает что-нибудь, чтобы истощить своего противника и выравнять неблагоприятное соотношение сил, но бездеятельность флота слишком часто влечет за собой проведение противником операций, истощающих ресурсы его страны.

Таким образом для морской державы м о р с к а я о б о р о н а означает не что иное, к а к с о д е р ж а н и е ф л о т а в а к т и в н о й г о т о в н о с т и (actively in being) н е т о л ь к о «в с у щ е с т в о в а н и и»[1], н о «в с о с т о я н и и а к т и в н о й и э н е р г и ч н о й ж и з н и»[1]. Нет формулы, которая могла бы выразить более полно значение этого принципа, чем «a fleet in being», если она правильно понимается. К несчастью смысл этого принципа суживается из-за неправильного понимания обстоятельств, в которых он был впервые высказан, и применяется лишь к специальному виду обороны. Мы говорим о нем, как если бы он исключительно означал метод обороны против вторжения, и поэтому теряем его более полное значение. Если однако мы расширим его до обозначения им обороны против всякого рода наступления на море, как против территории, так и против морских коммуникаций, его широкий смысл становится ясным и дает нам истинное понимание идеи, какой она была в понимании британской службы.

Обстановка, в которой этот принцип был впервые использован, является показателем особых возможностей в морской обороне. Это было в 1690 г., когда в союзе с голландцами мы были в войне против Франции и хотя действительно имели превосходство в силах, но попали в положение, поставившее нас временно в крайне неблагоприятные условия в наших водах. Французы неожиданно быстрыми мобилизацией и сосредоточением выиграли у нас целый март, прежде чем наша мобилизация и сосредоточение были выполнены. Король Вильям с лучшей частью армии был в Ирландии, действуя против французского вторжения, поддерживавшего Иакова, и эска-

---

[1] Кавычки и разрядка переводчика.

дра в семь вымпелов под командой Шовела (Sir Cloudesley Shovel) была отправлена в Ирландское море для охраны его коммуникаций (карта 1). Другая эскадра из шестнадцати линейных кораблей — британских и голландских — была послана к Гибралтару под флагом адмирала Киллигрью (Killigrew) для борьбы с торговлей противника и для наблюдения за Шаторено (Chateaurenault), находившимся в Тулоне с немного менее сильной эскадрой. Предполагалось, что последний вероятно будет прорываться к Бресту, где мобилизовался главный французский флот под командой Турвиля (Tourville), и Киллигрью имел приказание следовать за ним, если он пройдет через Гибралтарский пролив. Шаторено прошел; Киллигрью упустил возможность принудить его к бою и вместо того, чтобы немедленно последовать за ним, ушел в Кадикс для окончания приготовлений по сопровождению отправлявшегося за границу конвоя и для экскортирования другого, который он должен был доставить в порты метрополии. Что конечно он должен был бы сделать согласно практике времен большего опыта, это предоставить конвои крейсерскому отряду и, раз соприкосновение с Шаторено было потеряно, прийти сразу со своей линейной эскадрой к стратегическому центру.

Между тем флот метрополии, которым должен был командовать Торрингтон (Torrington), все еще не был сформирован. Он стоял тремя отрядами — в Доунсе, Портсмуте и Плимуте, в то время как значительная часть обещанных голландских сил не появлялась. Это был прекрасный шанс для французов захватить господство над Каналом, прежде чем могло быть выполнено наше сосредоточение, и разбить британский флот по частям. В соответствии с этим 13 июня, как только Шаторено прибыл, Турвиль вышел в море примерно с 70 линейными кораблями. Накануне однако Торрингтон, подняв свой флаг в Доунсе, стянул два своих главных отряда в Портсмут и к моменту появления Турвиля у острова Уайт он имел с последними прибывшими голландскими и английскими кораблями около пятидесяти шести линейных кораблей на рейде св. Елены. Не зная, что тулонские силы присоединились к Турвилю, он вышел в море, намереваясь вступить в бой, но, обнаружив громадное превосходство французов, решил в согласии со своим военным советом (council of war) действовать оборонительно и, прежде чем давать бой, постараться обеспечить соединение с Киллигрью, Шовелом и плимутским отрядом, продвигаясь на запад. Если бы оказалось невозможным следовать этим курсом без боя, его план состоял в отступлении перед Турвилем даже под укрытие Гёнфлит [1], считая, что между мелями устья Темзы он будет иметь возможность отразить атаку с успехом. Он считал так же, что там будет усилен не только кораблями, все еще находившимися в Чатаме, но возможно и кораблями с запада, которые могли бы пробраться вдоль берегов и соединиться с ним через мели по проходам, неизвестным французам. Ведение боя теми силами, которые были с ним, он считал только игрой на-руку неприятелю. «Если мы будем разбиты, — писал он в докладе своему правительству, — они, будучи абсолютными господами моря, будут иметь полную свободу сделать много вещей, кои они не осмеливаются сделать, пока мы наблюдаем за

[1] Один из рукавов среди отмелей устья р. Темзы.—Примечание ред.

ними и находимся в положении возможного соединения с адмиралом Киллигрью и нашими кораблями на западе».

Это был план, задуманный на основе лучших принципов обороны, — ожидать пока присоединение свежих сил не даст возможности перейти в наступление. Он также интересен как чистый случай военноморской обороны без последующих об'ектов кроме контроля вод метрополии. По мнению правительства не было опасности какой-либо определенной попытки вторжения через Канал, но вторжение в Ирландию продолжало развиваться, и всякое питание его должно было быть прекращено, а наши собственные коммуникации — поддерживаться свободными. Больше того, налицо было серьезное беспокойство, как бы французы не распространили свои операции на Шотландию, и кроме того приближался конвой Киллигрью. Положение было таково, что очевидно не могло быть разрешено действительным образом иначе как выигрышем общего господства на море, но по соображениям Торрингтона оно могло быть обезврежено путем оспаривания господства. Поэтому его замысел состоял в том, чтобы действовать оборонительно и предотвратить достижение противником какого-либо позитивного результата, пока он сам не оказался бы в состоянии вступить с ним в бой с достаточными шансами одержать победу. Он считал, что временный оборонительный образ действий был единственным путем для выигрыша господства, в то время как вступление в бой при более слабых, чем у противника, силах было бы верным путем к его потере.

Ничто не могло быть в более тесной гармонии с принципами правильной стратегии, как мы понимаем их ныне. Без сомнения, выбор такого образа действий был наиболее передовым по сравнению со всем, что делалось до этого времени, и поэтому не удивительно, если правительству, как обычно говорят, не удалось должным образом оценить этот проект. То, что оно его отклонило, подвергается суровому осуждению. Но кажется, что оно скорее не поняло его, чем недооценило. Граф Ноттингэмский, бывший во главе правительства, полагал, как ясно показывает его ответ адмиралу, что Торрингтон думает отступить к Гёнфлиту сразу; между тем, как ясно для нас,отход к Гёнфлиту должен был быть лишь крайней мерой, и Торрингтон не думал отступать, пока французы не принудили бы его к этому. Министру не удалось постичь, как не удавалось и многим другим с тех пор, что именно адмирал понимал под формулой «a fleet in being». Он думал, что по мнению Торрингтона «in being» — этот флот в безопасности в порту, а не в соприкосновении с противником, между тем как Торрингтон не имел этого в виду. Ноттингэм видел, что намерение адмирала, как он его понимал, хотя и могло сохранить флот, однако подставило бы уничтожению все остальное; он думал так под влиянием характерной особенности морской войны, которая всегда допускает действия против последующего об'екта, если противник лишает вас всякого шанса действовать против его вооруженной силы.[1]

[1] Разрядка переводчика.

Под влиянием такого понимания, которое на самом деле не подтверждалось словами донесений Торрингтона, он получил у королевы следующий приказ: «Мы полагаем,— гласил он,— что последствия вашего отступления в Гёнфлит должны быть настолько серьезны, что избрали для вас за наилучшее — дать бой противнику, пользуясь всяким преимуществом ветра, но не отступать дальше, чем необходимо для получения преимущества над противником». Однако было предоставлено его усмотрению продвижение на запад для завершения его сосредоточения «таким путем,— гласил приказ,— чтобы вы ни в коем случае не теряли из виду французский флот, чем он мог бы воспользоваться в качестве благоприятного случая для попыток действий против Медуэй или Темзы, или для ухода без боя».

Современная критика очень сурово обошлась с этим приказом, хотя он ясно имеет в виду чисто превентивное наблюдение и даже, как показывают последние слова, идею, содержащуюся в хорошо известном изречении Нельсона, что «тем, что противник попытается сильно побить наш флот, он не сможет в этот год сделать нам больше вреда». Правда, Нельсон мог в то время полагаться на доказанное превосходство британских сил при одинаковой численности с неприятелем, но так же верно то, что Ноттингэм и его коллеги в правительстве имели информацию, которая привела к большой недооценке сил Турвиля. Это было очевидно из посланного Ноттингэму вслед за приказом извещения и действительно настолько очевидно, что Торрингтон был бы вполне прав, задержав исполнение приказа, явно основанного на неправильной информации. Однако зная вероятно, какие интриги велись против него при дворе, он решил рассматривать приказ как безусловное приказание вступить в бой, как только он оказался бы на ветре.

Но хотя концепция Торрингтона и может обратить на себя внимание как более теоретически продуманный взгляд на морскую стратегию, однако нет оснований выходить из себя по поводу плана правительства. Он конечно так же был одним из путей разрешения проблемы, и при наличии наших больших резервов поражение не означало бы катастрофы. Но он был все-таки продиктован неспособностью постичь стратегическую значительность торрингтоновского нового плана, — плана, бывшего не только более безопасным для страны, но и рассчитанного на бо́льшие позитивные результаты. Истинное заблуждение в плане правительства состояло в том, что хотя он и имел внешний вид смелого наступления, но не смог бы достигнуть ничего кроме негативного результата. Наилучшим из того, что могло принести сражение в данных условиях, было спорное господство, а наихудшим — достижение противником позитивного результата, который должен был тяжело подорвать кампанию Вильяма в Ирландии.

В этом духе Торрингтон и ответил правительству. Имея в виду беспокойство последнего за корабли, бывшие на западе, и за средиземноморский конвой, угроза которым со стороны неприятеля послужила доводом, высказанным правительством, в пользу запрещения ему итти в Гёнфлит, он указал, что корабли и конвой не будут подвергаться большой опасности, если сами будут осторожны, «ибо,—как он повторил,—пока мы наблюдаем за французами, они

не могут сделать никакого покушения на корабли или на побережье, не подвергая себя громадному риску, а если мы будет побиты, все будет предоставлено на милость победителя». Таким образом он без специального подчеркивания неправильного толкования министром его донесения указывал, что его намерением является наблюдение, а не просто отступление.

После того как Торрингтон послал этот ответ, он был прижат назад к Бичи-Хед; было невозможно итти дальше на запад, и на следующий день, оказавшись на ветре, он атаковал противника. Но попрежнему убежденный в своей идее обороны и перенося ее на свою тактику, он не предоставил французам случая для достижения ими действительного решения, а вышел из боя, как только позволило ослабление ветра. Поступая так, он считал обоснованным свое понимание приказаний, которые, как он знал, были основаны на ложной информации. Он был уверен, как он сказал при об'яснении своего образа действия во время ведения боя, «что королева не смогла бы решиться подписать этот приказ, не будь ей представлены в искаженном виде сведения о нашей слабости и силе противника».

Его флоту был нанесен такой серьезный удар, что, как он считал, его план не мог быть применен в дальнейшем. «Каковы могут быть последствия этого несчастного боя,— писал он в своем дневнике,— только бог знает, но я могу быть уверен, что если бы мне была предоставлена свобода действий, я не только предотвратил бы всякую попытку высадки на побережье, но и обеспечил бы западные корабли Киллигрью и торговые суда. В действительности он преуспел во всем этом. Медленно отступая на восток, он увлек французов за собой до Дувра, прежде чем уйти в Нор, и Турвиль не смог вернуться на запад, пока все бывшие в опасности корабли не были в Плимуте. Несмотря на то, что Торрингтон был принужден сражаться в условиях неправильно назначенного времени и места, его замысел все же в известной степени удался. Он не только воспрепятствовал французам сделать что-либо, что могло повлиять на исход войны, но он полностью разрушил план Турвиля разбить британский флот по частям. Турвиль нанес ему поражение, но использование этого поражения путем перехода в наступление не было больше в его силах.

На Турвиля и на его правительство успешность метода произвела впечатление, и это сказалось в следующем году, когда Турвиль в свою очередь оказался слабее, что лишало его надежды на достижение решения успешной битвой. В течение лета он держал свой флот у устья Канала, не давая британскому адмиралу случая войти с ним в соприкосновение. Его метод однако отличался от такового Торрингтона, и он достиг своей негативной цели, только держась вне видимости своего противника. По его мнению, если флот оставался в море, выполняя тесное наблюдение за активным врагом, сражение не могло быть избегнуто. «Если адмиралу,— писал он в своем меморандуме по этому поводу, — отдано приказание держаться в море, чтобы попробовать занять внимание противника и дать ему понять, что мы находимся в готовности атаковать его при попытке итти дальше на юг, я считаю своим долгом сказать, что в таком случае мы должны быть готовы дать в конце концов

сражение, ибо, если они действительно искали боя, они были в состоянии вступить в него, видя, что невозможно вертеться так долго близко от флота, не переходя к схваткам» [1]. Сказать так,— значит утверждать, что для флота «in being» необходимо временное отступление [2] в нужный момент, и это было существенной частью торрингтоновской идеи.

Во времена Турвиля и Торрингтона, когда корабли были трудно управляемы, а тактика флота — в младенческом состоянии, трудность избежания боя, после того как определенный противник уже вошел в соприкосновение, была без сомнения велика, если только путь для отступления не был совершенно свободен. Но по мере того как искусство морской войны развивалось, возможности «fleet in being» стали считаться гораздо более широкими, по крайней мере британской службой. Примерно век спустя, мы были принуждены пользоваться тем же методом в широком масштабе, и тогда считалось, что бóльшая скорость кораблей и определенность тактики были факторами, на использование которых можно было рассчитывать почти до неограниченных пределов. Мы имеем по этому вопросу меморандум Кемпенфельта, относящийся к наиболее тяжелым для нас дням американской войны за независимость, не ограничивающийся изложением развернутой идеи «fleet in being» и высокого наступательного духа, являющегося ее сущностью, но раз'ясняющий ее ценность не только как оборонительного средства, но и как средства, допускающего энергичное наступление, даже когда в общем вы слабее. «Когда вы знаете намерения противника, — говорит он, — то, чтобы сделать что-нибудь действительное, вы должны стараться превосходить его в той части театра, где он должен выполнять свои планы и где, если бы он преуспел, то нанес бы вам более всего вреда. Если ваш флот разделен так, что он слабее противника везде, то неприятель будет иметь прекрасные возможности успешного осуществления своих намерений повсюду. Если эскадра не может быть сформирована достаточно сильной, чтобы противостоять неприятелю в своих водах, было бы большим преимуществом сделать вашу сравнительную слабость еще больше, чтобы этим путем получить превосходство в каком-либо другом месте».

«Когда вы слабее противника и имеете только эскадру наблюдения, чтобы стеречь и следить за его движениями, подобная эскадра должна быть составлена только из двухдечных кораблей, т. е. из кораблей, обладающих наибольшей подвижностью, чтобы сделать более надежным выполнение ею своего назначения. Она должна иметь преимущество перед противником в скорости, иначе при известных обстоятельствах она сможет быть принуждена к бою или вынуждена покинуть некоторые из своих наиболее тихоходных кораблей. В высшей степени необходимо иметь подобную летучую эскадру (flying squadron), чтобы висеть на громадном флоте врага, так как это предотвратит его разделение на отдельные эскадры для нарушения вашей торговли или рассеяние его кораблей для обеспечения более широкой видимости. Вы должны быть гото-

[1] Delarbre, „Tourville et la marine de son temps“, стр. 339.
[2] Разрядка переводчика.

вы извлечь пользу из всякого случайного разделения или распыления его флота от сильных штормов, туманов или других причин. Вы можете перехватить снабжение, информацию и т. д., направляемые к нему. Наконец подобная эскадра будет задержкой и препятствием для его движения и предотвратит большое количество несчастий, которые он иначе мог бы причинить».

За три года перед тем, когда он впервые был назначен начальником штаба флота Канала, он отметил те же моменты. «Многое,— писал он в июле 1779 г., — я могу даже сказать — все, зависит от этого флота. Он является слабейшим против превосходного флота. Поэтому требуются громаднейшие искусство и ловкость, чтобы противодействовать планам неприятеля, чтобы стеречь и использовать благоприятный случай для сражения и улучать благоприятный момент для сосредоточения своей силы против той или другой слабой части линии противника; или, если такие благоприятные случаи не представляются — маневрировать вблизи неприятеля, держать его в страхе и препятствовать каждой его попытке сделать что-либо иначе, чем с риском и опасностью; владеть его вниманием и заставлять его не думать ни о чем другом, кроме того, чтобы охранять себя от ваших атак» [1].

На этих именно основаниях и велась война. Район Вест-Индии, где находился главный об'ект противника, рассматривался как театр наступательных действий, а воды метрополии — как театр оборонительных действий. Как ни был флот Канала относительно слабее флота союзников, находившегося в их водах, но его оборонительные операции были достаточно действительными, чтобы предотвратить достижение противником какого-либо успеха. Но это не все, ибо Кемпенфельт продемонстрировал и позитивное значение своей теории в наиболее блестящей и убедительной форме. Когда мы рассматривали сосредоточение, мы видели, как, командуя подобной «летучей» эскадрой, какую он имел в виду, он смог у Уэссана выбрать благоприятный момент для боя, результатом которого был захват конвоя военного снабжения — существенно важного для французов в их операциях в Вест-Индии — под носом у Де-Гишена (De-Guichen), вместе с эскортом, почти в два раза превосходившим его собственные силы.

Нельсон конечно разделял взгляды Кемпенфельта на возможности слабейшего флота, держащего себя активно «в готовности» (in being). Он писал из Средиземного моря в 1796 г.: «Под начальством такого командующего, как Джон Джервис, нашему флоту ничто не страшно... мы имеем теперь 25 кораблей в боевой линии. Соединенный флот не будет иметь больше 35... Я ручаюсь своей жизнью, Джервис разобьет их. Я не имею в виду, что в «регулярном» бою, но искусством нашего адмирала, активностью и боевым духом наших офицеров и матросов. Этот район наиболее благоприятен для такого искусства при более слабом флоте, ибо ветры столь переменчивы, что иногда в течение 24 часов то вы должны быть в состоянии атаковать часть большого флота, то — наступит штиль или поднимется противоположный ветер. Поэтому, я на-

[1] Barham Papers, I, 292.

деюсь, правительство не будет беспокоиться за нашу безопасность».

Подобная концепция оборонительного образа действий, можно в самом деле сказать, стала общепринятой для британской службы. Она была одной из тех причин, по которым в 1805 г. после прорыва Вильнёва из Средиземного моря Джон Орд (Sir John Orde) решил броситься обратно к Уэссану, вместо того чтобы пройти в пролив. «Я осмеливаюсь верить, — писал он, — что лорд Нельсон будет в состоянии со своими двенадцатьюлинейными кораблями и многочисленными фрегатами действовать оборонительно без потерь и даже повиснуть на фланге флота противника, если бы тот попытался сделать что-нибудь существенное, особенно если он обременен войсками»[1].

При всех этих оценках возможностей флота «in being», действующего оборонительно, никогда нельзя забывать, что мы имеем дело с его возможностями в отношении общего господства на море, — в отношении его общей способности оспаривания подобного господства, как им и пользовался Торрингтон, что же касается его возможностей в смысле предотвращения частной операции, как например вторжения через море, то это другой вопрос, решение которого всегда будет зависеть от местных условий. Если флот «in being» может занимать только такую позицию, что для него окажется невозможным добраться до линии перехода вторгающегося неприятеля, то он не будет преградой для вторжения. Так было в 1690 г. с флотом Торрингтона, и французы, если бы они отдавали себе в этом отчет, могли бы произвести высадку десанта, скажем в Портсмуте, в то время как Торрингтон был в Норе. Но флот Торрингтона не был единственным фактором. Его отступление принудило Турвиля оставить за собой без боя эскадры Шовела и Киллигрью, и в той мере, в какой дело касалось господства на возможной линии перехода вторгающейся армии, Турвиль не мог его иметь, как и Торрингтон. Условия обороны на море против вторжения действительно настолько сложны по сравнению с условиями общей обороны, что они должны быть рассмотрены позже как специальный отдел стратегии.

Доктрина «fleet in being» в том виде, как она была сформулирована и применена на практике Торрингтоном и развита Кемпенфельтом, не идет дальше того, что когда противник считает необходимым для своих наступательных целей общее господство в каком либо районе моря, вы можете оказаться в состоянии предотвратить достижение им такого господства путем использования вашего флота оборонительно, отказываясь от того, что Нельсон называл «регулярным боем» (regular battle), и пользуясь каждым благоприятным случаем для контрудара. Использование же этого принципа, как использовали французы в случае знаменитого турвилевского отвлекающего похода, когда вся цель французов была наступательна и не могла быть достигнута иначе, как наступлением, — совершенно другое дело.

Действительно трудно понять то восхищение, с которым рассматривалась во Франции campagne au large Турвиля. Он дер-

[1] Campaign of Trafalgar, стр. 65.

жался в море перед устьем Канала в течение пятидесяти дней летом 1691 г., и в течение сорока из них наш флот Канала не делал систематических попыток его отыскания. Он был послан в море в надежде перехватить наш громадный «смирнский конвой», который был в то время становым хребтом нашей морской торговли. Рэссель (Russel) с британским главным флотом просто занял позицию для прикрытия приближения этого конвоя, пока он был в безопасности, уверенно предполагая, что Турвиль должен прийти к нему, если он пожелает выполнить свое назначение. Когда конвой был в безопасности, Рэссель проследовал к Уэссану, т. е. стал между противником и его базой. Коммуникации Турвиля таким образом были отрезаны, его путь отхода был угрожаем, и он воспользовался первым благоприятным случаем, чтобы избежать Рэсселя и возвратиться в порт. Кроме захвата нескольких кораблей одного из вест-индских конвоев, он не выполнил ничего. Центральное наступление французов в Ирландии было сломлено в битве у р. Бойн, и престиж Англии на море был восстановлен. Правда, наша торговля в Северном море пострадала, но это не было прямым последствием нашего сосредоточения, вынужденного турвилевским крейсерством, а скорее неудачей попытки голландцев — повидимому в результате недоразумения — установить действительную блокаду Дюнкерка.

Британцам кажется, что ошибка, скрытая в инструкциях Турвиля, была зародышем заблуждения, подавившего все лучшие помыслы французского флота. В 1691 г. план его похода возможно заслуживает оправдания как достаточно наступательный, поскольку при проявившейся неустойчивости нового трона короля Вильяма возобновление сильного удара по британской торговле, одновременно с победой, ожидавшейся в Ирландии, могло быть достаточным, чтобы опрокинуть этот трон. Но впоследствии, когда осуществление идеи было сведено к мелочам, он стал непригодным. Казалось в нем была скрыта надежда, что хотя цель войны целиком зависела от выигрыша действительного господства на море, она могла все же быть достигнута морскими оборонительными операциями. Много раз, правда, политика, которая вела к упадку флот Франции, не оставляла другого пути ее морякам, и если бы они попытались при слабости своего флота по сравнению с флотом противника перейти к наступательному образу действий, конец мог бы оказаться более скорым, если не более определенным. При критическом разборе морской истории Франции мы должны тщательно различать политику от стратегии. Не всегда плоха была оборонительная стратегия, но часто политика принуждала ее адмиралов к операциям с негативной целью. Так как Франция была континентальной державой с континентальными устремлениями, это была часто политика, отказа от которой не допускали ее военные потребности. Несмотря на это, политика была дважды вредна: она была злом для страны, когда последняя была слаба, и она была злом, когда страна была сильна. Продолжительное применение оборонительного образа действий воспитывало привычку мышления, которая казалось делала страну неспособной к сильному удару, даже когда она располагала достаточными силами для этого.

По крайней мере нет другой возможности об'яснить поведение нации, обладающей таким высоким духом, когда для нее настала

возможность реванша во время американской войны за независимость.

Именно в этом, в моральной реакции, заключается опасность оборонительного образа действий, опасность настолько предательская, что мы пытаемся никогда не произносить этого слова. Но пока голоса Торрингтона, Кемпенфельта и Нельсона звучат в наших ушах, было бы безрассудно игнорировать этот образ действий для нас самих и еще более безрассудно игнорировать возможность его истощающего влияния на нас в случае использования его нашим противником. Он должен быть изучен, даже если не из каких-либо других соображений, то во всяком случае для того, чтобы научиться бороться с ним. Изучение не будет заключать в себе опасности, если только мы не будем упускать из виду тот дух неутомимого и энергичного контрнаступления, который Кемпенфельт и Нельсон считали его сущностью. Правда, некоторые условия, которые в дни парусов создавали благоприятную обстановку для его использования, исчезли, но многие еще остаются. Смены ветров и штилей такой обстановки больше не создадут, но туманная или бурная погода еще могут дать возможность морскому искусству, быстроте действий и организованности морской силы сказать свое слово, как это было прежде, и нет никаких оснований сомневаться, что до сих пор все еще возможно достигнуть хорошей морской подготовкой, чтобы «активность и боевой дух офицеров и матросов» дали те результаты, которых Нельсон ожидал с такой уверенностью.

2. Малые активные операции [1].

Для более слабого из двух воюющих «малые активные операции» всегда имели определенную привлекательность. Если держава была настолько слабее в смысле наличия морской силы, что едва могла рассчитывать даже только оспаривать господство операциями своего флота, то у нее все же оставалась надежда выравнять свою относительную слабость путем выведения из строя части сил противника. Подобные надежды редко осуществлялись. В 1587 г. Дрэку удалось задержать испанское вторжение таким контрударом против кадикского отряда Армады, пока тот не был еще мобилизован. В 1667 г. голландцы достигли подобного же успеха против нашего чатамского отряда, когда тот был демобилизован и не мог защищаться, и благодаря этому, возможно, обеспечили гораздо более благоприятные условия мира. Но нельзя сказать, что старые войны дают когда бы то ни было пример того, чтобы малые контрудары серьезно повлияли на разрешение главного вопроса господства.

Однако появление торпеды придало этому образу действий новое значение, которое не должно быть упущено из виду. Степень важности этого значения пока еще не поддается учету. По крайней мере ничто не говорит за то, что оно будет очень большим в нормальных условиях и между одинаково дееспособными флотами. Сравнительный успех японской атаки, открывшей русско-японскую войну, на порт-артурскую эскадру, есть единственный пример такого значения, а где существует только один пример, необходимо

[1] Minor counter attacks.—Прим. ред.

оценивать его с крайней осторожностью. Прежде чем сделать какие-либо выводы, имеющие устойчивую ценность, мы должны очень тщательно рассмотреть как имевшие место в данном случае условия, так и результаты.

Прежде всего это был первый опыт применения нового рода оружия, и из него совершенно не следует, что использование нового средства будет повторяться всегда с равным успехом. Не лишним будет снова напомнить брандеры. В начале парусной эры, в 1588 г., это средство казалось пробивало себе дорогу к решительному успеху против флота в открытом море. В последующих войнах новое оружие заняло важное место в организации мореходных флотов, но успех его применения уже никогда не повторялся. Против кораблей в плохо защищенных гаванях оно иногда давало хорошие результаты, и в период младенчества тактики эти результаты в смысле морального и даже материального воздействия в сражениях флотов имеют много примеров. Но по мере развития военноморской науки, когда возможности действия оружия были определены более точно, его использование стало достигать все меньшего и меньшего эффекта до тех пор, пока в XVIII столетии его не перестали считать имеющим значение. Даже его моральное воздействие исчезло и его перестали рассматривать в качестве боевого средства.

Теперь, если мы ближе исследуем пример Порт-Артура, мы найдем, что он указывает на необходимость некоторых специфических условий для применения нового оружия, имеющих сходство с теми, которые лишили брандер репутации фактора, имеющего решительное значение в боях. Вопреки очевидному грозному характеру внезапной торпедной атаки, данный пример показывает, что эти условия придают торпеде больше силы в обороне, чем в наступательных действиях. Первое условие относится к трудности точного определения места нахождения об'екта атаки. Очевидно, что для этого рода операций существенно важное значение имеет наибольшая точность осведомления, а из всех разведывательных данных на войне наиболее трудно получать информацию о расположении флота противника изо дня в день. Японцы имели вполне определенную информацию о том, что значительная часть порт-артурской эскадры находилась на якоре на внешнем рейде, но она постоянно перемещалась, и были донесения, что три линейных корабля были только что отделены от эскадры. Сообщение было ложным, но результатом его было то, что из пяти дивизионов миноносцев, которыми располагали японцы, два были направлены против Дальнего, где неприятеля найдено не было. Подобная неопределенность будет всегда существовать, и ни при каких других условиях она не может быть меньше, чем в примере с японцами, где атака была произведена до об'явления войны и в такое время, когда обычные каналы осведомления оставались для них открытыми.

Далее необходимо отметить, что, несмотря на чрезвычайное напряжение отношений в течение нескольких предшествовавших недель и на то, что неожиданная торпедная атака считалась вероятной, русские не приняли никаких предосторожностей, чтобы помешать противнику. Очевидно, что меры для предотвращения точного определения расположения флота могут и должны быть приняты в подобных случаях. Мы можем пойти дальше. От введения против-

ника в заблуждение неправильными сведениями — только один шаг до приведения его к ложному заключению и до того, чтобы расставить ему ловушку, которая вырвет значительную часть его миноносцев в первые же часы войны. Следует однако опасаться, что риск подобной возможности при малых активных операциях этого рода может быть настолько большим, что вероятно окажется слишком трудным вызвать слабейшего противника на то, чтобы он подставил свои флотилии миноносцев под удар подобным образом.

Этот взгляд получает подтверждение со стороны второго момента, на который нам указывает случай с Порт-Артуром, и состоявшего в том, что даже самая слабая защита против подобных атак имеет громадную силу; другими словами шансы на успех едва ли когда-либо могут быть достаточно велики, чтобы оправдать риск операций. Все благоприятствовало японцам. На русской эскадре уже за две или за три ночи до нападения были отданы приказы подготовить отражение торпедной атаки, но дисциплина упала так низко, что приказы исполнялись очень небрежно. Пушки не были заряжены, их прислуга не была на местах, даже не были спущены сети. Единственной принятой предосторожностью была высылка двух миноносцев в качестве дозора, но даже им было запрещено стрелять, кого бы они не встретили, пока не донесут адмиралу или сами не будут обстреляны. Защита против неожиданной атаки едва ли могла быть более слабой, напряжение же нервов атакующих оказалось значительно более сильным, чем можно было ожидать. Уже само существование дозора и необходимость избежания встречи с ним привели японцев при приближении в замешательство, от которого они не могли вполне отделаться, и атака потеряла имеющие такое существенное значение быстроту и связность. Далее, как бы ни были недостаточны меры, принятые на русской эскадре, и как ни были слабы дисциплина и боевая подготовка, однако насколько мы можем судить, японцами не было достигнуто ни одного торпедного попадания после того, как русская артиллерия и прожекторы были приведены в действие.

Подобное проявление силы оборонительных мер кажется присущим самым условиям, сопутствующим малым активным операциям, и нет оснований ожидать лучших результатов от подобных атак в нормальных условиях. Но вывод принципов из порт-артурского примера невозможен, ибо, нужно помнить что он был далек от нормального. Это было нанесение удара до об'явления войны, когда угроза натянутых отношений, хотя и была осуществлена, но почти совершенно игнорировалась русскими. Только в таких исключительных, почти невероятных, условиях можно всегда ожидать от малой атаки определенного до известной степени успеха. К этому мы должны добавить, что русская эскадра не была нормально дееспособной, но повидимому пришла в такое расслабленное состояние, которое едва ли могло повториться у другой морской державы.

В заключение мы должны спросить, каков был при всех ненормально благоприятствовавших атаке условиях действительный материальный ее результат? Имела ли она какое-нибудь реальное влияние на положение главного вопроса господства? Правда, она настолько изменила соотношение сил в пользу японцев, что они были в состоянии осуществлять местный контроль достаточно дол-

го, чтобы высадить свои войска и изолировать Порт-Артур. Но японский план обеспечения полного господства остался основанным на взятии Порт-Артура путем сухопутных операций и поддержания его осады с моря. Наконец, несмотря на все условия, благоприятствовавшие успеху атаки, материальный эффект удара был настолько мал, что даже без помощи надлежащим образом оборудованной верфи русская эскадра исправила повреждения и восстановила боеспособность еще прежде чем осада смогла быть окончательно установлена.

Малые операции, последовавшие за первым ударом, все потерпели неудачу независимо от того, были ли они предприняты против эскадры в порту или против эскадры в открытом море, и не имели сколько нибудь значительного результата.

В то же время однако необходимо помнить, что со времени русско-японской войны искусство торпедного боя развилось очень быстро. Дистанция торпедной стрельбы и ее наступательная сила увеличились в большей степени, чем средства противодействия ей. Но и эти средства так же совершенствовались и вполне вероятно, что эскадра в базе или на надлежаще защищенном якорном месте уязвима не настолько легко, как когда-либо раньше; в то же время, когда эскадра в море, поскольку она постоянно меняет свое место, попрежнему остается трудным, достаточно точно определить ее местонахождение для успешной атаки.

Недоказанное значение подводных лодок[1] только сгущает туман, который окутывает следующую морскую войну. Со стратегической точки зрения мы можем сказать не больше того, что мы должны считаться с новым фактором, который создает новые возможности для малых активных операций. Эти возможности говорят целиком в пользу военноморской обороны и являются новой картой, которая, будучи искусно сыграна в комбинации с оборонительными операциями флота, может придать новое значение принципу «fleet in being». Можно также ожидать, что какое бы значение для обеспечения господства на море в конце концов ни получили фактические возможности малых операций (minor operations), их моральное влияние будет значительным, и по крайней мере в начале будущей войны они смогут спутать и затруднить проведение больших операций (major operations) и уменьшить определенность направления тех путей, которые раньше вели так надежно к решению боем.

В связи с отсутствием достаточного опыта было бы напрасно итти в наших рассуждениях дальше, особенно в отношении торпедной атаки, которая подобно атаке брандеров зависит в своем успехе больше, чем всякая другая, от духа и искусства командиров и команды. Что касается торпеды как типичного оружия подвижной прибрежной обороны (mobile coastal defence), то здесь совсем другое дело. То, что было сказано, касается только ее значения в отношении обеспечения господства на море, а не в отношении ведения операций в условиях необеспеченного господства или оспаривания его использования. Это уже вопрос, связанный с обороной против вторжения, к которому мы сейчас и должны обратиться.

---

[1] Писалось до мировой войны.—Примечание переводчика.

Глава четвертая.

Методы операций в условиях необеспеченного господства на море [1].

1. Оборона против вторжения.

В рассмотрение методов операций в условиях необеспеченного господства мы включаем все операции, не связанные прямо с обеспечением господства на море или с предотвращением обеспечения его противником. Мы действуем в условиях необеспеченного господства, когда ведем операции, направленные не против линейного флота неприятеля, но на использование морских сообщений для наших собственных целей или на воспрепятствование использованию их противником. Подобные операции, хотя и являются логически действиями последующего характера, всегда составляли наибольшую часть войны на море. Морская война не начинается и не кончается с уничтожение линейного флота противника — так же, как не кончается с поражением его крейсерских сил. Сверх всего этого имеет место активная деятельность по предотвращению переброски его армии через море и по защите переброски наших собственных военных (десантных) экспедиций. Имеет место также борьба с его торговлей и защита нашей собственной. При всех подобных операциях мы действуем в условиях необеспеченного господства. Мы используем море или мешаем пользоваться им противнику; но мы не стараемся обеспечить это использование или предотвратить обеспечение его противником. Эти две категории операций коренным образом различаются по своей сущности и цели, а стратегически они основаны на совершенно различных замыслах.

Логически — конечно, операции, которые мы намерены выполнить в условиях необеспеченного господства [2], должны были бы следовать за операциями по его обеспечению. Другими словами, коль скоро достижение господства является специальной целью морской войны и коль скоро это господство может быть получено постоянным образом посредством уничтожения вооруженных сил неприятеля на море, то, строго говоря, никакая другая цель не должна была бы мешать сосредоточению нашего напряжения на достижении высшей цели — обеспечения господства посредством уничтожения вооруженных сил противника. Однако война ведется не по логике, и последовательность, которую предписывает логика, не всегда может быть проведена на практике. Мы видели, как благодаря особым условиям морской войны в ее ведение вмеши-

[1] Metho's of exercising command.—Примечание переводчика.
[2] ...exercising command.—Прим. ред.

дение вмешиваются посторонние надобности, которые делают неизбежным, что рассматриваемые нами операции могут как следовать за операциями по обеспечению господства, так и сопровождать их. Война, будучи как таковая сложной совокупностью военноморских, военносухопутных, политических, финансовых и моральных факторов, в действительности может редко предоставить морскому штабу чистую аспидную доску, на которой стратегические проблемы смогут быть разрешены хорошо подобранными силлогизмами. Военноморской фактор никогда не должен игнорировать других; с самого начала один из них или больше будет всегда требовать каких либо действий в условиях необеспеченного господства, которые не будут ждать развития событий в логической последовательности. В большей или меньшей степени во всех обычных случаях обе категории операций должны быть применены с самого начала.

Отсюда важность определения органического различия между двумя формами военноморской деятельности. В сумятице и пылу войны смешение их между собой очень возможно. Выработав твердый взгляд на различия между ними, мы по крайней мере сможем знать, что именно мы делаем. Мы сможем судить, насколько каждая данная операция, которая окажется необходимой, потребует для своего проведения — принесения ей в жертву безопасности, насколько подобная жертва может быть оправдана и насколько достижение одной цели сможет служить достижению другой. Используя это значение различий, можно избежать многих ошибок. Риск, на который мы идем, может оказаться большим, но мы будем способны тщательно взвесить его по сравнению со значением результатов операции, и после этого мы пойдем на него с открытыми глазами и имея перед собой определенно установленную цель. Кроме всего этого установление различий даст возможность командованию определить ясно для каждого командира соединения, что должно быть главным об'ектом его действий и какой об'ект или цель операций вверяется ему. Главное практическое значение различия именно и лежит в этом последнем соображении и особенно в определении об'екта действий данной части наших сил.

Это станет ясным сразу же, как только мы рассмотрим оборону против вторжения, которая естественно занимает первое место среди операций по осуществлению контроля в условиях необеспеченного господства. Из всех существующих мнений ни одно не приносит стольких затруднений для создания наиболее правильных стратегических установок, как то, что главным об'ектом действий нашего флота должен всегда являться флот противника. Для линейного флота и сопровождающих его единиц это конечно верно, по крайней мере постольку, поскольку противник имеет линейный флот «in being». Иначе говоря, это верно для всех операций по обеспечению контроля, но для операций по осуществлению контроля это неверно. В вопросе, который мы должны теперь разобрать, — вопросе о защите против вторжения — об'ектом действий при этих специальных операциях является и всегда являлась армия противника. На этом основном постулате всегда были построены наши планы противодействия вторжению со дней Армады до 1805 г.

В прежних традициях военноморской службы вопрос был хорошо разработан. Инструкции флагманам постоянно настаивают на том,

что транспорты являются «главным об'ектом». Все диспозиции флота в течение блокады Хаука в 1759 г. были основаны на поддержании твердого наблюдения за транспортами в Морбиане, и когда он намеревался расширить свои операции на рошфорскую эскадру, Энсон ему твердо напомнил, что «главным об'ектом внимания в это время» было во-первых «пресечение отправления противника на судах из Морбиана» и во-вторых «недопущение выхода военных кораблей из Бреста». Подобно этому коммодор Уоррен (Warren) в 1796 г., когда он был для постоянного наблюдения с фрегатами перед Брестом, издал приказы своим командирам кораблей, что в случае встречи неприятельских транспортов под эскортом,— они должны «потопить их или уничтожить наиболее быстрым образом, прежде чем атаковать военные корабли, но сохранять такое положение, чтобы выполнить атаку по сигналу». Приказы лорда Кийса (Keith) во время наблюдения за флотилией Наполеона имели такую же цель. Они гласили: «Направляйте ваше главное внимание на уничтожение кораблей, судов или ботов, имеющих на борту войска, лошадей или артиллерию (преимущественно перед кораблями, которые охраняют их), совершенно не считаясь при строгом выполнении этой важной обязанности с возможностью ложной критики за избежание соприкосновения с вооруженной силой, ибо предотвращение высадки есть об'ект главной важности, которому всякое другое соображение должно уступить дорогу»[1].

Итак, в тактике идея была такой же, как и в стратегии. Армия была главным об'ектом действий, на который были рассчитаны все диспозиции. Французской военноморской службой сила и убедительность британской практики была понята,— по крайней мере лучшими деятелями. Когда в 1805 г. Наполеон советовался с Гантомом о возможности для флотилии транспортов произвести свой переход при помощи прорыва с обходным маневром (by eva ion), адмирал сказал ему, что это невозможно, поскольку нет погоды, которая смогла бы достаточно ослабить британское наблюдение. «Во время прежних войн, — сказал он, — английская бдительность была удивительной».

Для этого правила не было исключения, даже когда обстоятельства затрудняли проведение различия между неприятельскими флотом и армией как об'ектами действий. Такое положение могло создаться двумя путями. Во-первых, когда вторгающаяся армия совершала переход совместно с линейным флотом,— как это было в случае Наполеоновского вторжения в Египет,— и во-вторых, когда хотя и было предположено, что оба будут действовать на разных операционных направлениях, но наша система обороны принуждала неприятельский флот прийти на линию перехода армии, чтобы освободить ее,— как это имело место в случае с Армадой и французской попыткой в 1744 г.

В последнем случае вторгающаяся армия, об'ект действий которой был неизвестен, находилась в Дюнкерке, а французский флот поднимался по Каналу для прикрытия перехода. Джон Норрис (Sir John Norris), командовавший флотом метрополии, был в Доунсе. Хотя его

---

[1] Admiralty Secretary's In-letters, 537, 8 августа 1803 г.

имя теперь почти забыто, но он был одним из великих основателей наших военноморских традиций и стратегом первой величины. При извещении правительства о своем плане операций он сказал, что намеревается последовать со всей своей эскадрой к Дюнкерку для предотвращения выхода транспортов. «Но, — говорит он, — если они к нашему несчастью выйдут и пройдут мимо нас ночью и направятся на север, я намереваюсь выделить превосходящую неприятеля силу, чтобы попытаться догнать и уничтожить его, а с остальной эскадрой либо вступить в бой с французским флотом, находящимся в Канале, либо наблюдать за ним и прикрывать страну,— как позволят обстоятельства; или же я буду преследовать корабли с посаженными на них войсками всеми моими силами». В этом случае не было времени для организации, как обычно, специальной эскадры или флотилии для преграждения линии перехода, и для этой цели должен был быть использован линейный флот. Поскольку это было так, Норрис не хотел позволить присутствию флота противника отвлечь его от удара против вторгающейся армии и так решительно держался этого принципа, что был намерен, если транспорты выйдут в море, направить свое наступление против них, удовлетворившись оборонительным наблюдением за линейным флотом противника.

В примере с Египтом совсем не было различия между двумя об'ектами наших действий. Экспедиция Наполеона шла в одной массе. Однако в использовании своего флота Нельсон сохранил основную идею. Он организовал его в три подэскадры: одну — из шести и две — из четырех вымпелов каждую. «Две из этих подэскадр, — говорит Берри (Berry), его флаг-капитан, — были предназначены атаковать боевые корабли, в то время как третья — преследовать транспорты и топить и уничтожать их столько, сколько она сможет»; иначе говоря, Нельсон намеревался для страховки от наполеоновской армии использовать не более десяти и возможно только 3 своих собственных линейных кораблей против 11 противника.

Можно было бы привести много других примеров британской настойчивости в избрании, в случаях вторжения — армии неприятеля, а не его флота, главным об'ектом своих действий. В старых традициях не было другого взгляда, более твердо установившегося. Его ценность была конечно более сильно заметна там, где армия и флот противника старались действовать по разным операционным линиям, т. е., где армия избирала действительно наступательную линию, а флот — прикрывающую, или превентивную, и где следовательно для нашего собственного флота не было возможности смешения двух об'ектов.

Это было нормальным случаем, и причина, почему это было так, достаточно проста. Ее следует определить теперь же, коль скоро она служит для раз'яснения общего принципа, на котором базировалась наша традиционная система обороны.

Вторжение в Англию должно быть всегда попыткой перехода через море, над которым противник не господствует. Это может быть, когда наш флот преобладает или когда этого нет, но господство должно находиться в состоянии оспаривания. Если мы выиграем полное господство, вторжение не сможет иметь места, и даже не

будет попыток к нему. Если мы потеряли господство полностью, вторжения не потребуется, ибо независимо от угрозы вторжения мы должны будем заключить мир на наилучших условиях из тех, которые сможем получить. Теперь, если господство на море места не имеет, то существуют очевидно два пути, по которым может быть сделана попытка произвести вторжение. Во-первых противник может постараться провести вторжение, форсируя нашу военно-морскую оборону флотом и транспортами в одной массе. Это была примитивная идея, на основе которой испанское вторжение Филиппа II первоначально было задумано его известным адмиралом Санта-Круц (Santa-Cruz). Созревшая военная наука однако убедила его в слабости такой попытки. Масса транспортов и военных кораблей является наиболее громоздким и уязвимым военным организмом из всех, когда-либо известных. Ч е м с л а б е е в о е н н о м о р с к а я о б о р о н а у г р о ж а е м о й с т р а н ы, т е м б о л е е р е в н о с т н о б у д е т о н а м о л и т ь с я, ч т о б ы в т о р г а ю щ и й с я п о л ь з о в а л с я э т и м с п о с о б о м[1]. Где соприкосновение с флотом противника обеспечено, и особенно в тесных морских районах, как это было в данном случае, подобный образ действий даст обороняющемуся все шансы, которых он мог бы пожелать, и успех вторгающегося будет сомнителен, если только мы всегда уверенно решим избрать армию на транспортах главным об'ектом наших действий и не будем принуждены разбить себе голову об ее эскорт.

Однако,если получение соприкосновения недостоверно, вторжение через море, на котором не господствуем ни мы, ни противник, может иметь успех путем обходного прорыва линейного флота обороняющегося, как это было в случае наполеоновского вторжения в Египет. Но эта операция принадлежит к категории совершенно отличной от той, которую мы сейчас рассматриваем. Ни одного из факторов, на которых основывается традиционная система британской обороны, здесь не было в наличии. Это была операция, проводившаяся через открытое море против отдаленного и неопределенного об'екта, не имевшего своей собственной военноморской обороны, в то время как в наших собственных условиях определяющими факторами являются постоянная военноморская оборона, приблизительно определенный об'ект действий и тесный морской район, где прорыв любой силой, достигающий размеров вторжения, невозможен.

Успех Наполеона был не больше как прорывом открытой блокады, которая не имела за собой военноморской обороны. Существенная важность этих факторов будет ясна, как только мы проследим и отметим характерные черты, отличающие каждую попытку вторжения в Англию. Из числа подобных попыток мы конечно исключаем различные нашествия на Ирландию, которые, не будучи достаточно сильны для вторжения, относятся к другому классу, с которым мы будем иметь дело позднее.

Так как способ проведения вторжения посредством прорыва мощным эскортом линейных кораблей всегда отвергался как неприемлемая операция, вторгающийся не имел иного пути, как избрать

[1] Разрядка переводчика.

отдельную операционную линию для своей армии и действовать своим флотом таким путем, чтобы иметь возможность предотвратить осуществление контроля этой линии неприятелем. Кратко — это проблема вторжения через море, на котором никто не господствует. Вопреки беспрерывному ряду неудач, связанных по временам с поражением морской силы, континентальные стратеги от Пармы до Наполеона настойчиво цеплялись за нее и верили, что возможно ее решение без проведения боя флотом. Они неоднократно пробовали всевозможные способы. Они пробовали решить ее простым неожиданным прорывом и прорывом при помощи отвлечения внимания или распыления сил нашей военноморской обороны. Они пробовали решить ее попыткой достижения местного контроля при помощи местного успеха на море, достигнутого внезапностью или попыткой выманить наш флот из вод метрополии на расстояние, достаточное, чтобы получить временное местное превосходство. Но конец был всегда один и тот же; как они ни пробовали, они встречались всегда с альтернативой: либо они должны были разбить наш прикрывающий линейный флот в бою, либо должны были связать свой собственный линейный флот с транспортами и установить то самое положение, избежать которого было их главной задачей.

Суть дела в том, что все попытки вторгнуться в Англию без господства на море двигались в заколдованном кругу, из которого никогда не было найдено выхода. Независимо от того, насколько гениален или сложен был проект неприятеля, решительное избрание его армии главным об'ектом наших действий на море всегда нарушало построение операции и приводило к невыполнимости предприятия. Ступени этого нарушения легко различимы и схематически могут быть изображены, как мы показываем ниже.

Приняв две операционные линии, вторгающаяся армия собирается в пункте настолько возможно близком к побережью, на которое должно произойти вторжение, т. е. там, где море, через которое происходит вторжение, наиболее узко и где переход армии будет подвержен опасности наименьшее время. Прикрывающий флот будет действовать из пункта, настолько отдаленного, насколько необходимо, чтобы выманить противника возможно дальше от линии перехода армии. Обороняющийся отвечает блокадой портов отправления армии флотилией легких кораблей, способных действовать против транспортов, или устанавливает подвижную оборону угрожаемого побережья, которую транспорты не смогут опрокинуть без помощи других сил, или, что всего вероятнее, он будет комбинировать оба способа. Первая несостоятельность плана вторжения теперь ясна. Чем уже море, тем легче его наблюдать. Чистый прорыв (pure evasion) становится невозможным, и потому является необходимость придать транспортам достаточную вооруженную силу в виде эскорта или каким-либо другим образом, чтобы защитить их от атак флотилий. Обороняющийся сразу подкрепляет свои флотилии обороны крейсерами и кораблями промежуточных классов, и вторгающемуся приходится подготавливать разрушение созданного препятствия линейной эскадрой. Тогда для вторжения устанавливается настолько беспокойное положение, что вся система плана нарушается, если конечно оборняющийся непреклонно придерживается стратегии, которая нами всегда применялась. Наш линейный

флот отказывался отыскивать таковой противника[1]. Он всегда занимал позицию между флотом вторгающегося и базой отправления армии для вторжения, блокада которой поддерживалась — прикрывая блокаду, и флотилию обороны. Чтобы сделать возможным для линейной эскадры разрушение нашей системы и чтобы усилить эскорт армии, вторгающийся должен преодолеть эту прикрывающую позицию сражением или расстроить ее настолько значительно, чтобы позволить усиленной эскадре прорвать ее. Но поскольку ex hypotesi он пытается вторгнуться без обеспечения господства путем боя, он будет прежде всего пробовать усилить свой эскорт транспортов путем прорыва. Сразу же он встречается с новой трудностью. Усиление эскорта влечет за собой разделение его флота, а это — средство, столь пагубно влияющее на моральное состояние, что не было ни одного вторгающегося, который рискнул бы на это, — и по следующей причине: чтобы сделать прорыв возможным для выделяемой эскадры, он должен привлечь остаток своей силы и занять внимание флота противника, и при этом — кроме того случая, когда он имеет очень большое превосходство — а ex hypotesi этого нет — он рискует быть разбитым по частям. Такой метод иногда навязывался правительствами, но это вызывало настолько громкие протесты одинаково флота и армии, что от него всегда отказывались, и вторгающийся в конце концов снова видел себя в заколдованном кругу: не имея возможности достаточно усилить эскорт транспортов без разделения своего линейного флота, он был вынужден привести весь свой флот к армии или оставить попытку, пока господство не будет обеспечено путем сражения.

Таким образом традиционная британская система никогда не терпела неудачи и приводила к мертвой хватке; при этом должно быть отмечено, что она основана на избрании вторгающейся армии главным объектом наших действий. Мы стережем ее во-первых флотилией блокады и обороны, подкрепляемой, если того требуют обстоятельства, более сильными единицами, и во-вторых — прикрывающим линейным флотом. Вся система строится именно на режиме легких сил (on the flotilla held). Возникающая местная опасность для этого режима определяет количество подкреплений, которых требует флотилия, и обеспечение этого режима определяет позицию и действия линейного флота.

Несколько типичных примеров покажут, как система действовала на практике при самых различных условиях. Первой теоретически обоснованной попыткой действовать по двум операционным направлениям в отличие от примитивного массового метода средних веков явилось испанское предприятие 1588 г. Хотя и ожидалась поддержка внутри страны со стороны недовольных католиков, но оно было задумано как настоящее вторжение, т. е. как методическая операция для завоевания. Герцог Пармский, главнокомандующий сухопутными силами, считал, что испанский флот должен не только защищать его переход и поддерживать его высадку, но также «держать открытыми коммуникации для притока провианта и снаряжения».

[1] Разрядка переводчика.

При предложении двойной линии операции первоначальным намерением Пармы было перебросить армию, используя внезапность. Однако оказалось как всегда невозможным сохранить в тайне намерение, и задолго до того, как он был готов, он увидел вокруг себя надежную блокаду голландских легких сил, поддержанных английской эскадрой. Охват англичанами района подготовки армии был настолько крепким, что в первое время казалось было сделано даже чересчур много. Главная часть английского флота под командой Хоуерда держалась на линии перехода, в то время как Дрэк один был послан к западу. Только благодаря громадной настойчивости великого моряка диспозиция, ставшая традиционной, была усовершенствована, и весь флот за исключением эскадры поддержки блокады легких сил был стянут на прикрывающую позицию на западе. Нормальное положение было таким образом установлено и могло иметь только один результат. О внезапности не могло быть и речи. Парма не мог двинуться, пока не была разрушена блокада, но и испанский флот не мог при наличии прикрывающего флота надеяться на успех неожиданного прорыва. Смутные проекты испанцев, состоявшие в удержании английского флота в стороне от линии перехода — путем угрозы десанта в западной части страны, или блокадой его в одном из западных портов,— также не годились: таким способом нельзя было освободить Парму, и Медина-Сидония (Medina-Sidonia) получил приказание проследовать прямо в Дюнкерк, если возможно — без боя, чтобы там разрушить блокаду и обеспечить переход.

У короля была мысль, что он сможет это сделать без битвы, но Парма и всякий опытный испанский моряк знали, что английский флот должен был быть целиком разбит, прежде чем транспорты могли решиться выйти из порта. Подобный бой был действительно неизбежным, и английская диспозиция обеспечивала то, что испанцы должны были вести его при всех неблагоприятных условиях, присущих операции с двойной операционной линией. Англичане обеспечивали бы надежное соприкосновение с неприятелем в таком расстоянии от линии перехода, которое позволило бы вести последовательные утомляющие противника атаки в водах, не знакомых для него, и вплотную к собственным источникам поддержки и снабжения. В бое не на жизнь, а на смерть не было бы необходимости, пока испанцы не собрались бы в ограниченных и тесных водах, в которых нуждалась для перехода армия, и где обе части английского флота соединились бы для окончательной борьбы. Испанцы должны были прийти туда с пониженным состоянием духа после ряда нерешительных действий и со страхом перед неизвестным и трудным для плавания морем. Все это не было делом случая. Это вытекало из стратегических и географических условий. Английские диспозиции извлекали из них все преимущества, и результатом было не только то, что испанская армия не смогла даже двинуться, но что эти преимущества англичан в заключительной битве были так велики, что лишь счастливая перемена ветра спасла Армаду от полного уничтожения на фламандских мелях.

Конечно в этом случае было много времени для проведения необходимой диспозиции. Будет полезным проследить его вместе с другим случаем, в котором внезапность вторжения была настолько

близка к осуществлению, насколько можно себе представить, и где подготовка обороны должна была быть произведена почти одновременно с началом обороны.

Этим примером была французская попытка 1744 г. В том году все благоприятствовало вторгающемуся. Внутреннее положение Англии было подорвано якобитским бунтом. Шотландия была неспокойна и угрожала; флот пришел, как обычно считается, в свое самое наихудшее состояние в отношении моральном, организации и командования, а руководство было в руках известного «пьяного управления» (Drunken administration). Три года мы вели неудачную войну с Испанией и поддерживали на континенте Марию-Терезию против Франции с тем результатом, что наша оборона метрополии была сведена до ее низшего уровня. Флот насчитывал тогда 183 вымпела — численность, примерно равная соединенным флотам Франции и Испании,— но благодаря войне в Средиземном море и в районе заатлантических станций, пригодных кораблей в водах метрополии было 43, включая 18 линейных кораблей. Даже считая все крейсерские корабли «по призыву» («within call»), как тогда говорили, правительство имело едва одну четвертую часть флота готовой к действию. С сухопутными силами было немного лучше. Значительно больше половины армии метрополии было за границей вместе с королем, который помогал осуществлению притязаний королевы на ганноверское курфюршество. Между Францией и Англией тогда однако войны не было. Летом король выиграл битву у Деттингена; формальный союз последовал с Марией-Терезией осенью, Франция ответила тайным союзом с Испанией, чтобы предотвратить дальнейшие действия англичан на континенте, решила направить удар против Лондона в комбинации с восстанием якобитов. Это должно было быть ударом грома средь ясного неба — до об'явления войны и в середине зимы, когда лучшие корабли флота метрополии были бы на зимней стоянке. Операция была задумана по двойной операционной линии: армия должна была отправиться из Дюнкерка, прикрывающий флот — из Бреста (карта 1).

Проведение внезапности было задумано замечательно. Дюнкеркский порт был разрушен по Утрехтскому миру в 1713 г., и хотя уже в течение некоторого времени французы его тайно реставрировали, он был все еще необорудован для приема флота транспортов. Вопреки предупреждению Джона Норриса, старейшего адмирала на службе, сбор французских войск во Фландрии по соседству с Дюнкерком был принят только за движение на зимние квартиры. Чтобы не возникло подозрений, необходимые транспорты были зафрахтованы в других портах по фиктивным чартер-партиям и должны были собраться у Дюнкерка в последний момент. С одинаковым искусством была скрыта цель мобилизации флота в Бресте. Вследствие ложной информации, умно внушенной нашим шпионам, и созданной видимости приготовлений для продолжительного парада, английское правительство поверило в то, что главный флот предполагал соединиться с испанским в Средиземном море, в то время как отряд, предназначенный для сопровождения транспортов, был снаряжен для рейда в Вест-Индию.

Что касается сохранения в тайне — подготовка была прекрасная. Однако она содержала в себе зародыши неудачи. Армия должна

была нанести удар против Тильбюри на Темзе, но насколько полно ни была соблюдена секретность, маршал Сакс (Saxe), который должен был командовать, не решался совершать переход без эскорта. В реке всегда было очень много приватиров и вооруженных торговых судов помимо крейсеров, ходивших взад и вперед для несения службы охраны торговли. Поэтому отряд, который, как мы предполагали, предназначался в Вест-Индию, должен был отделиться от брестского флота после его входа в Канал и проследовать на соединение с транспортами у Дюнкерка, тогда как Де-Рокфёйль (de Roquefeuil) с главным флотом задержал бы боем или блокадой британские корабли, которые могли быть готовы в Портсмуте.

Успех казался достижимым проще простого и совершенно верным. Британское правительство казалось совсем спящим. Удар был назначен на первой неделе января, и уже наступила середина декабря, прежде чем оно установило регулярное наблюдение крейсеров за Брестом. На основании донесений этих крейсеров были приняты меры по приготовлению достаточной по силе эскадры к новому году. В это время около 20 линейных кораблей были готовы или почти готовы в Норе, Портсмуте и Плимуте и приказано было спешно укомплектовать их. Благодаря различным причинам французы должны были отложить свое предприятие. Наконец только 6 февраля Рокфёйль был замечен выходящим из Бреста с 19 линейными кораблями. Сведения об этом достигли Лондона 12 февраля, и на следующий день Норрису было приказано поднять свой флаг в Спитхеде. Он получил инструкции «принять наиболее действительные меры для предотвращения какого бы то ни было вторжения в королевство». Поводом к принятию этих мер предосторожностей послужило не что иное, как только известие, что молодой претендент на престол покинул Рим и направился во Францию. Правительство все еще не подозревало того, что замышляется в Дюнкерке. И ни раньше ни позже как 20-го один дуврский контрабандист доставил информацию, которая наконец открыла глаза.

День или два спустя после этого были замечены французские транспорты, направлявшиеся в Дюнкерк, ошибочно принятые за брестский флот. Соответственно этому Норрису были посланы приказы следовать за ними. Тщетно он протестовал. Он знал, что французы были все еще на запад от него, но приказ был повторен, и он должен был идти. Преодолевая в своем движении по Каналу восточные ветры, он достиг Даунса и соединился с отрядом из Нора 28-го. История говорит обыкновенно об этом непредвиденном движении, как счастливом случае, спасшем страну от вторжения. Но это было не так. Сакс решил не встречаться с неприятельскими кораблями без эскорта. Они могли просто уничтожить его, если бы он так сделал. В действительности же движение, навязанное правительством Норрису, испортило намеченное им ведение кампании и уничтожение брестского флота так же, как и остановку вторжения.

Рокфёйль только что получил окончательные распоряжения о выходе. Ему было приказано использовать все средства для приведения главных сил британского флота к бою или по крайней мере предотвратить дальнейшее сосредоточение и в то же время назначить специальный отряд из 4 линейных кораблей под командой адмирала Барайля (Baraille) для эскорта транспортов из Дюнкерка.

Приказ о разделении флота был действительно неизбежным следствием нашего охватывающего наблюдения за армией. Оба начальника, как обычно бывает, начали проявлять беспокойство и, как и в случае с Медина-Сидония, решили держаться вместе, пока не достигнут острова Уайт, с тем, чтобы оставаться там, пока не смогут войти в соприкосновение с Саксом и не получат лоцманов для Дуврского пролива. Они сильно переувеличили, что является неизбежным для этого вида операций. Рокфейль заявлял своему правительству, что было невозможно определить, с какими кораблями противник прошел к Доунсу, и что Барайль по прибытии к Дюнкерку мог легко оказаться слабее противника. Он заканчивал обычным образом, настаивая, чтобы весь флот двигался одним целым к линии перехода. Однако по прибытии к Портсмуту разведка, произведенная в туманную погоду, привела его к уверенности, что весь флот Норриса был еще там, и он поэтому отделил и отправил Барайля, дошедшего благополучно до Дюнкерка.

Не зная, что Норрис был в Доунсе, Сакс начал немедленно посадку войск, но плохая погода задержала операцию на три дня и таким образом спасла экспедицию, открытую — так как погрузка происходила на внешнем рейде — для уничтожения атакой, которую Норрис был готов повести своей флотилией брандеров и бомбардирских судов.

Брестская эскадра также едва ускользнула. Сакс и его штаб, узнав по слухам, что Норрис двинулся к Доунсу, немедленно заболели морской болезнью, которой кажется всегда страдает армия, если ей предстоит встретиться с опасностью перехода по морю без господства на нем. Они также хотели, чтобы весь флот эскортировал их, и Рокфейлю были отданы соответствующие приказы сделать так, как он предлагал. Попрежнему, не зная о присутствии Норриса в Доунсе с большим числом линейных кораблей, чем у него, он пришел с теми пятнадцатью, которые остались с ним, чтобы соединиться с Барайлем. Норрис был извещен о его приближении, и именно тогда он дал свою уже упоминавшуюся поразительную оценку необходимых при создавшемся положении действий.

«Так как я вижу, — сказал он, — что величайшей важностью для службы его величества является предотвращение высадки этих войск в любой части страны, я... решил стать на якорь за пределами песчаных отмелей Дюнкерка, где мы будем в прекрасном положении для тесного наблюдения за ними», т. е. он решил охватить место пребывания армии, не обращая внимания на флот противника, и так как об'ект действий Сакса был не совсем ясен, он предполагал сделать это посредством тесной блокады. «Но если, — продолжал он, — они к нашему несчастью выйдут и пройдут мимо нас ночью и направятся на север (т. е. к Шотландии), я намереваюсь выделить превосходящую неприятеля силу, чтобы постараться догнать и уничтожить его, а с остальной эскадрой либо вступить в бой с французским флотом, находящимся в Канале, либо наблюдать за ним и прикрывать страну, как позволят обстоятельства; или же я буду преследовать корабли с посаженными войсками (т. е. последую за транспортами всеми моими силами)». Это означало, что он предполагал действовать против армии противника наступательно, а против флота—оборонительно, и его план был полностью утвержден королем

Которое именно из этих двух намерений должно было быть приведено в исполнение, находилось в зависимости от размера сил противника, ибо было донесено, что рошфорская эскадра соединилась с Рокфёйлем. Сомнение было быстро устранено. Утром он услышал, что Рокфёйль был в Денджнесе только с пятнадцатью линейными кораблями. Моментально он понял все преимущества внутренней позиции, которые представились ему вследствие необходимости для Рокфёйля итти на соединение с армией. С прозорливостью, достойной восхищения, он увидел, что настал момент бросить всю свою силу на флот противника, не теряя тесного наблюдения за линией перехода армии. Операция была предпринята немедленно. Как только французы были замечены, был поднят сигнал «общее преследование», и Рокфёйль был на волосок от захвата врасплох на своей якорной стоянке, когда штиль остановил атаку. За штилем последовал другой жестокий шторм, при котром французы обратились в бегство, носившее характер отчаянного «спасайся, кто может», а флот транспортов был разбит. Следствием всего этого была не только неудача вторжения, но и то, что мы обеспечили господство в водах метрополии на весь остальной период войны.

Попытка, как мы видим, несмотря на то, что все ей благоприятствовало, прошла все нормальные стадии пути к безуспешности. Несмотря на прекрасно составленный план и отличное введение в заблуждение, неизбежные трудности, возникшие в момент начала выполнения, как это обычно бывало, заставили противника предпринять неуклюжее соединение линейного флота с транспортами, и мы оказались в состоянии противодействовать ему просто посредством противопоставления централизованно стянутых сил на обнаруженной и определенной линии перехода.

В следующем проекте, в 1759 г., был разработан новый, весьма разумный план, имевший целью преодоление указанных трудностей. Первой мыслью маршала Белиль (Belleisle), подобно мысли Наполеона, было собрать армию в Булони и в Амблетёйз[1] и избежать сбора транспортов путем скрытной переправы через пролив в плоскодонных ботах. Но эта идея была оставлена, прежде чем превратилась во что-нибудь серьезное. Обманчивое преимущество короткого перехода не могло осуществиться и армия должна была отправиться из трех широко удаленных один от другого пунктов, все в более открытых водах: один отряд — для диверсионного выхода — из Дюнкерка и две более грозных силы из Гавра и Морбиана (в южной Бретани). Для обеспечения достаточного контроля предполагалось провести сосредоточение флотов из Средиземного моря и Вест-Индии и об'единение их с брестским флотом.

Новизна проекта, как видим, состояла в том, что наш прикрывающий флот, т. е. «западная эскадра» у Бреста, должна была бы обеспечить две крейсерских блокады по одной с каждой стороны от него. Хотя положение представлялось трудным, оно было разрешено прежними путями. Два отряда французской армии, в Дюнкерке и Морбиане, наблюдались крейсерскими эскадрами, способными догнать их в открытом море, если им случайно удалось бы прорваться; третий отряд в Гавре, который, не имел ничего, кроме плоско-

[1] Несколько севернее Булони.—Прим. ред.

донных судов для переброски войск, наблюдался флотилией при наличии хорошей поддержки. Его положение было безнадежным. Он не мог двинуться без эскадры, которая бы его освободила, а подходящей погоды, которая принесла бы ее из Бреста, не было: Хаук, который вел главную блокаду, мог быть отнесен ветром, но едва ли промахнулся бы в приведении к бою всякой эскадры, которая пыталась бы войти в Канал. С силой, находившейся в Морбиане было другое дело. Во всякое время, когда Хаук был бы отнесен, эскадра французов могла бы пройти из Бреста и уничтожить блокаду крейсеров. Французское правительство действительно приказало части флота произвести такую попытку. Однако Конфлан, командовавший тогда, протестовал против разделения сил, считая их слишком слабыми для этого, вследствие невыполнения предполагавшегося сосредоточения. Боскауен захватил и разбил средиземноморскую эскадру у Лагоса, а вест-индская эскадра хотя и прибыла, но, как и при проведении плана громадного сосредоточения Наполеона, оказалась неспособной для дальнейшего использования. Возникло прежнее положение, вызванное старым методом обороны, и в конце концов Конфлану не оставалось ничего иного, как придать весь свой флот к морбианским транспортам. Хаук сразу напал на него, и результатом был ужасный для французов день у Киберона. Один отряд у Дюнкерке оказался свободным, но его малочисленность, позволявшая ему избежать линии наблюдения, препятствовала нанесению им какого-либо урона. Его эскорт после высадки горстк войск в Ирландии был целиком уничтожен, и так снова попытка французов вторгнуться через море без обеспечения на нем господства не имела другого результата, кроме потери ими флота.

Проект 1779 г. подтвердил принципы, о которых идет речь, даже более сильно, ибо показал их действительность, когда наш флот метрополии был значительно слабее флота противника. В этом случае идея вторгавшегося была: сформировать два экспедиционных отряда,— в Шербурге и в Гавре, и под прикрытием сильно превосходившего наши силы соединенного флота Испании и Франции, объединив их в море, захватить Плимут и остров Уайт. В начале лета мы получили первые вести об этом плане, и немедленно были сформированы две крейсерских эскадры и флотилии в Доунсе и у Нормандских островов для наблюдения за французским побережьем и для предотвращения сосредоточения транспортов. Испания еще не объявила войны, но подозревалась в намерении сделать это, и главные силы нашего флота под командой ветерана Чарльза Харди (Sir Charles Hardy), который был вторым флагманом у Норриса в 1774 г., получили приказание отправиться к Бресту для предотвращения входа в этот порт какой-либо испанской эскадры, которая могла бы около него показаться. Французы однако перехитрили нас, выйдя в море до прихода Харди к своей позиции, и соединились с испанцами у Финистерре. Соединенный флот насчитывал до 50 линейных кораблей почти вдвое превосходя наши силы. Вторгающаяся армия с Дюмурье (Dumouriez) в качестве начальника штаба исчислялась в 30 000 чел. — сила, которой мы не были в состоянии противостоять на суше. Поэтому все было за успех вторжения, и только во флоте, по крайней мере, еще преобладало чувство уверенности, что вторжение не может иметь места.

Мозгом руководства морской обороной были Бархэм, — впоследствии сэр Чарльз Мидльтон, — в Адмиралтействе и Кемпенфельт в качестве начальника штаба флота; благодаря их переписке между собой за это время, мы знаем их наиболее ценные стратегические установки. Идея французов состояла в том, чтобы войти в Канал со своими подавляющими силами, и в то время как они уничтожат или удержат Харди, отправить достаточную эскадру, чтобы разбить блокады крейсеров и сопровождать войска при переправе. Кемпенфельт был уверен, что это не могло быть сделано. Он был уверен, что тяжеловесная соединенная эскадра могла быть обессилена его сравнительно однородным и подвижным флотом — хотя и более слабым — пока он мог держаться с ним мористее и западнее. Оценка силы более слабого, но подвижного флота, которую он давал, в это время была уже сделана. Когда худшее в этом положении стало полностью известно и было донесено, что противник находится у устья Канала, он написал другое письмо Мидльтону. У него было только одно сомнение, имеет ли его флот необходимые связность и подвижность. «Мы, кажется, — писал он, — еще недостаточно осознали тот определенный факт, что сравнительная сила двух флотов зависит много от их скорости. Флот с большей скоростью имеет большое преимущество, ибо он может вступить в бой или нет, как ему нравится, и поэтому всегда имеет возможность выбрать благоприятный случай для атаки. Я думаю, что могу уверенно высказать мнение, что двадцать пять вымпелов боевой линии с медной обшивкой были бы достаточны, чтобы утомить и замучить эту громадную тяжеловесную соединенную Армаду настолько, чтобы воспрепятствовать ей сделать что-нибудь; висеть постоянно на ней в готовности воспользоваться всяким случаем ее разделения, — ночью, в шторм или в туман, чтобы броситься на отделившегося, чтобы отрезать конвои продовольствия, приходящие к ней, и если они попытаются произвести вторжение, вынудить весь их флот эскортировать транспорты; но даже тогда было бы невозможно охранить их вполне от такого активного и подвижного флота».

Здесь мы имеем вышедший из-под пера одного из наших величайших мастеров настоящий ключ к решению: возможность принуждения всей массы флота противника эскортировать транспорты. Харди конечно знал это хорошо по своему опыту 1744 г. и действовал соответственно ему. Этот случай наиболее ярок, поскольку оборона против угрожающего вторжения не исчерпывала той проблемы, которую он должен был решить. Она была осложнена указанием, что он должен также предупредить возможную высадку в Ирландии и прикрыть прибытие больших конвоев. В ответ на это 1 августа он заявил о своем намерении занять позицию на WSW от о-вов Силли, в 10 или 20 лигах[1], «которая, как я считаю, — говорит он, — есть наиболее подходящая позиция для обеспечения торговых конвоев, ожидаемых из Ост- и Вест-Индии, и для встречи флота противника, *если он попытается войти в Канал*». Он подчеркнул последние слова, указывая очевидно на свою уверенность, что они не решатся сделать это, коль скоро он может держать свой флот западнее и не разбитым. По крайней мере он это сделал, пока ме-

[1] 1 лига—3 морских мили.—Прим. ред.

сяц спустя не нашел необходимым пополнить запасы. Тогда, все еще избегая противника, он поспешил не в Плимут, но прямо на рейд Св. Елены [1]. Этот маневр всегда рассматривается, как недостойное отступление, и он причинил много разочарования во флоте в то время. Но следует заметить, что его поведение строго соответствовало принципу избрания армии вторгающегося главным об'ектом действий. Если флот Харди не мог дольше находиться в море без пополнения запасов, то настоящее место для их пополнения было на линии перехода вторгающегося. Пока он был там, вторжение не могло иметь места, до того как он был бы разбит. Союзники, правда имели теперь возможность соединиться с транспортами, но подобное движение не создавало затруднений для адмирала, ибо оно могло принести ему шанс поступить с противником так же, как с испанцами в 1588 г. «Я сделаю все с своей стороны, — сказал он,— чтобы оттеснить их вверх по Каналу». Это — старый принцип. Если худшее приводить к худшему, то, коль скоро вы можете принудить прикрывающий флот соединяться с транспортами и особенно в тесном морском районе, вторжение становится операцией, выходящей за пределы допустимого риска на войне.

Это подтвердилось. 14 августа Д'Орвильер (d'Orvilliers), главнокомандующий союзническими силами, прибыл в Лизарду и в течение двух недель старался привести Харди к решительному сражению. Пока он этого не сделал, он не решался ни войти в Канал со своим флотом, ни отправить эскадру, чтобы разрушить блокаду крейсеров у баз, где находилась армия для вторжения. Его безуспешные действия окончательно истощили возможность пребывания его флота в море, которую уже до этого серьезно сократило отдаленное сосредоточение у Финистерре, и он был принужден возвратиться обессиленным в Брест, прежде чем что-нибудь было выполнено. Союзники не были способны снова выйти в море в эту кампанию, но если бы даже они смогли это сделать, Харди и Кемпенфельт могли бы играть свою оборонительную игру бесконечно и с все возраставшими шансами — так как приближалась зима — нанести парализующий удар.

У этой попытки вторжения никогда не было действительных шансов на успех, хотя, правда, Дюмурье думал иначе. Он считал, что предприятие могло бы удаться, если бы была произведена диверсия главными силами флота против Ирландии и под прикрытием ее произведена быстрая атака против острова Уайт, для которой, — сказал он, — «шесть или восемь линейных кораблей было бы достаточно». Но невероятно, чтобы Харди и Кемпенфельта можно было так легко отвлечь от их наблюдения за линией перехода. Если бы подобный отряд был отделен от неприятельского флота и направлен в Канал, они последовали бы за ним или с превосходящей его силой или со всей своей эскадрой.

Разработка хорошо известных проектов во время великой войны шла по тому же пути. Под руководством Наполеона они проходили полную гамму всех планов, вызывавших до этого ложные надежды. Осуществление идеи тайной переправы армии в плоскодонных ботах было встречено обычной оборонительной флотилией. Затем

---

[1] У восточной оконечности острова Уайт.—Прим. ред.

появилась его новая идея, состоявшая в вооружении флотилии транспортов до силы, достаточной для самозащиты на переходе. Мы ответили усилением нашей флотилии. Убедившись на опыте, что его план стал неприменим, он направил свои намерения на уничтожение блокады посредством нанесения внезапного удара маневренной подвижной эскадрой издалека. Для этого были выработаны различные осуществимые на первый взгляд схемы, но план за планом таял в его руке, пока он не был вынужден встретиться с неизбежной необходимостью придания подавляющей линейной силы своим транспортам. Опыт двух столетий ничему не научил его. Он полагал, что более удаленным, чем когда-либо прежде, сосредоточением сможет разрушить фатальный охват места расположения его армии противником. Единственным результатом было такое сильное истощение его флота, что тот вовсе не смог приступить к преодолению истинных трудностей его задачи — задачи, про которую каждый адмирал его службы знал, что разрешение ее находится вне пределов сил императорского флота. Наполеон не приблизился даже к решению поставленной им самим проблемы вторжения через море без достижения на нем господства. При нашем непроницаемом охвате флотилией, прикрытой автоматическим сосредоточением линейных эскадр у Уэссана, его армия никогда не смогла бы тронуться, пока он не нанес бы нашему прикрывающему флоту такого поражения, которое дало бы ему господство на море, а при «абсолютном» контроле моря переход армии не представляет никаких трудностей.

Примера действия этих принципов при современных условиях мы не имеем. Приобретение свободного движения должно неизбежно изменить условия их применения; со времени введения пара было только два вторжения без обладания господством на море, это — в Крым в 1854 г. и в Манчжурию в 1904 г., но ни один из этих случаев не имеет ничего общего с нашими принципами, ибо ни в одном из них не было никакой попытки к морской обороне. Однако все же нет причин думать, что подобная оборона, примененная в соответствии со старым способом, была бы менее действительна, чем прежде. Ее основой были легкие силы (flotilla), а со времени появления торпеды мощь легких сил сильно возросла. Ее действительность и моральное воздействие против транспортов должны быть конечно значительно больше, чем когда-либо, а сила эскадр для разрушения блокады легких сил сократилась. Мины также говорят почти целиком в пользу обороны, и настолько сильно, настолько действительно, что нанести быстрый coup de main против какого-либо важного порта является почти невозможным. Ввиду отсутствия всякого опыта мы должны для освещения вопроса обратиться к следующим соображениям.

Теоретически успех нашей старой системы зависел от четырех сравнительных соотношений. Во первых—от сравнительного соотношения между скоростью мобилизации и переброски вторгающейся силы и скоростью, с которой может быть донесено о военных приготовлениях в районе иностранных портов и плацдармов; иначе говоря, шанс внезапности и возможности проскользнуть зависит от скорости приготовления по сравнению со скоростью информации.

Во-вторых — от сравнительного соотношения между скоростью хода транспортов и скоростью хода крейсеров и легких сил; иначе говоря, наша способность войти в соприкосновение с экспедицией после выхода ее в море, и прежде чем экспедиционные силы смогут быть выгружены, зависит от скорости хода наших крейсеров и флотилий по сравнению со скоростью хода транспортов.

В-третьих — от сравнительного соотношения между разрушительной силой современных крейсеров и легких сил при действиях против отряда транспортов экспедиции, не эскортируемых или слабо эскортируемых, и соответствующей силой во времена парусного флота.

В-четвертых — от сравнительного соотношения между скоростью хода отряда транспортов экспедиции и скоростью хода линейных эскадр, что важно, когда транспорты противника сильно эскортируются. От этого соотношения зависит легкость, с которой линейная эскадра, прикрывающая нашу подвижную оборону, сможет обеспечить себе промежуточное положение для нанесения из него удара или линейной эскадре противника, если она подходит, или его экспедиции, прежде чем она сможет выполнить свой переход и произвести высадку.

Все эти соотношения кажутся измененными современным развитием в пользу обороны. В первом соотношении — скорости мобилизации и скорости информации — это очевидно так. Хотя мобилизация армии может быть все еще столь же быстрой, как и мобилизация флота, однако информация опережает их обе. Это одинаково верно как в отношении получения, так и препровождения информации. Приготовления для вторжений через море всегда трудно скрыть благодаря нарушению движения кораблей, которое они причиняют. Принимались предосторожности для предотвращения проникновения информации через аппарат торговли, но они никогда не имели полного успеха. Еще раньше, при сравнительно примитивных условиях организации международной торговли, достижение скрытности было сравнительно легким, по крайней мере на время; теперь же все возрастающая тонкость и сложность организации мировой торговли, когда изменения положения на рынке доносятся с часу на час вместо недель, сильно увеличили трудность этого. Но независимо от скорости, с которой информация может быть собрана через эту бдительную и тесную связь между биржами, имеется тот еще более важный факт, что благодаря радиотелеграфу скорость передачи военноморской информации увеличилась в значительно большей степени, чем скорость морского передвижения

Что касается соотношения между скоростью хода крейсеров и отряда транспортов экспедиции, от которого так сильно зависит возможность прорыва, то его влияние осталось таким же. В дни фрегатов соотношение было не более чем 7 к 5. Но теперь, во всяком случае в отношении больших отрядов транспортов, оно стало почти вдвое больше.

Относительно разрушительной мощи легких сил, возрастающей из года в год, было сказано уже достаточно. С появлением торпеды и подводной лодки она увеличилась вероятно в десять раз. В несколько меньшей степени это правильно и в отношении крейсеров.

В прежние дни физическая сила нанесения крейсером вреда рассредоточенному отряду была сравнительно мала вследствие его относительно малого превосходства в скорости и небольшой дальнобойности и разрушительной силы его пушек. С увеличением скорости, а также разрушительной силы и дальнобойности орудий возможность для крейсеров отрезать отряд транспортов превращается практически в возможность уничтожения последнего почти наверняка раз он настигнут и следовательно увеличивает моральные препятствия к уверенности в прорыве до несравнимых с прежними условиями размеров.

Увеличение соотношения скорости линейного флота и скорости большого отряда транспортов экспедиции также бесспорно и не менее важно, ибо легкость нахождения промежуточной позиции является коренным фактором в старой системе. Пока наш линейный флот находится на позиции, с которой он может прикрыть нашу блокаду, проводимую легкими силами, или нанести удар экспедиции неприятеля на ее пути, он вынуждает линейный флот противника прибегнуть к последнему средству и присоединиться к отряду транспортов, а это, как указывает Кемпенфельт, практически является роковым для успеха вторжения.

С какой бы точки зрения мы таким образом ни рассматривали будущие возможности успешного вторжения через море, на котором нами не достигнуто господства, мы видим, что не только старая система еще пригодна, но и что все современное развитие, касающееся данного вопроса, увеличивает вероятность тех результатов, на которые по крайней мере наша военноморская служба обыкновенно так уверенно рассчитывала и которые всегда обеспечивала.

2. Действия против торговли и ее защита

Основная идея действий против торговли и ее защиты может быть выражена старой поговоркой: «Где имеется добыча, туда собираются орлы». Наиболее важные экономически районы (most fertile areas) земного шара всегда притягивали наисильнейшие нападения и поэтому требовали наисильнейшей защиты, а между районами, экономически важными (fertile) и неимеющими этого значения (infertile), всегда можно было провести разграничение, которое для стратегических целей было достаточно определенно и постоянно. Экономически важными районами являлись: конечные пункты отправления и назначения торговых судов, в которых торговля сосредоточивалась, и во вторую очередь — узловые пункты, в которых благодаря существующему расположению суши торговые пути имели тенденцию сходиться в одну точку. Районами, не имевшими первостепенного экономического значения, были великие пути, которые проходили через узловые районы (focal points) торговли и соединяли конечные районы (terminal areas).

Следовательно действия против торговли могли принять одну из двух форм. Они могли быть направлены либо на конечные районы на торговлю в открытом море.

Нападение на конечные районы (terminal attack) дает большие результаты, но требует больших сил и риска: нападение на торговлю

в море (pelagic attack), будучи менее надежным, требует меньших сил и риска.

Эти соображения приводят нас непосредственно к парадоксу, который поясняет причину неуклонных неудач наших противников в осуществлении решающего давления (decisive pressure) на нас операциями против нашей торговли. Он состоит в том, что в тех районах, где нападения следует ожидать более всего, защита наиболее легка. План войны, который имеет уничтожение торговли своим главным об'ектом, является в некоторой степени показателем слабости на море придерживающейся его стороны, так как, имея превосходство в силах, эта сторона обратила бы его на достижение действительного господства (working command) посредством боя или блокады. Поэтому, исключая редкие случаи, когда противостоящие силы равны, мы должны принять, что воюющий, избирающий уничтожение неприятельской торговли своим главным об'ектом, будет иметь дело с превосходящим флотом. Причина трудности защиты торговли лежит преимущественно в обширности пространства моря, которое она захватывает. Но с другой стороны районы, в которых она имеет тенденцию скопляться и в которых по существу она только и является серьезно уязвимой, немногочисленны и невелики и могут быть легко заняты, если мы имеем превосходство в силах. За пределами этих районов действительное занятие морского пространства невозможно, но зато менее действительно и нападение. Отсюда основной принцип войны против торговли: легкость нападения означает легкость защиты.

Рядом с этим основным принципом мы должны указать другой, имеющий едва ли меньшую важность. Благодаря обычной общности морских коммуникаций действия против торговли противника и защита своей торговли так тесно соприкасаются, что одна операция почти неотличима от другой. Оба замысла удовлетворяются занятием общих путей сообщения. Наисильнейшей формой нападения является занятие конечных районов путей сообщения противника и установление блокады торговли у портов, которые в этих районах расположены. Но так как эта операция обыкновенно требует блокады прилежащего военного порта, она также является как правило диспозицией для защиты нашей собственной торговли, даже когда конечные районы путей противника не перекрываются нашими собственными. В отношении занятия узловых районов в море — осуществление этих двух замыслов еще более совпадает, особенно, когда большинство этих узлов, если не все, находится на общих морских путях. Поэтому будет достаточным общее рассмотрение вопроса с точки зрения защиты торговли.

Наша старая система защиты торговли была развернута на основе проведения различия между районами первостепенного и второстепенного экономического значения. В общем эта система предназначалась обеспечивать сильную защиту конечных районов, а в важных случаях и узловых. Посредством расположения в конечных районах линейной эскадры с полным составом крейсеров, они превращались в «защищенные» районы, или «тракты» («tracts»), как их раньше называли, и торговые суда считались в безопасности, когда входили в них. Случайные пути торговли оставлялись как правило незащищенными. Так, наши конечные районы путей в метрополии

удерживались двумя линейными эскадрами: «западной» — у устья Английского канала и эскадрой Северного моря или «восточной» со штабом (headquarters) обыкновенно в Доунсе. К ним была придана крейсерская эскадра на Ирландской станции с базой в Корке, иногда подчинявшаяся «западной эскадре», а иногда бывшая самостоятельной. Район «западной эскадры» во французских войнах простирался, как мы видели, на весь Бискайский залив, с двойной функцией, поскольку вопрос касался торговли и предотвращения выхода крейсерских эскадр из портов неприятеля, а также активных действий против его атлантической торговли. Район эскадры Северного моря простирался до входов в Балтийское море и до северного выхода из Северного моря. Ее главной функцией в эпоху великих морских коалиций против нас являлось воспрепятствование операциям голландских эскадр или предотвращение действий французов в северном направлении против нашей балтийской торговли. Подобно «западной эскадре» она высылала отряды, обыкновенно располагавшиеся в Ярмуте и в Лейте, для охраны малого каботажа от приватиров и от спорадических крейсерских операций из портов, расположенных в пределах обороняемого района. Подобно этому между Доунсом и «западной эскадрой» была обыкновенно одна или несколько меньших эскадр, по преимуществу крейсерских и обычно расположенных у Гавра или на Нормандских островах, служивших для той же цели в отношении нормандских и северо-бретанских портов. В качестве завершения системы существовали патрули легких сил (flotilla patrols), действовавшие в подчинении адмиралов в портах и несшие службу охраны на прибрежных путях и местных сообщениях, имевших тогда большое значение, с тех пор уже давно утраченное. Система метрополии конечно отличалась в различное время, но она в общем была всегда построена на этих основаниях. Система военноморской защиты торговли имела кроме того защищенные порты-убежища (defended ports of refuge); главный из них был расположен на побережьи Ирландии для защиты океанской торговли, но другие в большом количестве были подготовлены в «защищенных» районах для защиты против операций приватиров. Развалины батарей по всему британскому побережью свидетельствуют, насколько цельной была организация.

Подобная система преобладала и в колониальных районах, но там оборонительные силы состояли нормально из крейсерских эскадр, подкрепленных одним или двумя линейными кораблями, преимущественно в качестве флагманских кораблей. Эти районы занимались линейными эскадрами, только когда враг угрожал операциями с участием таких сил. Малая или внутренняя оборона (minor or interior defence) против местных приватиров была вполне местной, т. е. большая часть легких сил состояла из шлюпов (sloops), построенных или нанятых на месте, как наиболее подходящих для службы. Узловые районы не были тогда так многочисленны, как со времени развития дальневосточной торговли. Наиболее важный из них — Гибралтарский пролив — считался защищенным районом. С точки зрения защиты торговли он обслуживался Средиземноморской эскадрой путем наблюдения за Тулоном. Эта эскадра прикрывала не только пролив, но также узловые районы в самом море. Она так же имела выделенные отряды, иногда числом до четырех, один — у пол-

ходов к Легхорну, другой — в Адриатическом море, третий — на Мальте и четвертый — в Гибралтаре. В случаях войны с Испанией последний был достаточно сильным, чтобы обеспечить узловой район против Картагены и Кадикса. Однажды действительно, как мы видели, в 1804—1805 гг. здесь был установлен на короткое время самостоятельный район со специальной эскадрой. Но во всяком случае район Гибралтара имел свою собственную флотилию охраны в подчинении адмирала порта в качестве защиты против местных приватиров и пиратов.

Общая теория этих защищенных конечных и узловых районов, как мы увидим, имела целью обеспечивать наличие сил в тех водах, скрещивание торговых путей в которых делало их наиболее важными экономически и которые поэтому представляли собой районы операций неприятельских крейсерских эскадр. Несмотря на разработанную оборонительную систему, подобные эскадры могли — и это иногда имело место — действовать путем применения внезапности и были тогда в состоянии вызвать на бой эскадры конвоев и крейсерские передовые посты. Но, как показал опыт, система защиты конечных районов линейными эскадрами делала невозможным для таких эскадр оставаться достаточно долго в указанных районах и наносить какой-либо серьезный вред или серьезно нарушать торговлю.

Эта система могла быть разрушена только регулярным флотом превосходящей силы. Другими словами защита могла перестать быть действительной только когда наши средства местного контроля были бы уничтожены в бою.

О защищенных районах (defended areas) мы сказали довольно. Что касается великих путей, соединяющих их, то, как указывалось выше, они оставались незащищенными. Это означает, что обеспечение плавания судов по ним производилось не патрулями, а эскортами. Была принята система конвоев, и сущность этой системы состояла в том, что, так как корабли в пути могли подвергнуться только спорадическим атакам, то они собирались в караваны (fleets) и снабжались эскортом достаточной силы для отражения спорадических атак. В теории крейсерский эскорт мог считаться достаточным, но на практике было найдено удобным и экономичным возлагать обязанности эскорта частично на линейные корабли, которые выходили для присоединения к эскадре отдаленного конечного района, или возвращались оттуда для ремонта или по каким-либо другим причинам; другими словами система смен кораблей в иностранных водах была дополнена системой эскортов.

Где не было подходящих кораблей, а конвои были большой ценности, или когда было известно, что линейные корабли противника были в море, линейные единицы специально назначались для сопровождения конвоев и возвращения с ними, но такое использование их было исключительным.

Подобный образ действий в отношении великих путей вытекал из системы «защищенных районов». Насколько последние имели большое экономическое значение и привлекали крейсерские эскадры противника, настолько великие пути были экономически менее важны, и ни один противник не мог расходовать на них свои силы, посылая туда свои корабли. Однако очевидно, что такая система

имела свою слабую сторону, ибо самый факт, что конвой был на великом пути, уже привлекал противника, и таким образом сравнительная безопасность этих путей утрачивалась. Опасность в значительной степени уменьшалась в результате того, что порты неприятеля, из которых могла выйти его эскадра, были все в пределах «защищенных районов» и потому были под наблюдением нашего собственного флота. Но все-таки охрана не могла быть сделана непроницаемой. Всегда существовала возможность прорыва какой-либо эскадры, и если она прорывалась по направлению к важному торговому пути, то ее нужно было преследовать. Поэтому были моменты, когда система конвоев серьезно расстраивала наши диспозиции, как например в критический период Трафальгарской кампании, когда на короткое время наша цепь защищенных районов была нарушена прорвавшейся тулонской эскадрой. Этот прорыв вынудил тесное сосредоточение вокруг «западной эскадры», но, независимо от всех других соображений, было найдено невозможным оставлять силы стянутыми долее, чем в течение двух дней — вследствие того, что приближались большие конвои из Ост- и Вест-Индии, а возвращение Вильнёва к Ферролю с Мартиники угрожало им атакой.

Фактически было невозможно сказать, не было ли нам навязано стягивание сил с этой специальной целью.

Возможности подобного рода нарушений системы вызывали наиболее серьезное стратегическое возражение против системы конвоев. Были сделаны попытки уменьшить их назначением для конвоев секретных путей, когда можно было предполагать появление эскадр противника. Так было сделано и в только что приведенном случае, но казалось, что предосторожность ни в какой мере не уменьшила беспокойства.

Это могло иметь место потому, что в те дни медленных сообщений не могло быть уверенности в своевременном получении указаний о секретных путях, как это было бы теперь.

Современное развитие средств морских перевозок и военноморского флота и изменение их материальной части на деле так глубоко изменили все условия защиты торговли, что нет другой части стратегии, в которой выводы на основе исторического опыта были бы более трудны и более подвержены ошибкам. Дабы избежать насколько возможно подобных ошибок, существенно важно иметь в виду это развитие на каждом шагу. Нужно отметить три момента, наиболее значительных. Во-первых — уничтожение приватирства; во-вторых — ограничение радиуса действия всех военных кораблей; в-третьих — появление и развитие радиотелеграфа. Имеются и другие, которые необходимо будет рассмотреть в своем месте, но эти три касаются самых корней всей проблемы.

Как ни трудно притти к точным статистическим выводам в отношении результатов действий против торговли во время войн прежнего времени, однако одно ясно, что наибольшая доля захватов, которые насчитывались сотнями, а иногда даже тысячами, должна быть отнесена на счет действий приватиров. Далее кажется ясным, что по крайней мере численно большая часть вреда была причинена малыми приватирами, оперировавшими вплотную у своих баз как в метрополии, так и в колониях, против прибрежных и местных сообщений. Жалобы купцов, насколько они известны, касались по

преимуществу этого рода действий в водах Вест-Индии и метрополии, в то время как случаи серьезных захватов крупными приватирами в открытом море были сравнительно редки. Действительный вред, нанесенный «роями» малых судов, может быть не был велик, но его моральный эффект был очень серьезен. Даже для наисильнейших правительств было невозможно его игнорировать, и следствием этого было хроническое нарушение важных стратегических диспозиций. В то время, как эти диспозиции могли препятствовать операциям крупных приватиров, действовавших тем же способом, как крейсеры регулярных флотов, более мелкие были в состоянии вертеться в промежуточных свободных пространствах охранной системы, и против них можно было бы бороться только заполнением свободных морских пространств «роем» малых крейсеров к серьезному ущербу для более серьезных задач. Но даже при таких условиях близость портов противника создавала для них возможности настолько легкого бегства, что борьба против них была очень мало действительной. Положение в этом случае на деле было почти идентичным «народным войнам». Обычные методы стратегии терпели неудачу при борьбе с ними настолько же полно, насколько оказались тщетными широко задуманные методы Наполеона в борьбе с гверильеросами в Испании или наши собственные — в Южной Африке.

Поэтому казалось, что с уничтожением приватирства наиболее затруднительная часть проблемы была устранена. Конечно неизвестно, как долго Парижская декларация будет применяться на практике. До сих пор еще открыта возможность обхода ее в большей или меньшей степени посредством привлечения торговых судов и зачисления их в число военных кораблей регулярного флота. Но мало вероятно, чтобы подобные методы распространялись далее, чем только на наиболее крупные частновладельческие суда. Всякая попытка воскресить этим путем старые «разбойничьи» методы может только рассматриваться как скрытый отказ от установленного международного права, который приведет к соответствующей расплате. Более того, по крайней мере в отношении вод метрополии, самые условия, благоприятствовавшие этой разбойничьей войне, больше не существуют. В старые времена значительная часть нашей торговли шла в Темзу, и оттуда бо́льшая часть грузов развозилась малыми судами прибрежного сообщения. Против этой-то прибрежной торговли мелкие, с маленькими радиусами действия, приватиры находили благоприятную обстановку и богатейшую жатву. Но теперь благодаря тому, что организовалось много других больших центров распределения и что значительная часть его производится по внутренним путям, Канал перестал быть единственной артерией, и старое неприятное беспокойство будет избегнуто без существенного изменения нашей торговой системы.

Итак возможно, что в будущем вся проблема окажется упрощенной и что деятельность по защите торговли будет в значительно большей степени составлять часть больших стратегических мероприятий, чем это было когда-либо раньше, с тем результатом, что перемена скажется в значительно большей степени в пользу защиты торговли и против нападений на нее.

Уменьшение радиусов действия едва ли менее важно. В старые времена корабль, выходящий для крейсерских операций, мог быть снабжен на полгода и, коль скоро он мог при случае пополнить свои запасы топлива и воды, он был свободен выходить за пределы защищенных районов на весь период своих операций с неуменьшавшейся дееспособностью. Для подобных океанских операций район его движения был практически неограниченным: он мог отступать три или четыре дня от превосходившего его по силе противника или вести преследование так же долго без потери энергии; мог ожидать неопределенно долго в удобном пункте или изменить район своих действий, когда это диктовала опасность или надежда на добычу. Коль скоро он имел людей для посадки на свои призы[1], его сила нанесения вреда была почти неограничена. Все это теперь изменилось. Продолжительность крейсерства корабля теперь очень мала. Он принужден ограничиваться короткими ударами в пределах стратегически обороняемого района или, если он имеет задачей океанские операции, то вынужден, чтобы найти незащищенные воды, идти так далеко, что запас его угля едва ли допустит действительное крейсерство продолжительностью более чем в несколько дней.

Пара преследований полным ходом в течение этого периода может принудить его возвратиться сразу же, если не представится сомнительная возможность пополнения запаса угля с приза. Далее он встретится с тем фактом, что посадка призовой команды на призы неизбежно должна сократить возможность поддержания большой скорости хода, зависящей так сильно от обслуживания машинной части полным комплектом машинной команды. Это будет также подвергать его опасности при возвращении через обороняемые районы или близи них. Единственный выход из такого положения, это — потопление захваченного судна. Но такой образ действий вызывает едва ли значительно менее веские возражения, чем другие. Ни одна держава не возьмет на себя смелость потопления приза со всем экипажем, а доставки последнего на корабль, захватывающий приз, займет много времени, особенно в свежую погоду. Появление же подобных пленников на крейсере в большом количестве скоро нанесет серьезный ущерб его боеспособности. В отношении больших судов уничтожение приза — нелегкое дело. При наиболее благоприятных обстоятельствах это потребует много времени и не только скажется в сокращении длительности крейсерства корабля, но и уменьшит для него возможность ускользнуть от противника.

Из этих и подобных им соображений очевидно, что возможности операций на великих торговых путях стали значительно меньше, чем они были раньше, а говорить о крейсерах, наводняющих эти пути, будет прямым преувеличением. При современных условиях это едва ли более возможно, чем перманентная блокада Британских островов. Она потребовала бы такого числа кораблей, что нет страны, включая и нашу, которая смогла бы его иметь, — такого, которое нельзя было бы поддерживать без предварительного обеспечения решительного преобладания на море. Итак, уменьшение радиуса действия военных кораблей, хотя и не увеличивает силы за-

---

[1] Призовые команды. Прим. ред.

щиты, однако чувствительно уменьшает силу действий против торговли при проведении операций в открытом море.

Большим увеличением силы защиты мы обязаны чрезвычайному развитию средств связи на больших расстояниях. При прежних условиях для корабля, выполняющего крейсерские операции, было возможно оставаться днями в наиболее выгодном районе и производить многочисленные захваты, прежде чем его присутствие будет обнаружено. Но с тех пор как большие торговые суда снабжены радиотелеграфными установками, он не может теперь совершить нападение даже на одно из них без опасения, что против него будет вызван противник. Более того, коль скоро определено его местонахождение, каждый корабль в пределах действия радиотелеграфа сможет быть предупрежден о его присутствии и избежать встречи с ним. Он должен непрерывно и значительно изменять свое место, еще больше уменьшая этим свою способность к длительным действиям.

Итак, в итоге представляется, что влияние современного развития морского дела на проблему действий в отношении морской торговли делает крейсерские операции в открытом море значительно более трудными и ненадежными, чем они были раньше. На великих путях сила нападения на торговлю уменьшилась, а средства избежания нападения увеличились до такой степени, что требуется полная переоценка организации защиты торговли между конечными районами. Все основные положения старой системы оказываются спутанными. Основным положением была система конвоев, а теперь становится сомнительным, достаточно ли существенна та относительно большая безопасность, которую конвои дают, чтобы перевесить связанные с ней экономические недостатки и случаи нарушения стратегических расчетов дислокации.

Кроме уже отмеченных соображений имеются еще три других, которые оказывают свое влияние в пользу большей безопасности нашей торговли, допуская гораздо больший выбор путей. Первое это то, что паровые суда не принуждены более выбирать курсы в соответствии с преобладающими ветрами. Второе — что усовершенствования в навигационном искусстве делают ненужными хорошо известные ранее подходы к берегам (landfall) в течение больших переходов. Третье — что увеличение числа наших больших портов, являющихся центрами распределения, разделило прежний главный поток торговли через Канал на многочисленные малые потоки, которые захватывают гораздо более широкий район и требуют соответственно большего количества сил для эффективной борьбы против торговли. Очевидно, что общее влияние этих факторов еще более увеличивает шансы отдельных судов избегнуть встречи с кораблем противника и уменьшает риск следования без конвоя.

Но не только вновь возникшие практические трудности сбора конвойных операций на великих путях являются аргументами, уменьшающими ценность конвоев. Мы должны также вспомнить, что в то время как число судов, ведущих торговлю через океан, чрезвычайно увеличилось с 1815 г., едва ли возможно, даже если уничтожение пиратства окажется несостоятельным, чтобы число крейсеров, пригодных для ведения океанской борьбы против торговли, могло

превзойти или даже равняться числу кораблей, бывших заняты(ми) крейсерскими операциями в эпоху парусов. Это соображение должно быть также брошено на чашку весов против конвоев, ибо очевидно, что размер серьезного, имеющего оперативное значение вреда, который противник может причинить нашей торговле посредством операций в открытом море, определяется главным образом соотношением его наличной силы крейсеров и об'ема этой торговли. Однако это составляет часть более широкого вопроса, который касается влияния об'ема нашей торговли на трудность ее защиты, и это должно быть разобрано дальше.

Теперь нам остается рассмотреть во-первых последнее звено старой системы защиты. Утверждение, что великие пути оставались незащищенными, кажется находящимся в противоречии с преобладающим впечатлением от того факта, что фрегаты постоянно упоминаются как бывшие в крейсерстве («on a cruise»). Это вызывает естественное представление, что они действительно несли патрули на больших путях. Но это было не так, и они не рыскали по морю произвольно. Они составляли определенную и необходимую часть системы. Хотя эта система и была основана на различии между защищенными конечными районами морских путей и незащищенными путями, которое было действительным стратегическим различием, однако было невозможно провести действительную линию, где сфера одних начиналась, а других кончалась. Вне регулярно защищенных пространств находился район, где пути начинали сходиться, который являлся сравнительно более важным экономически. В таком районе крейсеры противника и его более крупные приватиры находили, что риск оправдывается успехом. Здесь так же конвои, вошедшие в эту зону, были в наибольшей опасности в случае, если сила их эскорта была бы превосходена крейсерской эскадрой противника. Вследствие этого обычно, когда ожидалось приближение конвоев, вперед высылались из защищенного района группы сильных крейсеров и даже отряды линейных кораблей для встречи и усиления эскортов. Уходившие конвои имели подобно этому усиленные эскорты, пока они не выходили за пределы опасной зоны. Эта система применялась одинаково для вод метрополии и для колониальных районов. Она ни в каком смысле не устанавливала охраны путей. Это была и на практике и в теории система передовых постов, которые в моменты особого риска превращались в «защищенные» районы, комбинированные с усилением охраны конвоев. Узловые пункты меньшей важности, такие, как мыс Финистерре и С.-Винцента, охранялись одним или двумя сильными крейсерами, а если было необходимо — эскадрой.

Как уже было раз'яснено, благодаря специфическим условиям моря и общности морских коммуникаций эти диспозиции применялись как для нападения, так и для защиты, и [illegible] районы, для охраны которых фрегат посылался «в крейсерство» («on a cruise»), были всегда способны принести ему богатый успех, так как его миссия защиты предоставляла ему вместе с тем наилучшие благоприятные случаи для нападения.

Во всей системе в целом линии патрулей существовали, но не для великих путей. Они были установлены для того, чтобы связать смежные защищенные районы, и в качестве теоретически более обо-

сдованной организации крейсерских передовых постов. В 1805 г. Гибралтар и район метрополии были связаны линией патрулей, простиравшейся от мыса С.-Винцента через узловой район у Финистерре к мысу Клир, с ветвью по направлению к стратегическому центру Уэссана. Новая система была введена в то время, когда мы имели основания ожидать, что французский и испанский флоты целиком будут использованы для операций малыми крейсерскими эскадрами против нашей торговли и колоний. Поэтому были необходимы специальные меры, чтобы определить местонахождение всякой подобной эскадры, которая могла бы прорвать регулярную блокаду и обеспечить ее надлежащее преследование. Новые линии имели фактически главным образом разведывательное назначение, хотя также рассматривались как единственное средство действительного прикрытия южного торгового пути в той его части, где он фланкировался французскими и испанскими портами[1].

Вся система, как будет видно, хотя и не противоречит главной цели — приведению флота противника к бою, но влечет расход силы на выполнение побочных задач, неизвестных сухопутной войне. Большое число крейсеров должно было быть использовано иначе, чем в качестве «глаз» линейных эскадр, тогда как приход и отправление конвоев вызывали периодические изменения в общем распределении сил.

Как ни были осложняющи во время прежних войн эти отклонения от принятого распределения сил, но кажется в отношении их преобладает убеждение, что в будущем они должны стать еще более серьезными. Утверждают и достаточно убедительно, что не только наша торговля много больше и богаче, чем была, но также, что благодаря определенным хорошо известным экономическим переменам она стала в гораздо большей степени вопросом жизни и смерти для нации, чем в те дни, когда пища и сырье не составляли наибольшей части нашего импорта. В соответствии с новыми условиями считают, что мы теперь более уязвимы через нашу торговлю, чем раньше, и что соответственно этому мы должны посвятить больше внимания и сил ее защите.

Если бы это оказалось верным, то очевидно, что война против сильной морской комбинации представила бы трудности самого грозного характера и гораздо более грозного, чем те, которые мы когда-либо испытали, ибо, поскольку при современных условиях потребность в крейсерах при флоте много выше, чем прежде, возможность выделения крейсеров для защиты торговли относительно много меньше.

Нельзя отрицать, что с первого взгляда утверждение выглядит неоспоримым. Но при его ближайшем исследовании станет ясно, что оно содержит в себе два предположения, оба одинаково гадательные. Первое — что уязвимость морской державы через ее морскую торговлю соответствует об'ему ее торговли. Второе — что трудность

---

[1] Необходимо сказать, что Корнуэлс не считал эту систему новой за исключением части ее между мысами Финистерре и С.-Винцента, установить которую советовал Нельсон. В соответствии с приказом из Уэссана он написал: „эти инструкции... почти такие же, как в общем уже были даны. Я могу поэтому только догадываться, почему копия этого приказа была послана мне“. Admiralty, In letters, 129, September 28 1805 г.

защиты морской торговли также соответствует ее об'ему, т. е., что чем больше торговля, тем большая сила должна быть предназначена для ее защиты. Это последнее мнение на деле ведет так далеко, что нас часто побуждают установить размер наших морских сил путем сравнения с пропорцией, в которой морская сила других держав относится к их морской торговле.

Можно надеяться, что предшествующий набросок нашей традиционной системы защиты торговли будет достаточен, чтобы возбудить сомнение в возможности принять любое из этих предположений без тщательного разбора. В истории этой системы нет указаний, что на нее влиял об'ем торговли, которую она была предназначена охранять. Никто также не сумел доказать, чтобы давление, которое неприятель мог произвести на нас через нашу морскую торговлю, увеличивалось в соответствии с ее об'емом. Самые общие выводы из этой истории указывают в действительности на другое, а именно — что чем больше был об'ем нашей торговли, тем менее действительным было воздействие, которое противник мог оказать на нас, даже когда он направлял на это всю свою морскую мощь. Не слишком много будет сказать, что в каждом случае, когда он становился на этот путь, его собственная торговля уменьшалась до нуля, в то время как наша непрерывно увеличивалась.

Могут возразить, что это было только потому, что те периоды, когда противник направлял все свои усилия на уничтожение нашей торговли, совпадали с теми, когда мы имели первенство по сравнению с его флотом, и он, будучи не в состоянии оспаривать господство на море, имел возможность не более как мешать осуществлению нами контроля. Но так должно быть всегда независимо от того, имеем ли мы действительное преобладание над его флотом или нет. Если он пытается пренебрегать нашим линейным флотом и посвящает себя операциям против торговли, он не может оспаривать господства. Какова бы ни была его сила, он должен тогда предоставить господство нам. Он не может делать и то и другое одновременно, и пока он ведет систематическую борьбу против нашей торговли в виде последовательных стратегических операций, он не может надеяться оказать на нас какое-нибудь другое действительное воздействие.

Если мы теперь возьмем оба эти предположения и исследуем их с точки зрения элементарных принципов, оба окажутся теоретически неосновательными. Возьмем первое — соответствие уязвимости об'ему. Поскольку об'ектом войны является навязывание нашей воли противнику, единственный путь, которым мы можем достигнуть, чтобы война против торговли способствовала осуществлению нашей цели, есть нанесение противнику такого большого урона, который заставил бы его предпочесть мир на наших условиях — продолжению борьбы. Давление на его торговлю должно стать непереносимым, а не только беспокоящим. Оно должно серьезно подорвать его финансы или же серьезно угрожать подавлением его национальной жизнедеятельности. Если вся его торговля стоит сто миллионов, а мы сможем уничтожить пять, он почувствует это не больше чем те обыденные колебания, к которым он привык в мирное время. Если однако мы можем уничтожить пятьдесят миллионов, его торговое равновесие будет сокрушено, и это окажет мощ-

ное влияние на исход войны. Другими словами, чтобы повлиять на исход, нужно, чтобы воздействие на торговлю имело соответствующий размер. Степень уязвимости нации через ее торговлю пропорциональна тому разрушению, какое сможет нанести противник.

Итак совершенно верно, что размер урона, который воюющий, располагающий данной силой, может нанести торговле неприятеля, будет варьировать до некоторых пределов в соответствии с ее об'емом, ибо чем больше об'ем торговли, тем большее экономическое значение будут иметь незащищенные от крейсерских операций районы путей. Но при этом не имеет значения, насколько именно могут быть важны подобные районы, так как разрушительная сила крейсера была всегда ограничена и должна стать еще более ограниченной в будущем. Она была ограничена тем, что физически невозможно иметь дело более чем с определенным числом призов в определенный промежуток времени, и по причинам уже указанным этот предел претерпевает очень заметное сокращение. Когда этот предел возможностей для данной силы превзойден, об'ем торговли не повлияет на исход, и если мы учтем, как должна быть низка эта возможность в будущем и как велик об'ем нашей торговли, то увидим что предел разрушительной силы, направленной против нас, при том предположении, что мы имеем хорошо организованную систему защиты, должен быть относительно низким. Он должен на деле приблизиться к такому размеру, который мы легко переносили в прошлом. Поэтому есть основание считать, что не только разбираемое нами предположение далеко от истины, но что и действительная уязвимость морской торговли находится не в прямой, но в обратной пропорции к ее об'ему. Другими словами, чем больше об'ем, тем труднее оказать влияние, вполне действительное в процентном отношении ко всему об'ему.

Подобно этому мы увидим, что напряжение защиты торговли было пропорционально не об'ему этой торговли, но числу и подверженности нападениям ее конечных и узловых пунктов. Каков бы ни был об'ем торговли, число этих пунктов оставалось тем же, и размер силы, требовавшейся для их защиты, изменялся только в зависимости от силы, которая могла быть брошена против них, т. е. он изменялся с изменением расположения баз неприятеля и размера его морской силы. Так, в войну 1812 г. с Соединенными штатами Северной Америки вест-индский и североамериканский районы были более подвержены нападениям, чем в войну с одной Францией, когда американские порты не были открыты для нее в качестве баз. Они стали уязвимы не только для флота Соединенных штатов, но также во много большей степени для флота Франции, и соответственные силы, которые мы нашли необходимым назначить для защиты торговли в северной части Атлантического океана, были вне всякой пропорции к морской силе нового воюющего. Наша оборонительная сила должна была быть увеличена в громадной степени, в то время как об'ем нашей торговли оставался точно таким же.

Эта зависимость защиты торговли от числа конечных и узловых районов имеет большое значение, ибо в увеличении числа подобных районов на Дальнем Востоке лежит единственное радикальное изменение в проблеме. Конечно ост-индские воды всегда

до некоторой степени рассматривались как защищенный район, но проблема была упрощена частичным сохранением в этих районах старого метода защиты. Почти до конца XVII столетия предполагалось, что дальняя торговля должна защищать сама себя — по крайней мере за пределами района метрополии — и сохранение своего вооружения ост-индскими торговыми судами было последним пережитком этой практики. Кроме важного узлового района бухты св. Елены [1], они опирались главным образом на собственную силу сопротивляемости или на такие эскорты, которые могли быть составлены из сменных кораблей Ост-индской станции. Как правило приданный им экскорт не шел дальше района бухты св. Елены, откуда он возвращался с судами, направлявшимися в метрополию и собиравшимися там из Индии, Китая и китобойных районов южных морей. Смысл системы был в том, чтобы снабдить торговые суда эскортом для части великого пути, подверженной нападениям из французских и испанских колониальных баз на побережьи Африки и прилежащих островов.

По очевидным причинам эта система должна была бы быть перестроена в будущем. Экспансия великих европейских держав изменила условия, которым она удовлетворяла, и в войне со всякой из них система «защищенных» конечных и узловых районов потребовала бы громадного расширения ее на восток, которое поглотило бы значительную часть наших сил и вызвало бы растяжение наших сосредсточений в сравнительно слабую цепь. Итак, здесь мы должны отметить момент, в связи с которым увеличилась трудность защиты торговли.

Хотя малые неприятельские базы в пределах «защищенных» районов много потеряли в смысле своей угрозы торговле, но как базы торпедных сил они приобрели способность угрожать самой защите. Поскольку подобные базы существуют с дееспособными флотилиями в их пределах, очевидно, что действительное создание защиты не может быть таким простым вопросом, как было прежде. Должны быть проведены другие и более сложные мероприятия. Все же принцип «защищенных» районов остался непоколебленным, и если он применим с прежними действительными результатами, то средства защиты и их диспозиция для обеспечения этих районов должны быть сообразованы с новыми тактическими возможностями. Прежние стратегические условия, насколько можно судить, не изменились, за исключением тех, которые благодаря современным новым материальным средствам изменились больше в пользу защиты, чем в пользу нападения.

Если мы хотим определить принципы, на которых основывается это заключение, мы найдем их в двух общих правилах: первое — что уязвимость торговли обратно пропорциональна ее об'ему, и второе — что легкость нападения означает легкость защиты. Последнее правило, бывшее всегда верным, получает особое подтверждение при современном развитии военноморского дела. Легкость нападения означает силу осуществления контроля. Для осуществления контроля мы требуем не только большого числа кораблей, но также их большей скорости хода и радиуса действия, — качеств, которые

[1] На западном берегу южной оконечности Африки.— Прим. ред.

могут быть получены только двумя путями: или ценой ослабления брони и вооружения или путем увеличения размеров корабля. С увеличением размеров мы сразу теряем численность. Если мы, поступаясь вооружением и броней, сможем восполнить численность и тем облегчить нападение, то в то же самое время мы облегчим и защиту. Корабли низких боевых качеств действительно не смогут оперировать в экономически важных районах без поддержки, необходимой им, чтобы иметь возможность преодолеть защиту. Каждая мощная единица, приданная для такой поддержки, освобождает единицу на другой стороне, и этот процесс, раз начавшись, не имеет конца. Поддерживающие единицы, чтобы быть дееспособными, должны размножиться в эскадры, и рано или поздно более слабая держава, ищущая замены столкновения эскадр уничтожением торговли, окажется перед необходимостью вести войну против торговли эскадрами, если конечно превосходящая по силам держава применит разумную крепкую систему защиты. Так было всегда, и насколько можно проникнуть через завесу, покрывающую будущее, представляется, что с большей подвижностью и лучшими средствами связи стадия ведения борьбы за торговлю эскадрами будет достигнута задолго до того, как сможет быть оказано сколько-нибудь значительное воздействие на торговлю посредством спорадических действий ее истребителей. Насколько ведение подобной войны в прошлом оказывалось всегда мало действительным, пока не было установлено общее господство, настолько ее перспективы в будущем, оцененные на основе давних установленных принципов, меньше, чем когда-либо.

Наконец в отношении проблемы защиты торговли, и особенно — действительного определения необходимых сил и требуемого ею распределения их, имеется существенно важное соображение, которое надлежит помнить. Никакими средствами невозможно достичь абсолютной безопасности торговли. Мы не можем изжарить яичницу, не разбивая яиц. Мы не можем вести войну без потери кораблей. Ставить себе целью создание такой морской силы или такого стратегического распределения сил, которое дало бы нашей торговле абсолютную неуязвимость, — значит итти к экономическому краху. Это значит подрывать нашу способность выдерживать войну до успешного исхода, значит стремиться к установлению на море режима деспотизма, который, даже если бы и был достижим, то восстановил бы всех против нас. Все было бы против нас, но наша цель попрежнему была бы далеко. В 1870 г. вторая морская держава в мире была в войне с противником, которого совсем нельзя было рассматривать как морскую державу, и все же первая теряла суда от захвата. Никогда в дни нашего наиболее полного господства на морях не была наша торговля неуязвимой и никогда не может быть такой. Искать неуязвимости — значит впасть в порочный стратегический метод и пытаться иметь превосходство везде, откладывать достижение существенного из боязни рискнуть несущественным, основывать свои планы на том представлении, что войну можно выиграть без потерь, другими словами, — считать войну тем, чем она никогда не была и не может быть. Подобные мечты — порождение мирного времени — должны быть решительно отвергнуты. Военно-морская сила должна соответствовать экономической силе — та-

кова линия поведения, которая с одной стороны позволит нам беречь наши финансовые ресурсы на черный день, и с другой, когда эти дни настанут, лишит противника возможности подавить нашу финансовую энергию достаточно сильным нарушением течения нашей торговли.

3. Действия против десантных экспедиций, их защита и поддержка [1].

Действия против экспедиций и их защита подчинены в значительной мере принципам операций против торговли и ее охраны. В обоих случаях это есть вопрос контроля морских путей, и в общем можно сказать, что если мы выполняем контроль их для одной цели, то мы осуществляем контроль и для другой. Но при смешанных (combined) экспедициях свобода перехода морем — еще не все. Обязанности флота не ограничиваются охраной войск во время перехода, как в случае с конвоями торговых судов, хотя бы, как и у конвоев, местом назначения экспедиции была дружественная страна. В нормальном случае, когда назначение экспедиции — во враждебную страну, и когда поэтому ожидается сопротивление с самого начала операции, на флот возлагаются дальнейшие обязанности наиболее ответственного характера. В общем их можно назвать обязанностями поддержки (duties of support) и именно они отличают наиболее резко военноморские мероприятия в «смешанных» операциях от действий по защите торговли. За исключением этого соображения нет оснований делать различия в методах защиты: в каждом случае охраны требуемая сила измеряется опасностью нападения при переброске. Но для смешанных экспедиций эта мерка не годится, ибо как бы ни был мал риск, мероприятия по защите должны быть достаточно широкими, чтобы предусматривать и организацию поддержки.

Прежде чем иметь дело с этой наиболее сложной стороной вопроса, удобно покончить сначала с рассмотрением активных действий против экспедиций. Со стратегической точки зрения принципы этих действий совершенно не отличаются от принципов активного сопротивления вторжению. Независимо от того, мала ли экспедиция, которая нам угрожает, или достигает размеров вторжения (invasion), основное правило всегда состояло в том, что транспорты, а не эскорт должны быть главным об'ектом действий флота. Эскорт, в соответствии со старой практикой, должен быть опрокинут или остановлен, но никогда нельзя его рассматривать как главный об'ект, пока опрокинуть его или задержать не окажется неосуществимым на деле. Нет надобности повторять слова старых мастеров, в которых выражен этот принцип. Редко когда мы находим правило военноморской стратегии, выраженное в точных выражениях специального языка, но в данном случае мы имеем исключение. В старых инструкциях эскадрам указание того, что «транспорты противника должны быть вашим главным об'ектом» — стало своего рода общей фразой.

Это правило применялось не только в тех случаях, когда транспорты охранялись одним эскортом. Оно так же хорошо применя-

[1] Military expeditions.—Примечание переводчика.

лось и в тех исключительных случаях, когда экспедиция сопровождалась или охранялась всеми наличными силами неприятеля. Мы видели, как в 1774 г. Норрис готовился преследовать транспорты, если потребуется, всеми своими силами и как в 1798 г. Нельсон организовал свой флот так, чтобы скорее задержать, чем уничтожить линейную эскадру противника и иметь возможность произвести сокрушающую атаку на транспорты.

Из этого правила, как и из всех стратегических правил, могут быть исключения. Могут существовать такие условия, при которых нам следует, если линейный флот врага сопровождает свои транспорты, рискнуть для достижения наших собственных последующих целей — оставить в стороне транспорты и воспользоваться случаем уничтожить его флот. Но даже в таком случае различие было бы немного более, чем академическим, ибо лучшим способом обеспечения решительного тактического преимущества против флота противника было бы принуждение его подчиниться нашим движениям посредством угрозы атаки на транспорты. Хорошо известно, что в связанности, возникающей вследствие присутствия транспортов, заключается особая слабость флота, их сопровождающего.

Существует одно условие, которое радикально отличает сравнительно небольшие экспедиции (expeditions) от больших вторжений (invasions), и это—возможность для них прорыва с избежанием встречи с неприятелем (evasion). Наш опыт доказал, что один флот не может гарантировать защиты против таких экспедиций. Невозможно быть уверенным в предотвращении их выхода в море или в атаке их во время перехода, вследствие имеющегося у них свободного выбора пути в открытом море, как это и было в случае с французскими экспедициями против Ирландии. Поэтому, хотя достаточно мощный флот всегда мог предотвратить вторжение, но оборона от небольших экспедиций должна быть выполнена армией метрополии. Дабы усилить нашу оборону или другими словами нашу силу атаки, подобная армия должна обеспечить, чтобы достаточно малые экспедиции, могущие избежать встречи с флотом, не нанесли чувствительного урона в случае высадки. Если эта армия по численности, подготовке, организации и расположению соответствует этой цели, противник не может надеяться повлиять на исход войны иначе, как увеличением своих экспедиций до размера вторжений, связывая себя таким образом вновь необходимостью решения проблемы, которую до сих пор еще никто никогда не разрешил, не имея господства на море.

Но даже при экспедициях, не достигающих силы вторжения, флот должен рассматривать армию как вторую линию обороны, и его стратегия должна предусмотреть на случай прорыва экспедиции взаимодействие с этой линией. Посредством правильного расположения своей прибрежной флотилии он обеспечит соприкосновение с экспедицией сразу же, как только выяснится, куда она направляется. Благодаря этому принципу избрания армии об'ектом своих действий сможет получить свое решительное применение в мощном и энергичном преследовании экспедиции крейсерами, а при наличии радиотелеграфа и при увеличившейся скорости хода крейсеров—такое преследование явится значительно более грозным, чем когда-либо. В настоящее время, как бы успешен ни был прорыв, нет экс-

педиции, которая могла бы быть гарантирована от удара со стороны флота в процессе высадки. Еще менее она может быть гарантирована от нанесения удара морской силой ей в тыл или с флангов, пока она будет обеспечивать свой фронт против армии метрополии. Экспедиция может посредством использования больших транспортов уменьшить их число и увеличить скорость перехода морем, но, хотя этим она увеличит свои шансы прорыва, зато продлит критический период высадки. Она может сделать попытку использовать малые транспорты, чтобы ускорить высадку, но это уменьшит шансы прорыва и избежания встречи с неприятелем из-за понижения скорости своего перехода и расширения походного строя при следовании морем. Все современные усовершенствования в области военноморских средств, способствующие обороне в случае попытки вторжения через море без господства на нем, так же облегчают и своевременный контакт с экспедицией, ищущей успеха путем прорыва с избежанием встречи с флотом противника. Нельзя также забывать, что, поскольку данная проблема — комбинированная (смешанная), — развитие военносухопутных средств служит лишь с немного меньшей силой в пользу обороняющейся армии. Таковыми представляются наиболее общие принципы, управляющие попытками неприятеля действовать посредством смешанных экспедиций в наших собственных водах, где, по нашему предположению, мы достаточно сильны на море, чтобы лишить его постоянного местного господства.

Мы можем теперь обратиться к более общему и более сложному вопросу проведения подобных экспедиций в условиях обратного соотношения военноморских сил.

Под проведением, нужно это помнить, мы понимаем не только защиту экспедиций, но и их поддержку, и по этой причине отправной точкой нашего исследования, как было выше указано, является различие между смешанными экспедициями и конвоями. Конвой состоит из двух элементов — каравана торговых судов и эскорта. Но смешанная экспедиция состоит не только из армии и эскадры; это организм одновременно и более сложный и более однородный. Ее состав имеет четыре элемента: во-первых — армия; во-вторых — транспорты и флотилия высадки (landing flotilla), то-есть флотилия плоскодонных пловучих средств и паровых катеров для их буксировки, которые могут либо перевозиться на транспортах, либо их сопровождать; в-третьих — эскадра, непосредственно сопровождающая транспорты, (squadron in charge of transports), которая состоит из собственно эскорта и флотилии поддержки (supporting flotilla), состоящей из более легких сил для действий в прибрежном районе; наконец, в-четвертых — «эскадра прикрытия» (covering squadron).

Таким представляется состав смешанной экспедиции, по крайней мере при его логическом рассмотрении. Но в действительности экспедиция является настолько цельным единым организмом, что на практике все эти составные элементы лишь очень редко могут быть четко различимы. Они могут быть переплетены самым тесным образом. Действительно, каждый из них всегда будет в большей или меньшей мере выполнять некоторые функции другого. Так, прикрывающая эскадра может быть не только неотличимой от эскорта и поддержки, но будет часто производить бо́льшую часть работы

флотилии высадки и даже частично десанта. Подобно этому, эскорт может также служить транспортами и являться частично не только силами поддержки, но и флотилии высадки. Поэтому состав из четырех элементов является в значительной степени теоретическим. Однако его польза не только в том, чтобы разграничить различные функции, которые будет выполнять флот. Мы увидим по мере дальнейшего исследования, что это будет иметь и практическую стратегическую ценность.

С военноморской точки зрения в первую очередь нуждается в рассмотрении прикрывающая эскадра — не только вследствие того, что необходимость в ней подчеркивает различие в проведении смешанных экспедиций от проведения торговых конвоев, но также потому, что такие экспедиции в действительности являются комбинированными силами (combined force), а не только армией, эскортируемой флотом.

В нашей системе защиты торговли эскадра прикрытия не имела своего особого места. Линейный флот, как мы видели, был использован для защиты определенных конечных районов и не имел органической связи с конвоями. Последние не имели охраны, кроме их собственных эскортов и подкреплений, встречавших их при приближении к конечным районам морских путей. Но когда отряд транспортов, составлявший часть смешанной экспедиции, имел назначение в неприятельскую страну и должен был преодолевать сопротивление посредством настоящих совместных операций, ему всегда придавалась прикрывающая линейная эскадра. В случаях отдаленных об'ектов действий экспедиции могло быть, что прикрывающая эскадра не придавалась, пока вся экспедиция не собиралась в районе данной операции, в течение же перехода к этому театру транспорты могли иметь только обычный эскорт торгового конвоя. Но если проведение операции начиналось с пункта сосредоточения, прикрывающая эскадра всегда была в соприкосновении с экспедицией с самого начала перехода.

Только когда назначением была дружественная страна, и линия перехода морем была хорошо защищена нашими постоянными блокадами, эскадра прикрытия могла совсем отсутствовать. Так, наши различные экспедиции, направлявшиеся в помощь Португалии, отправлялись точно так же, как торговые конвои, но в случаях, подобных экспедициям Уолфа в Квебек или Эмхерста (Amherst) в Луисбург или, наконец, тем, которые постоянно отправлялись в Вест-Индию, линейная эскадра всегда придавалась, как составная часть экспедиции в районе данных операций. Наши мероприятия в Крымскую войну хорошо иллюстрируют вопрос. Наши войска были посланы сперва для высадки на Галлиполи, на дружественной территории, и для первоначальных действий на этой территории в качестве армии наблюдения. Это не была настоящая «смешанная» экспедиция, и транспортам не была придана прикрывающая эскадра. Их переход был достаточно прикрыт нашим флотом Канала и Средиземноморским, занимавшими выходы соответственно из Балтийского моря и из Черного. Но коль скоро первоначальный оперативный план оказался непригодным и было решено приступить к смешанным наступательным операциям против Севастополя, функции Средиземноморского флота потеряли свой независимый харак-

тер, и с этого момента его постоянной функцией стало выделять эскадру для прикрытия следовавших морем войск.

Учитывая, насколько важны функции подобной эскадры в отношении выполнения поддержки, термин «эскадра прикрытия» можно было бы считать не вполне подходящим для выражения действительной важности ее назначения. Но он принят по двум причинам. Во-первых он был принят официально нашими службами в нашей последней большой экспедиции [1], указанной в последнем примере. При подготовке высадки десанта в Крыму Лайонс (Lyons), который был начальником штаба у Джемса Дэндас (James Dundas) и имел поручением проведение смешанных операций, организовал флот в «эскадру прикрытия) (overing squadron) и в «эскадру охранения транспортов» (squadron in charge of transports). Во-вторых это название определяет главную и первейшую функцию эскадры. Как ни важно иметь в виду ее обязанности поддержки, они не должны затемнять того факта, что ее главной функцией является предотвратить помеху в действительных смешанных операциях, — то-есть при высадке, поддержке и снабжении армии. Так в 1705 г., когда Шовел или Питерборо (Peterborough) оперировали против Барселоны, Шовел прикрывал смешанную (amphibious) осаду от французской эскадры, находившейся в Тулоне. Питерборо требовал помощи морской пехоты на берегу для проведения coup de main, и Шовел согласился высадить ее только на том условии, что, когда его крейсеры дадут знать о выходе тулонской эскадры в море, она должна быть отозвана к флоту независимо от состояния сухопутных операций. Питерборо на это согласился. Как мы видим, применявшийся в данном случае принцип как раз тот, который выражен термином Лайонса — «эскадра прикрытия».

Приведение в качестве прецедента — отсутствия подобной традиционной поддержки, имевшего место в Крымскую войну, едва ли окажется убедительным. Во взглядах нашей британской службы мы вскормили легенду, что, поскольку дело касается организации и штабной работы, эта война была не чем иным, как собранием примеров необычного. Но в действительности она в качестве смешанной операции, в ее начальных движениях как по замыслу, так и по организации была может быть наиболее ярким, блестящим и успешным из всего, что мы когда-либо сделали. Намеченная для помощи союзнику в его собственной стране, она внезапно, без предварительных приготовлений была призвана предпринять смешанные операции наиболее трудного рода, — против территории хорошо осведомленного о ней противника. Эти операции включали высадку в конце года, на открытом берегу при частых штормах в это время, в пределах досягаемости для удара со стороны морской крепости, которая имела армию неизвестной силы и флот, лишь немного более слабый, чем наши силы, и которому не было нанесено поражения. Это была операция, подобная захвату Луисбруга и высадке японцев на Ляодунском полуострове, но условия были значительно более трудными, так как обе последние операции были прорепетированы за несколько лет до этого и были подготовлены с полным

---

[1] Писалось до мировой войны 1914—1918 гг.—Примечание переводчика.

знанием условий. В Крымскую же войну все было неопределенным. даже пар был еще непроверенным в отношении своего значения элементом, и все проведение операций было импровизированным. Французы практически должны были демобилизовать свой флот, чтобы предоставить транспорты, и предприятие казалось им настолько рискованным, что они сопротивлялись ему, приводя против него всевозможные аргументы. Мы имели таким образом, кроме всех других трудностей, еще одну — необходимость тащить нежелавшего действовать союзника на своей спине. Однако операция была выполнена, и что касается по крайней мере военноморской части, методы имевшие успех, являлись наивысшей степенью использования всего, чему мы выучились в течение трех веков богатого опыта.

Первым уроком было то, что для операции на море, без господства на нем или при неполном господстве, необходима эскадра прикрытия, отдельная от эскадры охранения транспортов. Ее главная обязанность — обеспечить необходимое местное господство как для перехода морем, так и для проведения дальнейших операций. Но как правило переход обеспечивался нашими эскадрами, поддерживавшими регулярную блокаду, и в общем эскадра прикрытия присоединялась только в районе операций. Поэтому, когда этот район был в пределах «защищенного» конечного района морских путей, как в наших высадках на северном и атлантическом побережьи Франции, тогда эскадра защиты конечного района была обыкновенно так же достаточна и для прикрытия фактических операций. Эта эскадра являлась таким образом автоматически эскадрой прикрытия и либо продолжала свою блокаду, либо, как в случае наших действий против Сен-Мало в 1758 г., занимала позицию между эскадрой противника и операционной линией экспедиции. Если однако театр операций был вне пределов конечного района или находился в пределах отдаленного конечного района, слабо защищенного, экспедиции придавалась собственная эскадра прикрытия, которая более или менее полностью поглощала местную эскадру. Как бы на деле ни было необходимо обеспечение местного контроля, однако, как мы уже видели и должны теперь разобрать боле полно, эта потребность не всегда была мерилом для определения силы прикрывающей эскадры.

После установления силы эскадры прикрытия, следующим вопросом является вопрос о месте или позиции, которую она должна занять. Подобно большинству других стратегических проблем, этот вопрос изобилует трудностями. Коль скоро эскадра назначена для поддержки — то-есть для поддержки своими людьми, ботами и пушками — то было бы желательно расположить ее как можно ближе к об'екту ее действий; но как прикрывающей эскадре, имеющей обязанность предотвращения нападения сил противника, ей надлежало бы расположиться как можно дальше, — так, чтобы вступить в бой с этими силами в самый ранний момент попытки нападения. Существует также величайшая необходимость в том, чтобы ее позиция благоприятствовала надежному соприкосновению с противником, если он попробует помешать высадке. Обыкновенно такое соприкосновение может быть обеспечено только в непосредственной близости либо к базе противника, либо к нашему собственному де-

санту. В тех случаях, когда об'ектом действий является местная военноморская база противника, эти две точки имеют тенденцию совпадать в стратегическом отношении, — и вопрос о положении эскадры прикрытия становится скорее тактическим чем стратегическим. Но основной принцип ее самостоятельного существования остается в силе и независимо от того, насколько велика необходимость поддержки; эскадра прикрытия никогда не должна быть так глубоко связана с самим десантом, чтобы не иметь возможности развязать себе руки для действий в качестве чисто военноморской единицы и для своевременного выполнения своей военноморской функции. Другими словами, она всегда должна быть в состоянии действовать таким же образом, как свободная полевая армия, прикрывающая осаду.

Когда об'ектом действий экспедиции не является местная военноморская база неприятеля, выбор позиции для прикрывающей эскадры будет зависеть главным образом от размера поддержки, которую склонна потребовать армия. Если она не может действовать внезапно и поэтому ожидается серьезное сопротивление неприятельской армии, или если береговая оборона противника слишком сильна, чтобы транспорты преодолели ее сопротивление, тогда весы склонятся в сторону выбора позиции, расположенной вплотную к расположению армии, хотя пределы, в которых при современных условиях военные корабли могут выполнить операцию поддержки атаки пехоты огнем своей артиллерии — исключая продольный обстрел позиций противника — нуждаются в подтверждении. Подобный выбор окажется необходимым, если нужна сильная поддержка людей и пловучих средств, как например, когда достаточное число плоскодонных судов и паровых буксиров не может быть обеспечено транспортами и приданной им эскадрой; или, наконец, где местность такова, что кроме высадки необходимы действительные смешанные операции, требующие помощи большого числа шлюпок и команд для действий с армией, в целях обеспечения тактической подвижности, которая иначе может быть недостаточной. Подобное положение создалось в Квебеке в 1759 г., где Саундерс (Saunders) ввел свою эскадру прикрытия в реку св. Лаврентия, хотя ее прикрывающие функции могли бы быть выполнены даже лучше — с позиции, удаленной на несколько сот миль от об'екта действия экспедиции; также в 1800 г. в Александрии Кийс (Keith) сильно рисковал своими прикрывающими функциями, чтобы снабжать армию генерала Эберкромби (Abercromby) через внутренние воды и дать ей требуемую подвижность.

Если, с другой стороны, эскадра, находящаяся при транспортах, способна выполнить всю необходимую поддержку, эскадра прикрытия должна будет занять позицию вплотную к военноморской базе противника и оперировать там, в соответствии с обычным порядком несения блокады. Если не требуется ничего кроме предотвращения помехи, ее охрана примет форму тесной блокады. Но если имеется вспомогательная цель использования экспедиции, как средства принуждения противника к выходу в море, тогда будет предпринята открытая форма блокады, как, например, в вышеприведенном случае с Энсоном, когда он прикрыл экспедицию в Сен-Мало не путем

тесной блокады Бреста, но занимая позицию к востоку от острова Батц.

В японских операциях против Манчжурии и Квантунского полуострова эти старые принципы проявили себя в неменьшей степени. В неожиданных нападениях на Сеул и Такусан (Дагу-шань) выполнение поддержки возложено было на эскадру, находившуюся при транспортах, в то время как адмирал Того занимал прикрывающую позицию далеко у Порт-Артура. Оба соединения флота держались все время отдельно. Но в операциях по изоляции и при последовавшей осаде Порт-Артура, они были так тесно об'единены, что часто казались неразличимыми. Однако, насколько позволяла близость места высадки к об'екту действий, оба действовали независимо. Для высадки Второй армии были использованы шлюпки прикрывающей эскадры, но она оставалась активной военноморской единицей все время и не была органически смешана с эскадрой при транспортах. Ее операции имели место все время — насколько позволяли современные условия — на линии тесной блокады. Ее главной функцией было предотвратить помеху высадке, и выполнение этой функции не было нарушено, насколько мы можем судить, никакой привходящей задачей принуждения противника к решительному бою.

Однако через все последние операции прошло новое влияние, нарушившее точность старых методов. Нет надобности говорить, что это были торпеда и мина заграждения. Их отклоняющее от старых методов влияние было любопытным. В наших собственных операциях против Севастополя, на которые пример с Порт-Артуром наиболее близко походит, старые принципы еще были действительны. По традиционному принципу, со времени нападения Дрэка на Сан-Доминго в 1585 г., место высадки было избрано такое, которое давало легкость проведения coup de main и обеспечивало отсутствие сопротивления; другими словами, оно было выбрано в ближайшей практически удобной точке к об'екту действий, который был незащищен батареями и находился вне пределов досягаемости главной армии противника.

В использовании эскадры прикрытия адмирал Дэндас — главнокомандующий — дал ей двойную функцию. После об'яснения основных обязанностей эскадры при транспортах, он говорит: «Остальная часть моих сил... будет действовать как прикрывающая эскадра и где возможно — оказывать помощь общей высадке». Имея в виду эти два об'екта, он занял позицию, достаточно близкую к месту высадки, чтобы поддерживать армию своей артиллерией, если бы она встретила сопротивление, но все же в пределах видимости своих крейсеров, находившихся у Севастополя, и в таком расстоянии, чтобы при первом признаке движения русских иметь время подойти к порту и вступить в бой с ними прежде, чем они смогут совсем выйти в море; иначе говоря, он занял позицию настолько близко к армии, чтобы было удобно предотвращать помеху, или, можно также сказать, что его позиция была настолько близка к базе противника, чтобы было удобно поддерживать высадку. С любой из этих точек зрения место для наилучшей позиции было тем же самым, и ее выбор не представлял сложности главным образом благодаря тому факту, что в первое время пар упростил факторы времени и дистанции.

В случае с Японией применение этих принципов не было таким простым. При выборе ближайшего незащищенного пункта для производства высадки должны были учитываться не только батареи, или даже армия в Порт-Артуре, или войска, разбросанные на Ляодунском полуострове, но скорее — как должно быть всегда и в будущем — мины заграждения и подвижная торпедная оборона (mobile torpedo defence). Пункт, который выбрали японцы, была ближайшая удобная для высадки бухта, которая не была минирована. Она находилась безусловно за пределами досягаемости подвижной обороны, но случилось так, что она была расположена за островами, которые сами представляли собой естественный рубеж для организации постоянной защиты, и таким образом удовлетворяла всем признанным нами необходимыми условиям. Но поскольку защита могла быть преодолена русским флотом, требовалась прикрывающая эскадра, и трудность выбора позиции была усложнена тем фактом, что об'ектом действий смешанной экспедиции был не только Порт-Артур сам по себе, но также эскадра, которая в нем находилась. Поэтому нужно было не только занимать позицию перед стоянкой этой эскадры, но и предотвратить ее прорыв. Это указывало на необходимость тесной блокады. Но для тесной блокады требуется позиция за пределами действия торпедных сил ночью, а ближайший пункт, где подобное положение могло бы быть обеспечено, было за пределами защиты, которая прикрывала выгрузку. Следовательно, невзирая на то, что диктовали стратегические условия, прикрывающая эскадра была вынуждена более или менее постоянно держаться ближе к армии и к ее поддерживающим силам, даже когда поддержка линейной эскадры больше не требовалась.

Но в условиях, которые таким образом существовали, это не причинило ущерба, ибо линии расположения береговых средств обороны японцев были так близки к базе противника, что минированием входа в порт Того обеспечил достаточную медленность выхода флота неприятеля, и это давало ему уверенность в возможности войти с ним в соприкосновение со своей якорной стоянки прежде, чем русские смогут выйти далеко в море. Что случилось бы в том случае, если бы нельзя было обеспечить подобной позиции,— другой вопрос. Место высадки и база снабжения армии должны быть обеспечены от торпедной атаки, и принцип сосредоточения напряжения требует, чтобы средства защиты не ослаблялись отнесением позиции эскадры прикрытия с защищенной якорной стоянкой куда-либо в другое место. Поэтому представляется, что, пока географические условия не дают возможности эскадре прикрытия пользоваться одной из ее собственных баз, развитие новейших средств войны на море принуждает ее возвратиться к армии и таким образом ведет к смешению ее обязанностей с задачами эскадры при транспортах. Отсюда вытекает увеличившаяся важность ясного различения функций обеих эскадр.

Для того чтобы подчеркнуть принцип действий эскадры прикрытия, эти два случая могут быть противопоставлены эпизоду у Лиссы в конце австро-итальянской войны 1866 г. В этом случае итальянцы этим принципом целиком пренебрегли, с бедственными для себя результатами. Австрийский адмирал Тегеттоф—с более слабым флотом согласно приказам свыше. действовал только оборонительно и на-

ходился в Поле, ожидая случая для контрудара (карта 1). Персано с превосходившим его по силе итальянским флотом находился в Анконе, практически господствуя в Адриатике. В июле итальянцы, благодаря неудачам армии, оказались перед перспективой заключения мира на неблагоприятных условиях. Для улучшения положения Персано было приказано завладеть австрийским островом Лисса. Без всякой попытки организовать свой флот на основе ортодоксального британского принципа он отправился проводить операцию всеми своими силами. Практически весь флот оказался вовлеченным в проведение совместной операции, и коль скоро Персано оказался связанным, Тегетгоф вышел в море и застал его врасплох. Персано был не в состоянии высвободить своевременно достаточную силу для отражения атаки и, не имея цельной компактной эскадры для самостоятельного морского боя, был решительно разбит более слабым противником. С точки зрения британской практики — это был явный случай, когда при смешанной операции, если она вообще должна была быть предпринята, необходимо было выделить самостоятельную эскадру прикрытия, чтобы либо держать Тегетгофа в Поле, либо принудить его своевременно к бою, в зависимости от того, был ли остров или австрийский флот главным об'ектом действий итальянского флота. Причиной того, что это не было сделано, могло быть отсутствие у Персано надлежащих десантных сил, и он, казалось, считал всю силу своего флота необходимой для успешного захвата об'екта. В таком случае это есть лишнее доказательство правила, что независимо от требующихся для поддержки высадки сил флота, они никогда не должны даваться при наличии неполного господства на море в таких размерах, которые лишат возможности прикрывающую эскадру оставаться свободной для самостоятельного морского боя.

Вопрос о пределах, до которых могут простираться функции поддержки флота, будет всегда щекотливым. Предположение, что размер сил поддержки должен зависеть от потребности армии в личном составе флота или в его шлюпках, на которых также используется его личный состав, может показаться несообразным. Линейная эскадра, скажем мы, предназначена действовать против линейной эскадры противника, а ее люди — сражаться против кораблей, и наш рассудок восстанет против мысли о том, чтобы сила эскадры определялась каким-либо другим мерилом.

Теоретически ничто не может казаться более правильным, но эта идея есть продукт мирного времени и мирного изучения. Атмосфера войны породила более широкий и более практический взгляд. Деятели прежних войн знали, что когда смешанной экспедиции придается эскадра, она становится чем-то отличным от чисто военноморской единицы. Больше того, они знали, что армия, действующая за морем против враждебной территории, есть неполноценный организм, неспособный нанести свой удар наиболее действительным образом без помощи личного состава флота. Задачей военноморских единиц, составляющих часть этой смешанной силы, являлась не только защита части организма, наносящей удар, но и восполнение его недостатков и придание ему силы для удара. Одна и без помощи — армия сама не может высадиться, она не может себя снабдить, она не может обеспечить свое отступление, ни доставить себе наибольшие

преимущества земноводной (amphibious) силы, ни обеспечить возможность внезапной перемены базы или операционной линии. Все это должен для нее сделать флот, и он должен сделать это своими людьми [1].

Подтверждения этого взгляда весьма многочисленны. В 1800 г., например, когда генералу Мейтланду (Maitland) была поручена экспедиция против Бель-Иля, его попросили сообщить, какую военноморскую силу он потребует. Он нашел, что трудно фиксировать ее точно. «Говоря в общем однако, — писал он, — три или четыре вымпела боевой линии (линейных корабля. — Прим. перев.) и четыре или пять фрегатов, как представляется мне, надлежащим образом соответствуют и достаточны для предположенной задачи. Фрегаты, — чтобы блокировать (имея конечно в виду блокаду об'екта действий и предотвращение прибытия подкреплений туда с материка, — что было всегда одной из функций поддержки эскадры, приданной к транспортам), отряд линейных кораблей нужен, — добавляет он, — чтобы снабдить нас необходимым числом людей для операций на суше (land operations)». В этом случае наши постоянно блокирующие эскадры дали прикрытие, и Мэйтланд имел в виду, чтобы линейные корабли были приданы к эскадре при транспортах не для эскорта, но для поддержки. С.-Винцент, который был тогда Первым лордом, не только удовлетворил его просьбу, но дал ему для проведения высадки на один линейный корабль больше, чем он просил. В это время наше общее господство на море было очень полно обеспечено, и мы имели для его использования много морских сил в резерве. Будет полезно сравнить этот пример со случаем, в котором обстоятельства были иными.

Когда в 1795 г. подготовлялась экспедиция под командой адмирала Кристиэн (Ghristian) и генерала Эберкромби (Abercromby) для Вест-Индии, адмирал, в согласии с Джервисом (Jervis), составил меморандум о потребных морских силах [2]. Сила, которую он просил, была значительной. Оба, и он и Джервис, считали, что эскорт и местное прикрытие должны быть очень сильными, ибо нельзя было действительно рассчитывать на закрытие Бреста и Тулона блокадой. Но не только это было причиной. План операций включал три различных высадки, и каждая требовала по крайней мере по два линейных корабля, а может быть и по три, не только в качестве прикрытия, но и для обеспечения управления плоскодонными пловучими средствами, выгрузки пушек и выполнения других необходимых вспомогательных работ (services of fatigue). Кристиэн также потребовал необходимое число фрегатов и три или четыре брига, чтобы прикрыть (т. е. поддержать) операции более мелких судов (т. е. флотилии высадки, выполнявшей прибрежную работу).

---

[1] Японцы в последней (русско-японской войне. — Примечание переводчика) пытались выполнить эту работу средствами высокоорганизованного штаба высадки армии (Army Disembarkation Staff), но иначе чем при превосходных условиях погоды и местности он повидимому работал не очень хорошо, и почти во всех случаях требовалась помощь флота.

[2] Сэр Гью Клобери Кристиэн (Hugh Cloobery Christian) был офицером высоко отличавшимся, с замечательным послужным списком боевой службы. Он служил вторым капитаном у Хоу (Howe), как раз перед его продвижением в ранг флагманов в 1795 г., и умер в ранних летах, 51 года, будучи командующим в районе мыса Доброй Надежды (at the Cape).

Главная атака требовала по меньшей мере четырех линейных кораблей и семи фрегатов с бригами и шхунами в соответствующей пропорции. В целом он считал, что линейные корабли (фрегаты должны были использоваться для иных надобностей), должны дать партии для средств высадки (landing parties) общей численностью до 2 000 человек «для плоскодонных пловучих средств, выгрузки и передвижения пушек, доставки воды и провианта», — и это было бы их ежедневной задачей. Военная сила, которую эти десантные партии должны были обслуживать, исчислялась в 18 000 человек.

Нужно сказать, что лорд Бархэм, тогда сэр Чарльз Мидльтон, бывший Первым морским лордом, противился этим требованиям, считая их чрезмерными; особенно он противился требованию сильного эскорта, так как считал, что переход мог быть охранен путем усиления бдительности эскадр, несших постоянную блокаду. Требование больших береговых партий он, казалось, игнорировал. Однако его мнение не вполне убедительно, ибо он с самого начала занял отрицательную позицию по отношению ко всей идее операции. Он считал политику, требовавшую ее, совершенно неправильной и естественно стремился сократить силы, которые предстояло в ней использовать. Его возражение было основано на широких принципах и предусмотрительности, характеризовавших его стратегию. Он считал, что ввиду враждебной позиции Испании правильным образом действий было бы соединение всего флота в целях доведения его для приближающейся борьбы — до размера, равного морской силе двух держав (two-power standard), и поддержание его сосредоточения для решительного морского боя в тот момент, как Испания сделала бы первое малейшее движение. Говоря кратко, он сильно осуждал политику, которая вела к значительному распылению сил флота из-за второстепенного об'екта, до того как было обеспечено действительное господство на море. Приготовления к этой экспедиции принудили его подать в отставку, прежде чем они были закончены. Но должно быть отмечено, что его возражения против плана были вызваны на деле не принципами организации экспедиции, а недостаточностью наших сил для придания ей соответствующей поддержки без пренебрежения высшими соображениями о нашем общем положении на море [1].

Очевидно, что приведенные соображения, кроме вытекающих из них стратегических выводов, будут иметь еще то важное значение, что они должны влиять на выбор места высадки. Армия всегда будет заинтересована в выборе его как можно ближе к об'екту своих действий, насколько это совместимо с возможностью высадки без сопротивления. Идеалом было бы расстояние, равное ночному переходу, но он может быть редко достижим, исключая очень небольшие экспедиции, которые могли бы быть быстро высажены в конце дня и совершить поход в течение ночной темноты. При больших экспедициях стремлением было произвести высадку достаточно далеко от об'екта действий экспедиции, чтобы избежать оказания сопротивления гарнизоном или местными силами против-

---

1 На этом же основании почти всякий военный критик осуждал политику этой несчастной экспедиции как вызывавшую распыление наших скудных военных сил вмомент, когда все призывало к их сосредоточению в Европе.

ника, прежде чем десант укрепится на берегу. Тенденция флота будет обыкновенно противоположного направления, ибо нормально— чем дальше сможет быть произведена высадка армии от неприятельских сил, тем надежнее будет он способен охранить ее от нарушения высадки морской силой противника. Его идеалом будет место, достаточно удаленное по сравнению с радиусом действия торпедных сил и дающее возможность выполнения прикрывающей и транспортной эскадрами своих функций с сохранением их целесообразной стратегической независимости.

Чтобы свести эти разноречивые потребности к своего рода равнодействующей, необходим об'единенный штаб (joint staff) и, чтобы обеспечить успешность его работы, не менее желательно определить, насколько возможно, принципы и метод, на основе которых он должен будет работать. В лучших недавних примерах задача войскового штаба (army staff) состояла в том, чтобы определить ту часть береговой черты, в пределах которой должна иметь место высадка, дабы операция имела желаемый эффект, и указать известные подходящие пункты высадки в порядке их предпочтительности для выбора. После этого морской штаб должен будет сказать, в насколько близком соответствии с мнением армии морские силы готовы действовать. Его решение будет зависеть от трудности защиты и свойств пунктов высадки с точки зрения условий погоды, течений, пляжа и т. п., а также в меньшей степени от того, в какой мере характер берегов допустит проведение тактической поддержки десанта огнем артиллерии и ложными атаками. Если морской штаб не желает согласиться на пункты, наиболее желательные его сухопутным коллегам, вопрос уравновешения риска подлежит решению высшего об'единенного штаба. Обязанностью морского штаба будет изложить открыто и ясно весь риск, связанный с выполнением предложений армии и, если возможно, наметить другое решение, при котором риск помехи морскими силами противника может быть уменьшен без возложения слишком тяжелого бремени на армию. Уравновешивая этот риск с тем риском, который связан с проведением представленных армией предложений, высший штаб должен решить, какая линия поведения должна быть принята, и тогда каждая служба должна будет сделать с своей стороны все, что в ее силах, для уменьшения трудностей, с которыми ей предстоит встретиться. Склонится ли высший штаб на точку зрения морских сил или армии — будет зависеть от того, откуда может возникнуть бо́льшая опасность, — с моря или с суши.

Там, где военноморские условия достаточно хорошо известны, операционная линия может быть намечена с большой точностью в соответствии с имеющимися данными. Но если, как обыкновенно случается, возможные действия неприятеля на море не могут быть предсказаны с достаточной уверенностью, тогда принимая, что имеется серьезная возможность военноморской помехи, окончательный выбор в пределах ограниченного района должен быть предоставлен морскому командующему. Существовала практика давать ему инструкции, которые располагали в порядке предпочтительности выбора пункты, желательные для армии, и указывали ему выбрать один, который в обстановке, какой он ее находит, соответствует пределам разумного риска на войне. Подобно этому, если опасность

военноморской помехи мала, и местные условия на берегу известны недостаточно полно, окончательный выбор должен принадлежать военному начальнику, в зависимости, главным образом, от практических возможностей использования избираемого места высадки.

В течение лучшего периода наших старых войн редко возникали какие-либо препятствия к успешному проведению согласования на этих основаниях. После первой бесславной неудачи в Рошфоре в 1757 г. практиковалось, где такая осмотрительность была доступна, чтобы оба командующих производили разведку берега на одном и том же корабле, дабы разрешить вопрос по соглашению на месте.

С тех пор ведение наших смешанных операций было построено на этих основаниях. Со времен Питта старшего в нашей практике никогда не было подчинения смешанной экспедиции либо морскому либо сухопутному командующему с тем, чтобы он делал выбор между нуждами морскими и сухопутными. Опасность возможных трений между двумя командующими считалась небольшой по сравнению с опасностью тех ошибок, которые мог сделать один из них вследствие недостаточного знакомства с возможностями службы, к которой он не принадлежал.

Такая система применялась обыкновенно успешно, даже когда возникали вопросы, оказавшиеся существенно важными для соединенного высшего штаба. Исключения действительно очень немногочисленны. Прекрасный пример того, как возникающие затруднения могут быть решены, когда этого хотят, имел место в Крыму. Военноморские затруднения, как мы уже видели, были настолько грозны, что могли превратить всю попытку в безумное предприятие. Когда настал момент выполнения, состоялся соединенный военный совет, на котором заседали союзные штабы обеих служб. Различия в мнениях французских и британских генералов были так велики, и настолько плохо была известа местность, что они не могли указать место высадки сколько-нибудь точно. Адмиралы же знали, что высадка должна была произойти на открытом берегу, произвести разведку которого в целях выяснения того, где погода могла во всякое время прервать связь с берегом, и где они могли быть атакованы силой, которая, пока их собственные корабли не были освобождены от войск, не была бы слабее их сил — они были не в состоянии. Все эти препятствия они изложили перед генеральным советом. Лорд Рэглан (Reglan) тогда сказал, что армии теперь совершенно ясен риск и что она готова принять его; на это союзные адмиралы ответили, что они готовы приступить к операции и сделают со своей стороны все, чтобы высадить армию на берег и поддержать ее в любом пункте, который был бы ею избран.

Остается нерассмотренной форма поддержки и диверсии, или ложные движения флота, имеющие целью отвлечение внимания противника от места высадки. Все это естественно будет функцией линейной эскадры прикрытия или приданных ей крейсеров и флотилий. Способ проведения этих действий впервые проявился в набеге Дрэка против Сан-Доминго в 1585 г., — операции, которая может считаться нашим самым ранним прецедентом в этом отношении в новое время и образцом, к которому все последующие операции этого рода приближались, насколько позволяли обстоятель-

ства. В этом случае, пока Дрэк производил высадку войск в расстоянии одного ночного перехода от об'екта набега, главная часть сил флота маневрировала перед последним и держала его в тревоге всю ночь, а на рассвете произвела демонстрацию прямой высадки на шлюпках под прикрытием своих пушек. Результатом было то, что гарнизон выступил для отражения ложной высадки и был неожиданно атакован с фланга действительной десантной силой. Переходя от этого простого примера к действиям, являющимся наиболее разработанными из известных в наших анналах, мы видим Саундерса, делающим то же самое в Квебеке. Во время подготовки к ночной высадке Уолфа он сделал показные приготовления для бомбардировки позиций Монткальма (Montcalm) ниже города, а утром со шлюпками флота начал демонстрацию высадки своей морской пехоты. Таким путем он удержал Монткальма на расстоянии от места высадки Уолфа, пока на берегу войска не обеспечили себе позиций. Подобные же демонстрации были произведены также выше города, и общим результатом было то, что Уолф смог проникнуть в центр французского расположения, не встретив сопротивления.

Подобные методы относятся, конечно, скорее к области тактики, чем стратегии, но этот образ действий был использован с равным эффектом и стратегически. Скрытность так же, как и подвижность смешанных сил, участвующих в смешанной экспедиции, настолько велика, что армии чрезвычайно трудно отличить истинную атаку от демонстрации удара. Даже в последний момент, когда высадка действительно уже происходит, обороняющийся не может сказать, что все войска будут высажены в одном пункте, если где-либо производится демонстрация. В Квебеке, пока Монткальм не встретил лицом к лицу Уолфа, он не знал, что имеет дело со всеми британскими силами. Еще менее со стратегической точки зрения мы можем уверенно решить, представляет ли передовая охрана основную высадку или она является диверсией для маскировки бо́льшей высадки в другом месте. Особая трудность этого рода возникает, когда при больших операциях высаживающаяся армия прибывает эшелонами, как например Вторая японская армия. В этом случае морская диверсия была использована стратегически и повидимому со значительным успехом. Русские все время были склонны думать, что японцы предпримут удар против Ньючанга (Нью-Чжуана) в глубине Печилийского залива (Ляодунского. — Ред.), и по этой причине генералу Штакельбергу, который командовал войсками на полуострове, не было дано разрешения сосредоточить свои силы для действий в его южной части, где японцы наметили место своей высадки. Адмирал Того, несмотря на напряжение своего флота в производстве и обеспечении высадки армии, отправил крейсерскую эскадру для демонстрации в залив. Подлинное влияние его диверсии на действия русского штаба не может быть определено достаточно точно. Все, что мы знаем, это то, что Штакельбергу не давали произвести сосредоточения настолько долго, что он не смог нанести удара японской армии раньше, чем она была готова для боевых действий и оказалась способной нанести ему мощный контрудар.

Этой способностью приведения в расстройство намерений противника диверсиями мы конечно обязаны особым свойствам сме-

шанных экспедиций, легкости, с которой их операционная линия может быть скрыта или изменена, и как будто нет оснований считать, что в будущем она должна быть меньше, чем в прошлом. Развитые железнодорожные сообщения в районе высадки, конечно, уменьшат эффект диверсий, но с другой стороны, средства проведения последних увеличились. Тральщики, например, представляются новым средством, которое в русско-японскую войну показало свою способность создания очень сильного впечатления при малых трудностях для флота. Появись такая флотилия у любой подходящей части угрожаемого побережья и сделай она вид, что производит траление подходов к нему,— и психологически будет почти невозможно игнорировать эту демонстрацию.

Итак в целом, считая, что применяются старые методы, мы видим, что при значительном морском превосходстве сила таких операций (экспедиций.— Ред.), выполняемых через море, без господства на нем, не меньше, чем она оказывалась до сих пор. Быстрота и точность передвижения при помощи пара может быть даже делает эту силу большей, чем когда-либо.

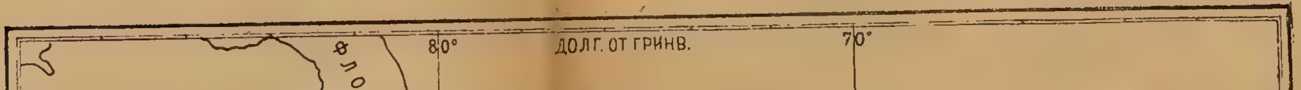
Во всяком случае было бы трудно найти в прошлом пример такого же блестящего движения, как движение японцев на Сеул, которым они открыли войну в 1904 г. Правда, русские в последний момент решили по политическим причинам допустить оккупацию без сопротивления, но это было неизвестно японцам, и их мероприятия были построены на предположении, что их противник должен использовать все мощные средства, бывшие в его распоряжении, чтобы противодействовать операции. Риск был учтен, искусно взвешен, и операции умело проведены на принципах, идентичных с принципами британских традиций. Но с другой стороны не было ничего, показывающего нам, что там, где противник имеет действительное господство на море, риск таких предприятий уменьшился. Против неприятеля, который поддерживает контроль линии перехода морем, достаточно хорошо испытанные методы прикрытия и охраны морских экспедиций будут сегодня действительны не больше, чем они были в прошлом. Пока его режим не разрушен чистоморским сражением, смешанная операция остается вне пределов риска, допустимого на войне.

—

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Карта 1. Схематическая карта побережья западной части Европы.

Карта 2. Схематическая карта района южной Манчжурии и Кореи.



Карта 3. Схематическая карта района Вест-Индии.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

15 руб

Цена 3 руб. 25 коп.
переплет 75 коп.

II
Б-3342